

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА
И СОВРЕМЕННОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ**

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 1 № 1 2019

Vol. 1 No. 1 2019

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

languagestudies.ru
ISSN 2686-830X (online)
DOI 10.33910/2686-830X-2019-1-1
2019. Том 1, № 1
2019. Vol. 1, no. 1

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 4 раза в год

Registration certificate [EL No. FS 77 – 74269](#)

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

4 issues per year

Редакция

Главный редактор

В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Т. Г. Гусакова (Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Team

Editor-in-chief

Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Tatiana G. Gusakova (St Petersburg, Russia)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)

М. Журавицки (Эссен, Германия)

О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Невзорова (Казань, Россия)

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

Л. Сальмон (Генуя, Италия)

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

О. Суте (Париж, Франция)

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)

Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)

Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)

Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)

Dmitriy O. Dobrovolsky (Moscow, Russia)

Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)

Michael Szurawitzki (Essen, Germany)

Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)

Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)

Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)

Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Laura Salmon (Genoa, Italy)

Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)

Olivier Soutet (Paris, France)

Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)

Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена

191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

E-mail: izdat@herzen.spb.ru

Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical

University of Russia

48 Moyka Emb., St Petersburg, Russia, 191186

E-mail: izdat@herzen.spb.ru

Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 12,3 Мб

Подписано к использованию 28.10.2019

Published at 28.10.2019

При использовании любых фрагментов ссылка на журнал «Исследования языка и современное гуманитарное знание» и на авторов материала обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way without a reference to the journal “Language Studies and Modern Humanities” and the author(s) of the material in question.

Редактор *А. Г. Савельева*
Редактор английского текста *О. В. Колотина*
Оформление обложки *О. В. Рудневой*
Верстка *Д. В. Лаптухиной*

Санкт-Петербург, 2019

© Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	4
Лингвистика и междисциплинарные исследования языка	6
<i>Абросимова Н. Г.</i> «Инсценированный» эгоцентризм как принцип смысло-речевой организации текстов в реальной коммуникации	6
<i>Вышенская Ю. П.</i> Художественный стиль в условиях смещения языковых систем	15
<i>Szurawitzki M.</i> Researching digital communication practices among German-speaking expats in China: Study design	22
<i>Tereshchuk A. A.</i> Language question in the discourse of modern Catalan nationalists	30
<i>Яковлева Е. В.</i> Особенности формирования референции в устном дискурсе	35
Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам	42
<i>Белюсова В. О.</i> Использование инструментальных методов для развития звукопроизносительных навыков на иностранном языке	42
<i>Фролова И. В.</i> Языковое портфолио как стратегия обучения второму иностранному языку студентов магистратуры педагогического направления	49
<i>Хэкетт-Джонс А. В.</i> Переосмысление понятия «лингвометодическая обучающая поддержка» для полилингвального обучения	57
Обзоры, рецензии, персоналии	64
<i>Каргаполова И. А.</i> Новый взгляд на категорию «безличность». Рецензия на книгу: <i>Березина О. А. (2018) Языковые средства актуализации категории «безличность».</i> <i>Казань: ООО «Бук», 186 с.</i>	64
<i>Чебанов С. В., Буянова Д. С., Писарев А. С. С. Г.</i> Чебанов, его архив и распределение слов по числу слогов	67

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-chief	4
Linguistics and interdisciplinary research in language and discourse	6
<i>Abrosimova N. G.</i> Staged egocentrism as a principle of the semantic-speech text organization in the real communication	6
<i>Vyshenskaya Yu. P.</i> The belles-lettres style under language systems' shift conditions	15
<i>Szurawitzki M.</i> Researching digital communication practices among German-speaking expats in China: Study design	22
<i>Tereshchuk A. A.</i> Language question in the discourse of modern Catalan nationalists	30
<i>Yakovleva E. V.</i> Specific features of reference formation in the oral discourse	35
Linguodidactics and language teaching methodology	42
<i>Belousova V. O.</i> The use of instrumental methods for the development of pronunciation skills in a foreign language	42
<i>Frolova I. V.</i> Language portfolio as a strategy for teaching a second foreign language to master's students in education studies	49
<i>Hackett-Jones A. V.</i> Implications of the notion of "language and methodology teaching support" for polylingual education	57
Reports, reviews, personalities	64
<i>Kargapolova I. A.</i> The new approach towards the category of impersonality. <i>Book review:</i> <i>Berezina O. A. (2018) Actualization means of impersonality category in language.</i> <i>Kazan: OOO "Buk" Publ., 186 p.</i>	64
<i>Chebanov S. V., Buyanova D. S., Pisarev A. S. S. G.</i> Chebanov, his archive and the distribution of words by the number of syllables	67

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

Перед вами первый номер сетевого научного журнала открытого доступа «Исследования языка и современное гуманитарное знание».

Учредителем и издателем журнала является Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Издание было задумано как платформа для научного диалога об актуальных проблемах фундаментального и прикладного характера, касающихся устройства языка, его связи с сознанием и миром, а также практики применения результатов исследований языка в сфере преподавания, перевода, разработки учебных пособий, словарей, создания лингвистических корпусов. Особое внимание журнал намерен уделять новым направлениям развития науки о языке, в том числе междисциплинарного характера; вызовам, с которыми она сталкивается в условиях современной интеллектуальной и языковой ситуации, и тем научным решениям, которые формируют ответы на них и открывают пути их использования в практике коммуникации в разных сферах жизни общества, прежде всего в сфере языкового образования.

Журнал публикует результаты оригинальных исследований, представляет научные проекты, дает обзоры конференций и конкурсов, знакомит с вышедшими в свет научными трудами, посвященными, в том числе, спорным вопросам современной науки о языке с ее установками на антропоцентризм и междисциплинарность. В журнале предусмотрены такие разделы, как «Лингвистика и междисциплинарные исследования языка», «Перевод и переводоведение», «Литературоведение», «Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам», «Обзоры, рецензии, персоналии». Мы также планируем тематические выпуски журнала по отдельным проблемам и направлениям исследования языка и современного гуманитарного знания.

Одной из наших задач является расширение коммуникативного пространства взаимодействия российских и зарубежных ученых: журнал публикует материалы, написанные не только на русском, но также на английском, немецком и французском языках.

Стремясь завоевать авторитет у читателей высоким уровнем публикаций, их актуальностью, теоретической новизной и практической значимостью, издатель журнала и его редакционная коллегия гарантируют высокий уровень экспертизы поступающих материалов, привлекая к ней ведущих отечественных и зарубежных исследователей.

Первый номер журнала содержит три раздела. Статьи, вошедшие в раздел «Лингвистика и междисциплинарные исследования языка», объединяет дух антропоцентризма и функционализма: в них рассматриваются процессы «присвоения» и творческого использования языка языковым коллективом и его отдельными членами в различных сферах коммуникации. Авторы фокусируют свое внимание, с одной стороны, на процессах, которые определяют функционирование языка в условиях конкретных социально-речевых практик (политической, художественной, интернет-коммуникации), с другой — анализируют неканонические способы автореферентных обозначений, с помощью которых адресант высказывания маркирует или вуалирует свое собственное участие в акте коммуникации («инсценированный» эгоцентризм в деловой и повседневной коммуникации, явления дефокусировки в устном дискурсе).

Материалы, составившие раздел «Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам», будут интересны тем, кого интересуют вопросы создания системы лингвометодической обучающей поддержки как повышения эффективности обучения второму иностранному языку, развитию критического мышления и творческого потенциала обучающихся («скаффолдинг», «европейское языковое портфолио») и перспективы успешного использования современных мультимедийных программ в процессе овладения иностранным языком, в частности, производственными навыками на иностранном языке.

Раздел «Обзоры, рецензии, персоналии» знакомит читателей с вышедшей в этом году монографией О. А. Березиной «Языковые средства актуализации категории “безличность”» (Казань: ООО «Бук», 2019), а также с удивительным ученым С. Г. Чебановым, который, будучи специалистом в области оториноларингологии, написал в 1947 г. единственную статью по лингвистике о распределении слов в тексте по количеству слогов — закономерности, известной как распределение Чебанова — Фукса.

Завершая свое вступительное слово, хочу пригласить к сотрудничеству всех, кто готов поделиться своими мыслями и идеями, кто заинтересованно относится к тому, что происходит сегодня в гуманитарных науках в связи с исследованиями языка и его роли в жизни человека и общества с учетом новых возможностей и вызовов, являющихся результатом дигитализации как процесса возникновения систем с искусственным интеллектом, что не может не влиять на гуманитарные ценности общества.

*С уважением,
главный редактор журнала
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии
РГПУ им. А. И. Герцена
Валерия Анатольевна Андреева*

«Инсценированный» эгоцентризм как принцип смысло-речевой организации текстов в реальной коммуникации

Н. Г. Абросимова^{✉1}

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Абросимова Наталья Геннадьевна,
SPIN-код: 6675-0520, e-mail:
abrosimova8@gmail.com

Для цитирования:

Абросимова, Н. Г. (2019)
«Инсценированный» эгоцентризм
как принцип смысло-речевой
организации текстов в реальной
коммуникации. *Исследования
языка и современное гуманитарное
знание*, т. 1, № 1, с. 6–14. DOI:
10.33910/2686-830X-2019-1-1-6-14

Получена 21 июня 2019; прошла
рецензирование 28 июня 2019;
принята 28 июня 2019.

Права: © Автор (2019).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена научному анализу немецкоязычных эгоцентрических текстов в реальной коммуникации, которые формулируются от 1-го лица «другого», замещающего истинного автора. Под эгоцентрическим текстом в работе понимается речевое произведение, в котором с помощью совокупности эгоцентрических языковых и речевых средств, то есть указателей на самого себя как на субъекта мысли, речи и действия, создается субъективный «обертон» смысла текстового целого. Смысловым и коммуникативно-прагматическим ядром модели эгоцентрического текста является парадигма личного местоимения 1-го лица (нем. *ich*). В этой функции местоимение «Я» способно иррадиально воздействовать на потенциал других текстовых единиц, не обладающих в системе языка эгоцентрическим значением, и обеспечивать, таким образом, контекстуальные приращения к их основной семантике эгоцентрического смысла. Это касается, например, перформативных и модальных глаголов, глаголов и глагольных словосочетаний с ментальной и эмотивной семантикой. Входя в синтаксические конструкции (ряды однородных членов, вводные конструкции, неполные и эллиптические предложения, различные виды придаточных предложений, инфинитивные конструкции) и вступая, таким образом, в синтагматические отношения между собой и с другими текстовыми элементами, эти единицы не только реализуют сами различные модификации эгоцентрического смысла, но и придают различные оттенки этого смысла другим элементам композиционно-речевой структуры текста. В текстах, в основе формулирования которых лежит инсценированный эгоцентризм, местоимение «Я» получает сложную референциальную структуру, поскольку речь идет о двойном субъекте авторизации — реальном и ложном. На основе анализа таких видов эгоцентрических текстов в реальной коммуникации, как авторизованное объявление и блогвая запись, в статье устанавливается, что в основе приема инсценирования эгоцентрической позиции «другого» лежит, прежде всего, суггестивное внушение, предполагающее воздействие на адресата в первую очередь не с целью побуждения его к выполнению определенных посткоммуникативных действий, а с целью изменения хода мыслей реципиента, его эмоционального состояния и внутреннего призыва к сомышлению и сопереживанию.

Ключевые слова: антропоцентризм, эгоцентризм, инсценированный эгоцентризм, эгоцентрические единицы, эгоцентрический текст, речевой субъект, лингвистика текста.

Staged egocentrism as a principle of the semantic-speech text organization in the real communication

N. G. Abrosimova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Natalia G. Abrosimova,
SPIN: 6675-0520, e-mail:
abrosimova8@gmail.com

For citation: Abrosimova, N. G. (2019) Staged egocentrism as a principle of the semantic-speech text organization in the real communication. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 1, no. 1, pp. 6–14. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-6-14

Received 21 June 2019; reviewed 28 June 2019; accepted 28 June 2019.

Copyright: © The Author (2019).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The paper is devoted to the scientific analysis of German egocentric texts in real communication, which are formulated from the 1st person of a “other”, who replaces the true author. In the article the egocentric text is understood as a speech product, in which special personal textual meanings are actualized. This actualization is carried out through egocentric language and speech means, in other words, pointers to oneself as a cognitive and speech subject. The semantic and communicative-pragmatic core of the model of the egocentric text is the paradigm of the 1st person personal pronoun (Ger. ‘ich’). In this function, the pronoun “I” can radically affect the potential of other textual units that do not have egocentric meaning in the language system, and thus provide contextual increments of egocentric meaning to their basic semantics. These include, for example, performative and modal verbs, verbs and verb phrases with mental and emotive semantics. Entering into syntactic constructions (introductory constructions, elliptic sentences, various types of subordinate clauses, infinitive constructions and other), these units build syntagmatic relations with each other and with other textual elements and also give different shades of the egocentric meaning to other elements of the text compositional speech structure. In the texts, which formulation is based on the “staged” egocentrism, the pronoun “I” gets a complex referential structure, because it implies a double authorization subject — real and fake. In the article, the problem of “staged” egocentrism is highlighted on the examples of such egocentric texts as authorized announcements and blog posts. Analysis of these texts allows to make a conclusion that the method of staging the egocentric position of a “other” is based primarily on suggestion, which implies an impact on the addressee, primarily not to encourage him to perform certain post-communicative actions, but to change his mindset, his emotional state and to call him for the co-thinking and empathy.

Keywords: anthropocentrism, egocentrism, egocentric text, egocentric linguistic unit, egocentric-pragmatic perspective, staged egocentrism.

Будучи онтологически неотделим от языка, человек использует его в собственных когнитивных и коммуникативно-прагматических интересах, всякий раз «присваивая» его себе в момент и на момент речи. При этом человек не только осуществляет определенный вид деятельности и взаимодействует с другими посредством языка, но и заявляет о себе как неповторимая личность, реализуя разные ее ипостаси.

К первому ряду «сигналов» речевой актуализации в тексте разных сторон носителя языка как языковой личности относятся так называемые **эгоцентрические языковые и речевые единицы**, или, в терминологии Е. В. Падучевой, «эгоцентрики» (Падучева 2018), к которым при самом широком толковании относятся «слова и выражения, ориентированные на «Эго», на «Я» говорящего» (Степанов 2010, 224). Термин «эгоцентрические частицы» (egocentric particulars)

принадлежит Б. Расселу. К ним ученый относит слова, значение которых изменяется с переменной говорящего и его положения во времени и пространстве, например, *я, это, здесь, теперь, близко, далеко, прошлое, настоящее, будущее* и другие. Главным эгоцентрическим словом Б. Рассел считает *это*, потому что оно называет «то, что в момент употребления слова занимает центр внимания» (Рассел 2000, 126). О подобных языковых единицах речь идет и в теориях В. Гумбольдта (Гумбольдт 1984), Р. О. Якобсона (Якобсон 1972), Э. Бенвениста (Бенвенист 2010) и др.

Как прагматический параметр текста эгоцентризм предполагает, наряду с его **субъектностью**, то есть принадлежностью некому субъекту речи, **субъективность** — «самовыражение» в его структуре автора как субъекта с маркированной индивидуальной точкой зрения по отношению к информации, содержащейся

в тексте. Если для достижения поставленных коммуникативных целей речевой субъект (сознательно или невольно) систематически вербализует в текстовой структуре свои собственные, сугубо индивидуальные взгляды и точки зрения, то можно говорить о так называемых **эгоцентрических текстах**.

Современной лингвистикой накоплены значительные сведения о неотрывности человеческого «Я» от языка и об эгоцентризме как факторе текстопорождения и текстовосприятия. Это касается, в первую очередь, исследований литературно-художественных текстов (Гончарова 2013, Хомякова 2002, Породин 2007, Баракина 1997 и др.), поскольку художественное мышление как таковое и процесс его транспозиции в словесно-речевые произведения по своей сути эгоцентричны и интроспективны (Адмони 1994, 116–120). Однако речевой эгоцентризм может служить ориентиром и при интерпретации текстов из иных сфер практической деятельности человека, так как позволяет обнаружить поддающиеся систематизации и научному описанию лингвостилистические сигналы, которые подтверждают прагматическую установку автора на выражение в структуре текста собственных (индивидуальных и социальных) потребностей и пристрастий.

Природа и сущность эгоцентризма в художественных и реальных текстах значительно отличаются друг от друга, что вызвано принципиально разными коммуникативно-прагматическими установками, лежащими в основе их производства и восприятия. Поэтический текст представляет собой выросший из экстерииоризации внутренней речи речевой акт авторского «Я», перлокутивным эффектом которого является эстетическое переживание (Арутюнова 1981, 364). Создание же нехудожественных эгоцентрических текстов связано, прежде всего, с выражением насущных потребностей и решением индивидуальных проблем их авторов в различных сферах практической деятельности. Поэтому характер ментально-речевого эгоцентризма в этих текстах зависит от социально-деятельностного контекста, в котором автор создаваемого текста имеет определенный социальный статус и не может существовать вне прагматической проекции на другие «Я». Языковая личность в функции автора эгоцентрического текста реальной коммуникации в определенной мере должна «встраивать» свой личный коммуникативный опыт в социальный контекст, который она усваивает в меру своих речевых компетенций и способностей. Иными словами, для того, чтобы быть понятым в определенной

коммуникативно-речевой ситуации и достигнуть конкретных практических целей, речевой субъект эгоцентрического текста реальной коммуникации должен ориентироваться на некий текстовый прототип или стандарт, соответствующий решаемой проблеме, будь то поиск жилья, партнера, поздравление близкого человека и т. д.

К классу текстов реальной коммуникации, в основе которых лежит эгоцентризм и которые в связи с этим могут быть определены, как эгоцентрические, относятся заявления (о приеме на работу, об увольнении и т. д.), деловая автобиография, авторизованные объявления, личное письмо, а также определенные виды текстовых высказываний (твиттер, блог и др.) в интернет-общении.

Структурно-семантическим центром, или «ядром», прототипа для текстов рассматриваемого класса является местоимение 1-го лица (нем. *ich*) в функции самономинации речевого субъекта. Неоднократное повторение этого местоимения в функции грамматического и прагматического субъекта в текстовой структуре и его дистрибутивные связи с другими элементами текста, на семантику и прагматику которых оно иррадиально воздействует, придавая и им эгоцентрический смысл, создают субъективно-оценочный «модус формулирования» целостного текстового высказывания (ср. Гончарова, Ньюбина 2015, 157). При этом предложения, в которых местоимение *ich* как грамматический субъект сочетается с перформативными глаголами (*bitten* 'просить', *suchen* 'искать', *gratulieren* 'поздравлять' и др.), с модальными глаголами, с глаголами ментальной и эмотивной семантики (*denken* 'думать', *glauben* 'полагать, верить', *sich freuen* 'радоваться' и др.), выступают в функции «прагматических фокусов» текста, акцентируя отдельные аспекты иллокуции и решаемой практической задачи.

Благодаря этому возникает прототипическая интенционально-коммуникативная схема эгоцентрического текста, которая подтверждает, что местоимение «Я» является его семантическим и коммуникативно-прагматическим ядром, детерминирующим организацию всей текстовой структуры: «Я — сообщаю — здесь — сейчас — посредством моего произнесения — и определенного способа языкового формулирования — об определенной теме или проблеме — с целью решить эту проблему — и показать мое личное отношение или мой личный интерес к ней» (перевод наш. — Н. А.) (Gontscharova 2017, 463).

Проиллюстрируем данные утверждения примером. Автор приведенного ниже объявления с предложением знакомства, имитирующего

диалог *ich* с потенциальным *du*, проявляет себя как креативная языковая личность:

«Wenn du zwischen 46 und 50 bist, keine **Briefmarken** aufs **Fax** klebst, nicht alle 10 km vom Motorrad fällst, sonst **für alles zu haben bist**, man **mit dir Pferde stehlen** kann, du nicht gerade im Rollen schneller bist als zu Fuß, **dann suche ich**, ca. 50/186/85/, Motorradfahrer, Kaffeekocher, Essenszubereiter, Hundebesitzer, ledig, dich! Voicemailbox: 92756» (AA, 20.05.2018).

«Если тебе от 46 до 50 лет, и ты не клеишь почтовые марки на факс, не падаешь каждые 10 км с мотоцикла, а готов на любые совместные занятия, и на тебя во всем можно положиться, ты в катании не быстрее, чем в ходьбе, тогда я, 50/186/85/, ищу мотоциклиста, бариста, владельца собаки, холостого, тебя! Голосовой ящик: 92756».

Характеризуя желаемого партнера, адресант использует целый ряд емких условных придаточных предложений, каждое из которых описывает ту или иную черту характера потенциального адресата. Так, существительные *Briefmarken* 'почтовые марки' и *Fax* 'факс', по всей видимости, являются для автора символами проходящего времени, когда вместо «мейлов» письма отправляли по почте и факсу. За счет этого они становятся в данном контексте эгоцентрически маркированными. Использование устойчивых выражений (*für alles zu haben sein* 'быть готовым участвовать в любых совместных видах деятельности' / *jemand, mit dem man Pferde stehlen kann* 'кто-то, на кого можно во всем положиться') повышает эмоциональную выразительность текста. Описание желаемого партнера продолжается и в главном предложении. Для этого автор использует перечислительный ряд, состоящий из существительных, прилагательного и личного местоимения. При этом каждый компонент ряда сужает круг потенциальных адресатов. Таким образом, местоимение *dich* 'тебя' является прямым обращением к тому, чьи характеристики отвечают мировоззрению и запросам адресанта. Кроме прочего, компоненты перечислительного ряда также отражают значимые фрагменты языковой картины мира автора. Экспрессивный синтаксис данного объявления также можно отнести к средствам актуализации авторского эгоцентризма. Каждая характеристика потенциального партнера образует самостоятельную ритмическую группу, способствуя тем самым созданию цельного образа, конструируемого эгоцентрическим субъектом на глазах читателя. Коммуникативно-прагматическим ядром всего текста при этом является перформативная синтагма *ich suche* 'я ищу', свидетельствующая о мотивации, лежащей в основе появления и структурирования текста.

В своем стремлении соединить сугубо личное переживание с воздействием на читателя авторы эгоцентрических текстов в реальной коммуникации нередко прибегают к «**инсценированному**» эгоцентризму, то есть формулированию текста от 1-го лица «другого», замещающего истинного автора. В таком случае можно говорить о двойном субъекте авторизации — реальном и ложном.

Особенно часто эгоцентрические тексты формулируются адресантами якобы от лица их домашних питомцев. Так, ярким примером использования «инсценируемого» эгоцентризма в качестве способа эмоционального воздействия на адресата является блог «Gassireport» (<http://gassireport.blogspot.com>), который ведется от лица собаки по имени *Rico Bunterhund*. Наличие у животного имени, «фамилии» и собственного блога как бы «очеловечивает» его, что эксплицирует любовь реального автора текстов к животным. «Фамилия» пса является косвенной характеристикой его внешности и указывает на его пестрый окрас. Первая запись блога представляет собой своего рода автобиографию псевдоадресанта. В зачинном предложении употребляется характерный для текста автобиографии штамп *das Licht der Welt erblicken* 'увидеть свет, родиться': «Am 9. Juni 2012 erblickte ich, nun ja, nicht gerade das Licht der Welt». «9 июня, ну да, я не то чтобы увидел белый свет» (GR). Однако в данном случае автор обманывает ожидание читателя, вводя в структуру предложения отрицание, пытаясь тем самым вызвать у него сочувствие. Описание места рождения щенка рисует в сознании адресанта неблагоприятные картины, что достигается за счет соответствующих средств с эмоционально-оценочной семантикой. Умолчание и гипербола усиливают экспрессивный тон текста:

«In **einem dunklen Keller** wuchs ich auf, überall hatten meine Geschwister und ich schon **hingepisst** und **-gekackt**. Außer diesem Kellerraum kannte ich Nichts — es war die Welt die wir kannten... Bis dann nach 11 Wochen der Tierschutz und der Amtsvertinerär uns **völlig unterernährt aus diesem Loch** retteten. Tierheim, das hört sich für viele **schlimm** und **grausam** an, für mich war es bereits **eine 1000prozentige Verbesserung**» (GR).

«Я вырос в темном подвале, мои братья и сестры и я уже все описали и обкакали. Кроме этого подвального помещения я не знал ничего — это был мир, который мы знали... До тех пор, пока 11 недель спустя представитель защиты животных и ветеринар спасли нас, полностью истощенных, из этой дыры. Приют для животных, это для многих звучит плохо и жестоко, для меня был уже 1000-процентным улучшением».

Во всех записях блога используются специфические обозначения человека, как бы подчеркивающие различие между людьми и собаками: *die zweibeinigen Wesen* 'двуногие существа' / *der Zweibeiner* 'двуногий' / *felllose Primaten* 'бесшерстные приматы'. Подобные, зачастую содержащие самоиронию авторского «Я», формы обладают особой выразительностью и создают комический эффект, а также характеризуют реального речевого субъекта, в случае референциальной соотнесенности с ним, например: *der glatzköpfige Zweibeiner* 'лысый двуногий' / *mein Oller* 'мой старик' / *mein menschliches Cerebral-Interface Maximilian* 'мой человеческий мозговой интерфейс Максимилиан'.

За счет использования связанных с миром собак инфлективов (**wedelfreu** / **frechwedel** / **schlauschaufrechwedel** / **jawohlwoaff** / **brummm**), и авторских окказионализмов (*hundehüttehoch/wuffig-prächtigt* / *etwas Neues erschnüffeln* / *erschnüffelte Blogs* / *Das freut mich wuffig!* / *Vielen wuffigen Dank!*), в основе которых лежит прием языковой игры, автору, действительно, удается создать ощущение того, что рассказ ведется от лица собаки.

«Собачий взгляд» на мир выполняет не только аттрактивно-экспрессивную функцию, но и помогает автору реализовать посредством текста некоторые собственные когнитивные установки. Например, автор пытается донести до читателя мысли о важности обучения собак общению с другими особями их вида:

«Ich für meinen Teil bin jedenfalls sehr froh, dass mein Oller schon zu meiner Welpenzeit viel Wert darauf gelegt hat, dass ich mit möglichst vielen unterschiedlichen Hunden klar komme. Und glaubt mir, das ist gar nicht mal so einfach! Denn durch euch 2-Beiner, vor allem durch eure Zucht(!) sind einige Rassen kommunikationstechnisch echt eingeschränkt» (GR).

«Со своей стороны, я очень рад, что мой старик уже в то время, когда я был щенком, уделял много внимания тому, чтобы я находил общий язык с как можно большим количеством различных собак. И поверьте мне, это не так уж просто! Поскольку из-за вас, двуногие, прежде всего, из-за вашего разведения(!) некоторые породы действительно коммуникативно ограничены».

При этом инсценировка эгоцентрической позиции собаки превращает текст в не просто экспертное мнение, а в некий «взгляд изнутри», оказывая большее воздействие на когнитивную и эмоциональную сферы сознания адресата.

Следует также подчеркнуть, что прагматика текстов данного блога является не сугубо утилитарной, но и развлекательной, что сближает их с художественными речевыми произведениями.

Использование приема «поручения» повествования животному роднит блоггерские записи с такими жанрами художественной литературы, как басня или сказка. Однако в отличие от автора художественного текста автор анализируемого блога не создает новый, образно-фикциональный мир, а прибегает к изображению реальных персонажей и актуальных событий окружающего его мира, с конкретной временной и пространственной локализацией.

В приведенном ниже объявлении о поиске жилья за местоимением *wir*, являющимся семантико-прагматическим ядром текста, якобы стоят две собаки:

«**Wir, zwei kleine und ganz brave Hunde und unser Frauchen** suchen ganz dringend und so schnell wie möglich eine neue Bleibe. 1–2 Zimmer mit Balkon wären ideal! Wer etwas für uns hat, bitte hier melden! Wir suchen in Roth, Wendelstein, Klein- und Großschwarzenlohe, Feucht, Schwanstetten, Kornburg...» (ЕК).

«Мы, две маленькие и очень послушные собаки и наша хозяйка, очень срочно и как можно скорее ищем новое место для проживания. 1–2 комнаты с балконом — было бы идеально! У кого есть что-то для нас, пожалуйста, сообщите здесь! Мы ищем в Роте, Вендельштайне, Кляйн- и Гросшварценлохе, Фойхте, Шванштеттене, Корнбурге...»

При этом псевдоадресант характеризуется истинным автором как *klein* 'маленький' и *ganz brav* 'послушный', поскольку размер собак и характер их поведения могут играть решающую роль для адресата при принятии решения сдать жилье, как это понимает речевой субъект, пытающийся решить созданием текста проблему поиска жилья. Сама автор получает в структуре текста лишь косвенную характеристику: номинация *unser Frauchen* 'наша хозяйка' эксплицирует пол, а выбранная адресантом прагматическая и речевая перспектива — любовь к собакам. Автор довольно кратко описывает желаемое «пристанище» и уделяет большее значение характеристике места проживания и срочности проблемы, о чем свидетельствуют восклицательные предложения, императивная конструкция и наречия в сочетании с элементами интенсификации временной семантики (*ganz dringend* 'очень срочно' / *so schnell wie möglich* 'как можно скорее'). Подобная коммуникативно-прагматическая перспектива выбрана женщиной-автором для того, чтобы подчеркнуть важность собак в ее жизни и произвести впечатление ответственной хозяйки. При этом нельзя недооценивать воздействие данного текста именно на эмоционально-чувственную сферу восприятия адресата (Абросимова 2019, 87).

В следующем объявлении о поиске жилья якобы отправителем информации также выступает питомец реального адресанта:

«Heim für Hund und Frauchen
wir, das heißt mein Frauchen (70) und ich, eine zweijährige kastrierte Hündin suchen eine nette Parterrewohnung in oder um Aidenbach. Mein Frauchen hätte gerne drei Zimmer zwischen 70 und 90 qm und ein bisschen Gartenanteil für mich und ihre Blumen. achja und zwei Nympfensittiche gehören auch zu uns, aber die stören nicht mal mich, die sind im Käfig. Hoffentlich meldet sich bald ein tierliebender Mensch, ja mein Frauchen ist auch ganz zahm» [ЕК].

«Дом для собаки и ее хозяйки
Мы, это моя хозяйка (70) и я, двухгодовалая кастрированная собака, ищем хорошую квартиру в Айденбахе или в окрестностях. Моя хозяйка хотела бы три комнаты от 70 до 90 квадратных метров и небольшой сад для меня и ее цветов. О, и у нас еще есть два попугая-кореллы, но они нисколько не беспокоят меня, они в клетке. Надеюсь, скоро откликнется любящий животных человек, да, моя хозяйка довольно ручная / послушная».

Автор доверяет свои функции псевдоадресанту, который характеризует себя (*eine zweijährige kastrierte Hündin* 'двухгодовалая кастрированная собака') и свою хозяйку (*mein Frauchen* 'моя хозяйка' (70)). Однако требования, предъявляемые к искомому жилью, описываются исходя из желаний реального адресанта. При этом эксплицируются и интересы реального эгоцентрического субъекта. Речевая структура текста выглядит как имитированное устное высказывание. Как бы случайно в процессе высказывания упоминаются и две птицы хозяйки. Сигналом такой «неожиданности» служит междометие *achja* 'ах да'. С точки зрения псевдоадресанта данная информация представляется незначительной проблемой, хотя, безусловно, является важной для арендодателя, а следовательно, и для автора объявления. Круг потенциальных адресатов ограничивается эмоционально-оценочным прилагательным *tierlieb* 'любящий животных'. Завершается текст как бы снова случайной характеристикой хозяйки собаки, при этом используется прилагательное *zahm* 'ручной, послушный', употребляемое, как правило, людьми по отношению к животным, что приводит к когнитивному диссонансу, создающему комический эффект. Подобные «рассуждения» от лица собаки, которые можно рассматривать как креативную «языковую игру» со стороны реального речевого субъекта, также обеспечивают непосредственную и неформальную атмосферу общения, а также вызывают у адресата симпатию к автору.

Следующий эгоцентрический текст построен как якобы сформулированное тремя собаками поздравление для их хозяйки:

(GW: 01.02.18)

«Мы поздравляем нашу хозяйку с 20-летним юбилеем!»

Идентификация псевдоадресанта, обозначаемого местоимением 1-го лица мн. ч. *wir*, осуществляется только с помощью фотоснимка. Примечательно, что реальный автор объявления, вероятнее всего, не сама хозяйка животных, а близкий ей человек, выражающий подобным образом свою симпатию к владелице собак, являющейся в данном случае адресатом текстового высказывания (Абросимова 2019, 89).

Для передачи личных чувств и привлечения к ним внимания авторы эгоцентрических текстов в реальной коммуникации прибегают также к подключению «голоса» не только своих питомцев, но и детей. Например, в следующем тексте объявления новорожденный становится одновременно субъектом «изображенной речи» и объектом информации истинных авторов эгоцентрического текста:

Hallo Welt, ich bin Benjamin Scheffler und mache meine Eltern Andrea & Marko seit dem 27.05.18 sehr glücklich :)

Фото ребенка

(AZ: 16.06.18)

«Привет, мир, я Бенджамин Шеффлер и я делаю моих родителей Андреа & Марко с 27.05.18 очень счастливыми :)»

Псевдоадресант «представляет» самого себя и реальных авторов объявления — родителей, заявляет об их эгоцентрических чувствах. Коммуникативно-прагматический акцент при этом смещается на причину внутреннего эмоционального состояния последних.

Подобной сложной референциальной структурой обладает и авторское «Я» следующего сообщения о рождении ребенка:

Hurra, hier bin ich!

Musste am 03. April 2018

**aus Platzgründen
meine alte Wohnung
verlassen!**

Levin Conner

4130 g, 54 cm

Neue Anschrift:

bei **Mama Sina** und **Papa Marc**
Schmidt in Hundstadt

(AZ: 19.04.18)

«Ура, вот и я!

Мне пришлось 03 апреля 2018

из-за недостатка места

покинуть мою старую квартиру!

Левин Коннер

4130 г, 54 см

Новый Адрес:

у мамы Сины и папы Марка

ШМИДТ в Хундштадт»

Факт рождения ребенка образно обозначается как его переезд из старой квартиры в новую из-за недостатка места. Подобная развернутая метафора создает комический эффект. Имена реальных авторов объявления вводятся в структуру текста в сочетании с обозначениями родственных связей по отношению к новорожденному из его прагматической перспективы (*Мамы* и *Папы*).

Текст следующего объявления о поиске жилья интересен тем, что оно написано якобы от лица четырех детей, референциально соотносящих себя с местоимением 1-го лица мн. ч. *wir*, которое является семантико-грамматическим субъектом текста:

«**5-köpfige Familie** sucht Haus oder Wohnung zur Miete

Wir 4 Kinder und unsere Mama suchen dringend in den kommenden Wochen bzw. Monaten ein Haus oder eine 5-Zimmer-Wohnung zur Miete in Leingarten, da **wir** dort ab dem nächsten Schuljahr zur Schule gehen werden. Das neue Zuhause sollte mindestens 5 Zimmer haben und die Kaltmiete von 840€ nicht übersteigen. Ein Garten für **uns Kinder** zum Spielen wäre schön, ist aber kein Muss. Ansonsten stellen **wir** keine hohen Ansprüche und freuen uns über Angebote zu zahlreichen in Frage kommenden Mietobjekten!» (ЕК)

«Семья из 5 человек ищет дом или квартиру в аренду

Мы, 4 детей и наша мама, срочно ищем в ближайшие недели или месяцы дом или 5-комнатную квартиру в аренду в Ляйнгартене, поскольку со следующего учебного года мы идем там в школу. Новый дом должен иметь не менее 5 комнат, а арендная плата без учета коммунальных услуг не должна превышать 840 евро. Небольшой сад для нас, детей, чтобы играть, был бы очень кстати,

но это не обязательно. Мы не предъявляем высоких требований и рады предложениям многочисленных подходящих объектов!»

Реальный автор объявления (мать детей) остается, таким образом, как бы в тени, а все внимание адресанта концентрируется на интересах и потребностях детей по отношению к необходимому жилью. С помощью подобного «инсценируемого» эгоцентризма автор, усиливая общий эмоциональный настрой текста, манипулятивно воздействует на потенциального адресата, словно пытается разжалобить его и решает свою эгоцентрическую проблему. При этом в тексте широко используются субъективно-модальные и эмоционально-оценочные языковые единицы (*dringend* 'срочно' / *sollte mindestens* 'должен как минимум' / *wäre schön* 'было бы замечательно/кстати' / *ist aber kein Muss* 'но не обязательно' / *keine hohen Ansprüche* 'невысокие требования' / *freuen uns* 'мы рады').

Как показал анализ языкового материала, в основе приема инсценирования эгоцентрической позиции другого лежит суггестия, то есть «настройка» адресата на сочувствование, сопереживание и приведение его в психологическое состояние, необходимое для восприятия и переработки текстовой информации. При этом от лица псевдоадресанта реальный автор текста, прежде всего, вербализует свою личную точку зрения, которая, однако, может быть так или иначе обусловлена чувствами, испытываемыми автором к вторичному субъекту авторизации. Таким способом адресант стремится в большинстве случаев решить свои индивидуальные проблемы, а также выразить сугубо личные чувства, привлечь к ним внимание и получить соответствующую реакцию потенциальных реципиентов текста.

Специфика текстов, в основе формулирования которых лежит «инсценированный эгоцентризм», состоит в том, что они, будучи гибридными образованиями, располагаются на стыке реальной и художественной коммуникации, в определенной степени принадлежа обеим системам, на что указывает сам факт «инсценированности» таких текстов. В первую очередь это, безусловно, касается блогговых записей.

Следует отметить, что в исследуемом материале не обнаружены примеры инсценирования эгоцентрической позиции «другого» авторами при формулировании текстов автобиографии и личного заявления о приеме на работу, что обусловлено более высокой степенью нормированности и стандартности (полу)официального дискурса, в который они входят.

Сокращения

AA — „Augsburger Allgemeine“
 AZ — „Allgemeine Zeitung“
 EK — „eBay Kleinanzeigen“
 GR — „Gassireport. Hundeblog“
 GW — „BBV-Glückwunsch“

Источники

Allgemeine Zeitung. [Online]. Available at: <https://www.allgemeine-zeitung.de/> (accessed 16.06.2019).
Augsburger Allgemeine. [Online]. Available at: <https://www.augsburger-allgemeine.de/> (accessed 16.06.2019).
BBV-Glückwunsch. [Online]. Available at: www.glueckwunsch.bbv-net.de (accessed 16.06.2019).
eBay Kleinanzeigen. [Online]. Available at: www.ebay-kleinanzeigen.de (accessed 16.06.2019).
Gassireport. Hundeblog. [Online]. Available at: www.gassireport.blogspot.com (accessed 16.06.2019).

Литература

- Абросимова, Н. Г. (2019) *Актуализация эгоцентрической точки зрения речевого субъекта в текстах деловой и повседневной коммуникации. Диссертация на соискание степени кандидата филол. наук.* СПб., Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 250 с.
- Адмони, В. Г. (1994) *Система форм речевого высказывания.* СПб.: Наука, 151 с.
- Арутюнова, Н. Д. (1981) Фактор адресата. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, т. 40, № 4, с. 367–386.
- Баракина, И. В. (1997) *Семантико-прагматические характеристики эгоцентрических высказываний. Диссертация на соискание степени кандидата филол. наук.* СПб., Санкт-Петербургский гос. ун-т, 212 с.
- Бенвенист, Э. (2010) *Общая лингвистика.* 4-е изд. М.: Либроком, 448 с.
- Гончарова, Е. А. (2013) Эгоцентризм и интроспекция как основа композиции и архитектоники художественного текста. В кн.: К. А. Филиппов (ред.). *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете.* Вып. 3. СПб.: СПбГУ, с. 29–40.
- Гончарова, Е. А., Ньюбина, Л. М. (2015) Личное письмо как эгоцентрический тип текста в реальной и литературной коммуникации. *Известия Смоленского государственного университета*, № 1 (29), с. 155–168.
- Гумбольдт, В., Рамишвили, Г. В. (ред.) (1984) *Избранные труды по языкознанию.* М.: Прогресс, 400 с.
- Падучева, Е. В. (2018) *Эгоцентрические единицы языка.* М.: Издательский Дом ЯСК, 440 с.
- Породин, И. В. (2007) *Лингвопоэтические средства выражения эгоцентрической точки зрения в литературном тексте (на материале современной немецкоязычной художественной прозы). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филол. наук.* СПб., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 22 с.
- Рассел, Б. (2000) *Человеческое познание, его сфера и границы.* М.: ТЕРРА— Книжный клуб: Республика, 464 с.
- Степанов, Ю. С. (2010) *В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства.* М.: Либроком, 336 с.
- Хомякова, Е. Г. (2002) *Эгоцентризм речемыслительной деятельности (на материале английского языка). Диссертация на соискание степени доктора филол. наук.* СПб., С.-Петербург. гос. ун-т, 250 с.
- Якобсон, Р. О. (1972) Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. В кн.: О. Г. Ревзина (сост.). *Принципы типологического анализа языков различного строя.* М.: Наука, с. 95–113.
- Gontscharova, E. (2017) Egozentrische Sprachmittel als Forschungsgegenstand relationaler Textstilistik. In: S. Nefedov, L. Grigorieva, B. Bock (Hg.). *Deutsch als Bindeglied zwischen Inlands- und Auslandsgermanistik. Beiträge zu den 23. GeSuS-Linguistik-Tagen in Sankt-Petersburg. 22–24 Juni 2015.* Hamburg: Verlag Dr. Kovač, S. 455–464.

Sources

Allgemeine Zeitung. [Online]. Available at: <https://www.allgemeine-zeitung.de/> (accessed 16.06.2019).
Augsburger Allgemeine. [Online]. Available at: <https://www.augsburger-allgemeine.de/> (accessed 16.06.2019).
BBV-Glückwunsch. [Online]. Available at: www.glueckwunsch.bbv-net.de (accessed 16.06.2019).
eBay Kleinanzeigen. [Online]. Available at: www.ebay-kleinanzeigen.de (accessed 16.06.2019).
Gassireport. Hundeblog. [Online]. Available at: www.gassireport.blogspot.com (accessed 16.06.2019).

References

- Abrosimova, N. G. (2019) *Aktualizatsiya egotsentricheskoy tochki zreniya rechevogo sub'ekta v tekstakh delovoy i povsednevnoy kommunikatsii* [Actualization of the egocentric point of view of the speech subject in the business and everyday communication texts]. PhD dissertation (Philology). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 250 p. (In Russian)
- Admoni, V. G. (1994) *Sistema form rechevogo vyskazyvaniya* [The system of forms of speech utterance]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 151 p. (In Russian)
- Arutyunova, N. D. (1981) Faktor adresata [Addressee factor]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 40, no. 4, pp. 367–386. (In Russian)
- Barakina, I. V. (1997) *Semantiko-pragmaticheskie kharakteristiki egotsentricheskikh vyskazyvanij* [Semantic and pragmatic characteristics of egocentric statements]. PhD dissertation (Philology). Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 212 p. (In Russian)
- Benveniste, É. (2010) *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Librokom Publ., 448 p. (In Russian)
- Goncharova, E. A. (2013) Egotsentrizm i introspektsiya kak osnova kompozitsii i arkhitektoniki khudozhestvennogo teksta [Egocentrism and introspection as a basis for composition and architectonics of a literary text]. In: K. A. Filippov (ed.). *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete* [German philology at St Petersburg University]. Iss. 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 29–40. (In Russian)
- Goncharova, E. A., Nyubina, L. M. (2015) Lichnoe pis'mo kak egotsentricheskij tip teksta v real'noj i literaturnoj kommunikatsii [Personal letter as egocentric type of text in real and literary communication]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestia of Smolensk State University*, no. 1 (29), pp. 155–168. (In Russian)
- Gontscharova, E. (2017) Egozentrische Sprachmittel als Forschungsgegenstand relationaler Textstilistik. In: S. Nefedov, L. Grigorieva, B. Bock (eds.). *Deutsch als Bindeglied zwischen Inlands- und Auslandsgermanistik. Beiträge zu den 23. GeSuS-Linguistik-Tagen in Sankt-Petersburg. 22–24. Juni 2015*. Hamburg: Verlag Dr. Kováč, pp. 455–464.
- Humboldt, W.; Ramishvili, G. V. (ed.) (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress Publ., 400 p. (In Russian)
- Jakobson, R. O. (1972) Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol [Shifters, verb categories and Russian verb]. In: O. G. Revzina (comp.). *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different order]. Moscow: Nauka Publ., pp. 95–113. (In Russian)
- Khomyakova, E. G. (2002) *Egotsentrizm rechemyslitel'noj deyatelnosti (na materiale anglijskogo yazyka)* [Egocentrism of verbal and cogitative activity (on the material of the English language)]. PhD dissertation (Philology). Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 250 p. (In Russian)
- Paducheva, E. V. (2018) *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric language units]. Moscow: YaSK Publishing house, 440 p. (In Russian)
- Porodin, I. V. (2006) *Lingvopoeticheskie sredstva vyrazheniya egotsentricheskoy tochki zreniya v literaturnom tekste (na materiale sovremennoj nemetskoyazychnoj khudozhestvennoj prozy)* [Lingua-poetic means of expressing the egocentric point of view in a literary text (based on the material of modern German-language prose)]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 22 p. (In Russian)
- Russell, B. (2000) *Human knowledge: Its scope and limits*. Moscow: TERRA — Knizhnyj klub Publ.; Respublika Publ., 464 p. (In Russian)
- Stepanov, Yu. S. (2010) *V trekhmernom prostranstve yazyka: semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional space of the language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow: Librokom Publ., 336 p. (In Russian)

УДК 81.112

DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-15-21

Художественный стиль в условиях смещения языковых систем

Ю. П. Вышенская^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Юлия Павловна Вышенская,
SPIN-код: 7067-9940, e-mail:
clemence_isaure@rambler.ru

Для цитирования:

Вышенская, Ю. П. (2019)
Художественный стиль в условиях
смещения языковых систем.
*Исследования языка и современное
гуманитарное знание*, т. 1, № 1,
с. 15–21. DOI: 10.33910/2686-830X-
2019-1-1-15-21

Получена 29 марта 2019; прошла
рецензирование 17 апреля 2019;
принята 23 апреля 2019.

Права: © Автор (2019).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье предлагается опыт анализа ценных для процессов стилепорождения факторов. В качестве материала избираются тексты эпохи английского позднего Средневековья, представленные поэтической модификацией, репрезентируемой поэмой «The Canterbury Tales».

Означенные процессы изучаются на основе применения триады «стиль — текст — дискурс», предложенной Е. А. Гончаровой. Сообразно целям, задачам и материалу предпринятого исследования стиль понимается как стиль художественного произведения, текст которого конструируется в рамках дискурса художественной коммуникации эпохи смены ранним Возрождением позднего Средневековья.

Появление текстов художественной литературы тесным образом связано с достижением европейскими языками в этот период известного уровня зрелости, что, в свою очередь, взаимосвязано с языковым стилем, в силу использования им народного языка как своей основы.

Аранжировка языкового материала, другой аспект процесса формирования стиля, превращения его в художественный феномен, реализуется на основе принципов и регламентирующих правил организации.

Согласно общей тенденции, на раннем этапе закладывания национальной языковой нормы наблюдается следование стилистической модели письменного языка, который не был родным. Такие процессы совпадают с периодами эволюции в социуме и языке, когда происходит смена одной языковой системы другой, иными словами, в эпоху «смещения языковых систем», когда возникают неограниченные возможности для художественного освоения бытия.

Эволюция развития художественного стиля сопряжена с повышением значимости риторических и нормативных принципов в организации произведения. Регламентирующие правила и принципы организации языкового материала, закрепленные в курсе унаследованной со времен Античности риторики, используются двояко. Согласно общепринятой традиции при создании текста и выбор уместного для него стиля основывается на тексте-предшественнике. Сообразно вновь возникшей тенденции эта традиция может нарушаться в силу изменений в социальной сфере, что находит отражение в жанрово-стилистической организации художественного текста.

Ключевые слова: анализ дискурса, жанр, курс риторики, смещение языковых систем, текст, художественный стиль.

The belles-lettres style under language systems' shift conditions

Yu. P. Vyshenskaya✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Yuliya P. Vyshenskaya,
SPIN: 7067-9940, e-mail:
clemence_isaure@rambler.ru

For citation: Vyshenskaya, Yu. P. (2019) The belles-lettres style under language systems' shift conditions. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 1, no. 1, pp. 15–21. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-15-21

Received 29 March 2019; reviewed 17 April 2019; accepted 23 April 2019.

Copyright: © The Author (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The article investigates the factors important for the processes of style generation. The research has been carried out on poetic textual material from High Middle Ages, as represented by The Canterbury Tales poem.

The aforementioned processes are studied following the style–text–discourse model proposed by Y. A. Gontcharova. For the purposes of this study (considering its goals, tasks and source material), *style* is defined as a style of a belles-lettres text written within the framework of the artistic communication discourse of the period marked by the transition from High Middle Ages into Renaissance.

The emergence of the belles-lettres texts became possible after the European languages had attained a certain degree of maturity. In turn, this was connected with the language style, since it uses the vernacular as its foundation.

Another aspect of the process of style formation, i.e. its transformation into an artistic phenomenon, is the arrangement of language material. It is carried out according to certain rules and principles of organization.

True to the general trend, a foreign, alien stylistic model is elected as exemplary at the early stages of the process of establishing the national language norm. These processes coincide with evolutionary processes in society and language, when one language system is replaced by another, i.e. in the time of *language systems' shift* that enables unfettered artistic investigation of the universe.

The belles-lettres style evolution increased the importance of rhetorical and normative principles pertaining to the structure of a literary work. These rules for structuring language material, passed on from the classical rhetorical tradition, can be used in two ways. On the one hand, the choice of style of a literary work is normally driven by the style of its predecessor. On the other hand, social changes may lead authors to break with this norm, which is quite significant for the genre and stylistic structure of their works.

Keywords: belles-lettres style, discourse analysis, genre, language systems' shift, rhetorical course, text, literary style.

Введение

Анализ факторов, важных для процессов порождения стиля произведений словесно-художественного творчества, размещаемых в значительно удаленной от современности временной плоскости, тесным образом сопряжен с анализом взаимоотношений, в которые вступают стиль, текст, дискурс, объединяемых Е. А. Гончаровой в триаду (Гончарова 1999, 132).

В настоящем исследовании под стилем понимается модус формулирования произведения словесно-художественного творчества, возникающего в условиях дискурса художественной коммуникации эпохи смены ранним Возрождением позднего Средневековья.

В указанные хронологические рамки европейские языки, в частности, английский, достигают «определенного уровня совершенства», чем стимулируется появление текстов художественной литературы, полагаемых тождествен-

ными самой литературе, как совокупность художественных компонентов (Бадалов 1983, 13).

Отмеченная зависимость находит отражение в трактовке языкового стиля Р. А. Будагова, согласно которой этот феномен предстает как «разновидность общенародного языка, сложившегося исторически и характеризующаяся известной совокупностью языковых признаков, часть которых своеобразно, по-своему, повторяется в других языках, но определенное сочетание которых отличает один язык от другого» (Будагов 1980, 153).

Тесная взаимосвязь языкового стиля в состоянии постоянной изменчивости, совершенствования, обогащения, с народным языком, своей основой, предполагает совместное изучение истории языкового стиля и истории языка, и является условием обязательного характера. Немаловажное значение имеет также изучение принципов и правил организации языкового материала, следование которым превращает его

в явление художественного порядка, в художественную разновидность феномена языкового стиля.

Для раннего периода формирования нормы национального языка в Европе характерно отталкивание от стиля языка письменности, часто являвшегося языком чужим (Ярцева 1985, 127).

Феномен «смещения языковых систем» в процессе художественного стилепорождения

Отмеченное явление характерно для тех периодов общественной и языковой эволюции, когда происходит смена одной языковой системы другой. Этот феномен, обозначаемый в трудах Г. Д. Гачева термином «смещение языковых систем», являет собой неисчерпаемый источник художественного освоения бытия. Вследствие подобной замены «движение мысли» получает «особенно большой мировоззренческий заряд, при обращении к разным языкам попеременно» (Гачев 2008, 67).

В эпоху позднего Средневековья и раннего Возрождения, иначе, эпоху протяженного во времени постепенного процесса формирования национальных языков, такими системами выступают собственно национальные языки и вытесняемая ими латынь, язык официальной сферы и сферы схоластики.

Для собственно процессов стилепорождения имеет значение «непрерывная полемика с латынью», что находит выражение в использовании нескольких языковых систем в одном и том же произведении (Гачев 2008, 68).

Наиболее полное освещение на материале французского языка этот вопрос получает в работах М. М. Бахтина, где показывается связь языка Рабле со стихией народного слова как основой национального языка. Процессы взаимодействия латинского и национальных языков составляют ядро характеристик, наблюдаемых во всех европейских языках эпохи сдвига языковых систем, и протекают одновременно с процессами сближения их письменной и разговорной разновидностей.

Процессы подобного рода, как отмечает М. И. Стеблин-Каменский, порою невозможно отделить друг от друга в силу наличия множества точек их соприкосновения и частичного взаимного наложения направлений векторов линий их развития. Однако совокупность тесно переплетающихся между собой процессов внутри «созревших» национальных языков являет собой по существу процесс превращения языка

народности в язык нации (Стеблин-Каменский 1953, 55).

В интерпретации Г. Д. Гачева эти процессы представлены как сдвигение языковых систем при понимании языка как «материализованного мирозерцания». Тем самым допускается «свободное обращение со словами и грамматическими формами», в результате которого возникают неологизмы, в язык письма вводятся «слова из обихода устной речи», нарушаются свободные границы между именами собственными и нарицательными (Гачев 2008, 69).

Богатый примерами иллюстративный материал предоставляет текст известной поэмы «The Canterbury Tales», созданный в анализируемый временной период.

Специфика английского языка заключается в его взаимодействии одновременно с двумя романскими языками: латинским и французским, представленным англо-норманским диалектом, который используется в качестве языкового субстрата художественного стиля. Зафиксированный в тексте поэмы корпус примеров демонстрирует наличие случаев первовведения слов из обихода устной речи, что способствует созданию колорита городских английских улиц и площадей анализируемой эпохи, воссоздает языковой аромат:

«Thus John goth out and fynt his hors away,
And gan to crye, *harrow* and *welawey*!
Our hors is lorn! Alayn, for *Godes bones*,
Step on thy fet, com out, man al at anes»
[выделено мною. — Ю. В.]

(Chaucer 1995, 111).

«Джон вышел в дверь и вдруг заголосил: / Скорее, друг! Беги сюда скорей! / Ах, черт! Ушел-таки треклятый мерин» (Чосер 1988, 140).

В цитате представлены экспрессивизмы, условно распределяемые по двум группам. Первую образуют собственно экспрессивные выражения необычайно высокого уровня эмоционального накала, в основном на лондонском диалекте: *harrow*, *welawey*.

Вторая группа представлена выражениями, различными аллюзиями на церковные реалии, на библейские притчи, молитвенные тексты.

В приведенной цитате наличествует единственный пример такого рода *Godes bones* 'тело Христова', однако он представляет собой лишь звено цепи синонимичных экспрессивизмов *Cristes peyne* 'страсти Христовы', *Cristes saule* 'душа Христова', фиксируемых в тексте рассказа «The Friar's Tale» («Рассказ Кармелита»). Этот рассказ входит в цикл фаблю, карнавализованного жанра, излюбленного в городской среде и появляющегося как следствие

удовлетворения эстетических вкусов ее представителей. Модус формулирования жанра фаблио согласуется с принципом *à l'envers* (колеса), основополагающим для смеховой культуры Средневековья.

В этом отношении примечательна приводимая ниже цитата, призыв о помощи жены главного персонажа мельника:

«Help, *holy croys* of Bromeholm», she seyde,
«*In manus tuas*, lord, to thee I calle!
Awak, Symond! the *feend* is on us falle»
[выделено мною. — Ю. В.]

(Chaucer 1995, 112).

«Ой, шишка у меня на лбу раздулась, / Спаси меня
In manus tuas! / Проснись же, Симкин! Навалился враг» (Чосер 1988, 147).

В приведенном фрагменте представлены обе группы экспресси́зов: сочетание *holy croys* 'святой крест' полностью утрачивает свое оригинальное значение и переходит в разряд экспресси́зов, что подчеркивает испуг героини. Возникающий при этом смеховой эффект, усиливается строчкой из молитвы *In manus tuas* 'В руки твои [предаю дух свой]', доводимый до высшего эмоционального предела соседством со словом *feend* 'бес'.

Использование синонимических выражений очевидно характерно для стиля анализируемой поэмы, что демонстрирует ряд именовании лошади *hors* — *palfrey* — *Bayard*.

«Thus pleyneth John as he goth by the way
Toward the mille, and Bayard in his hand»
(Chaucer 1995, 106).

«Студенты, словно под дождем коровы, / Запарились. А меринок соловый / Послушно плелся, и заохал Джон» (Чосер 1988, 141).

Bayard, имя легендарного коня великого полководца древности Александра Македонского, которое замыкает синонимический ряд, — пример антономасии, и одновременно проникновения разговорной речи в письменную разновидность а также средства создания комического эффекта.

Подобную стилистическую нагрузку выполняет антропоним *Sir John*:

«This swete preest, this goodly man, Sir John»
(Chaucer 1995, 248).

«Наш простодушный, добрый наш сэр Джон»
(Чосер 1988, 226).

Имя *Sir John*, используемое в приведенной стихотворной строчке, в значении «простака», в старину часто использовалось в качестве прозвища священников (Кашкин 1988, 544).

Названия популярных в средневековой Англии песен, разновидность имен собственных, аллюзии на которые представлены в тексте поэмы, можно рассматривать как еще одну иллюстрацию сближения разговорной и письменной речи.

Таково, например, название песни «*My lief is faren in londe*» («Где же ты, моя девица?»), исполняемой петухом Шантиклэром, героем «*The Reeve's Tale*» («Рассказ Мажордома») для своей супруги Пертелот.

Латинские коммуникативные модели и методы словесного творчества

Развитие нового стилевого начала в изучаемый период времени, как отмечает В. Б. Бурбело, неразрывно связано с интенсификацией «роли риторических и нормативных принципов в организации произведения» (Бурбело 1992, 31). В рамках интерпретативного подхода возникает необходимость их особой речевой упорядоченности, при сохранении тенденции к переосмыслению изображаемых явлений (Бурбело 1992, 33).

Доминанта латыни как языка науки проявляется не только в наличии слов и выражений в строевом материале, используемом для формирования художественного стиля, но также и в организации структуры основных лингвостилистических приемов, различных направлений и литературных жанров на основе ведущих коммуникативных моделей и методов словесного художественного творчества, сложившихся в рамках античного курса риторики.

Как известно, риторический курс включает в себя теорию жанров, теорию тонов, или стилей, и теорию фиксированных средств, к которым относятся жанры (пять поэтических и четыре прозаических) и регламентирующие формы. Благодаря гибкости и эластичности природы риторики, литературный язык на стадии формирования получает возможность ориентации в языковом пространстве.

В иерархии риторического знания жанр, стиль и форма занимают центральное положение. В процессе стилепорождения жанр исполняет ведущую роль, поскольку для создания текста необходимо соблюдение условия умения выбрать уместный, соответствующий замыслу жанр, как и условия определения «приличествующего стиля» с «определенными языковыми средствами выражения» (Безменова 1991, 81).

Самое умение формулирования текста возникает в результате изучения текста-модели, для обозначения которого в работах Р. Баумана

(Bauman 2001) вводится термин «текст-предшественник».

Исследование характера взаимоотношений текста и текста-предшественника (модели, образца), иными словами, двух рассматриваемых в диахронической перспективе тестов, из которых более поздний вариант создается по модели уже существующего, позволяет прийти к заключению о возникновении интертекстуального пробела с последующей его калибровкой. В результате процесса калибровки (частичного заполнения) возникает эффект корреляции, появления некой родовой прозрачности, как следствие сокращения расстояния между синхронно созданным текстом и текстом-ориентиром. Разного рода манипуляции с интертекстуальным пробелом позволяют адаптировать родовые рамки к возникающим обстоятельствам и дополнениям (Bauman 2001, 58).

Одним из манипулятивных вариантов можно рассматривать весьма популярное и широко применявшееся в школе Бернара Шартрского упражнение, суть которого сводится к интерпретации классических произведений, на основе знаний в области семи свободных искусств. В процессе анализа интерпретатору необходимо было предложить свою трактовку предложенного для толкования текста.

В основу школьного учебного плана положено восприятие искусства как источника эстетического, но одновременно и интеллектуального наслаждения, что, по свидетельству гуманитарных трактатов, направляет вектор поисков знания в сторону высшей формы мудрости (Travis 2010, 81).

В процессе создания своего текста автору предоставляется возможность соблюдения существующих правил конструирования тестового целого определенного жанра с присущим ему модусом формулирования. Примеры подобного рода представлены в анализируемом произведении рассказом куртуазного цикла «The Knights Tale» («Рассказ Рыцаря»), в котором наличествует полный комплекс предьявляемых к данному жанру лингвостилистических приемов. Правила композиции соблюдаются до мельчайших деталей, при этом сохраняется номенклатура образов, куртуазный универсум выстраивается согласно существующим в провансальской лирике канонам, используются все уровни пирамиды лингвостилистических приемов, частично модифицированных сообразно англо-саксонской национальной поэтической традиции.

Однако в поэме, очевидно, вследствие действия сформулированного М. М. Бахтиным

для смеховой средневековой культуры принципа колеса, есть «Sir Thoras» («Рассказ о сэре Топасе») — пародия на рыцарский роман уходящего Средневековья, в котором характерные стилистические приметы куртуазного жанра подвергаются значительному искажению. Стилистическая деформация такого типа наблюдается в фонетическом ярусе стилистической пирамиды приемов — в частности, в нарушении общего узора версификации. В отличие от общего правила этот рассказ написан доггерелем — неравностопной строфой, с присущими ей так называемыми хвостовыми рифмами («rime souée»), типичной стилистической чертой шуточных жанров, тождественных понятию любого плохого стиха (Кашкин 1988, 543).

Заключение

Сообразно специфике исследовательских целей и задач в исторической стилистике, а также исследуемом материале, элементы триады «стиль — текст — дискурс» авторства Е. А. Гончаровой (Гончарова 1999, 132) замечаются вариантами модуса формулирования текста художественной словесности на национальном языке, возникающего в условиях действия языковых и неязыковых факторов. Основу художественного стиля образует национальный язык эпохи зрелости, достаточной для формирования текстов светского характера, совокупность которых представляет национальную художественную литературу. Уровень достигнутой языковой зрелости хронологически совпадает с эпохой сдвига языковых систем, характеризующейся полемикой с другими языками, занимавшими прежде доминирующее положение. Взаимоотношение с латынью, вытесняемой национальными языками на лингвостилистическую периферию, составляет ядерную черту, присущую всем европейским языкам. Специфика английского языка заключается в одновременном протекании процессов его взаимодействия с латинским и островным вариантом французского языка, представленного англо-норманским диалектом. Данный процесс имеет значение и для процессов стилепорождения, тесным образом связанных с процессом организации языкового материала сообразно господствующим регламентирующим правилам курса риторики, выработанным во времена Античности. В рассматриваемую эпоху под воздействием экстралингвистических факторов набор литературных жанров расширяется, меняется процесс создания текстовой структуры. В результате действия принципа подражания

в процессе конструирования синхронного текста по образцу текста-предшественника возникает модель искажения этого принципа.

Адаптационные комбинации стимулируют появление у конкретного текста способности приспосабливаться к различным видам родовых рамок, преодолевать жанровые границы.

В эпоху возникновения национального литературного языка интеллектуалам, писателям, ученым предоставляются широкие возможности, которые открываются вследствие смещения языковых систем, что важно для формирования стиля художественного произведения.

Источники

- Chaucer, G. (1995) *The Canterbury Tales*. London: Wordsworth Editions Ltd., 632 p.
Чосер, Дж. (1988) *Кентерберийские рассказы*. М.: Правда, 560 с.

Литература

- Бадалов, Р. (1983) *Правда и вымысел героического эпоса*: [Азерб. эпос «Китаби Деде Коркут»]. Баку: Элм, 154 с.
Безменова, Н. А. (1991) *Очерки по теории и истории риторики*. М.: Наука, 215 с.
Будагов, Р. А. (1980) *Филология и культура*. М.: Изд-во МГУ, 304 с.
Бурбело, В. Б. (1992) *Основные стилеобразующие факторы и модели культурно-речевого функционирования в истории французского языка. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филол. наук*. Киев, Киевский ордена Ленина и ордена Октябрьской революции государственный университет им. Т. Г. Шевченко, 54 с.
Гачев, Г. Д. (2008) *Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр*. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета; Флинта, 288 с.
Кашкин, И. (1988) Примечания. В кн.: *Кентерберийские рассказы*. М.: Правда, с. 528–558.
Стеблин-Каменский, М. И. (1953) *История скандинавских языков*. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 340 с.
Ярцева, В. Н. (1985) *История английского литературного языка IX–XV веков*. М.: Наука, 247 с.
Bauman, R. (2001) The ethnography of genre in a Mexican market: form, function, variation. In: P. Eckert, J. R. Rickford (eds.). *Style and sociolinguistic variation*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 57–78.
Bourdieu, P. (1991) *Language and symbolic power*. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 302 p.
Travis, P. W. (1974) *Disseminal Chaucer: rereading The Nun's Priest's Tale*. Notre Dame; Indiana: University of Notre Dame Press, 444 p.

Sources

- Chaucer, G. (1995) *The Canterbury Tales*. London: Wordsworth Editions Ltd, 632 p. (In English)
Chaucer, G. (1988) *The Canterbury Tales*. Moscow: Pravda Publ., 560 p. (In Russian)

References

- Badalov, R. (1974) Pravda i vymysel v geroicheskom epose [Truth and fiction in the heroic epos]. *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 44–58. (In Russian)
Badalov, R. (1983) *Pravda i vymysel geroicheskogo eposa: (Azerb. epos "Kitabi Dede Korkut") [Truth and fiction in the heroic epos: (Azerbaijan epos "Kitabi Dede Korkut")]*. Baku: Elm Publ., 153 p. (In Russian)
Bauman, R. (2001) The ethnography of genre in a Mexican market: form, function, variation. In: P. Eckert, J. R. Rickford (eds.). *Style and sociolinguistic variation*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 57–78. (In English)
Bezmenova, N. A. (1991) *Ocherki po teorii i istorii ritoriki [Essays in theory and history of rhetorics]*. Moscow: Nauka Publ., 215 p. (In Russian)
Bourdieu, P. (1991) *Language and symbolic power*. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 302 p. (In English)
Budagov, R. A. (1980) *Filologiya i kul'tura [Philology and culture]*. Moscow: Moscow State University Publ., 304 p. (In Russian)
Burbelo, V. B. (1992) *Osnovnye stileobrazuyushchie faktory i modeli kul'turno-rechevogo funktsionirovaniya v istorii frantsuzskogo yazyka [Fundamental styleforming factors and models of cultural-speech functioning in the history of French language]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Kiev, Taras Shevchenko National University of Kyiv, 54 p. (In Russian)

- Gachev, G. D. (2008) *Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form. Epos. Lirika. Teatr [Informativity of expressive forms. Epos. Lyrics. Theatre]*. 2nd ed. Moscow: Moscow University Press: Flinta Publ., 288 p. (In Russian)
- Kashkin, I. (1988) Primechaniia [Notes]. In: G. Chaucer. *The Canterbury Tales*. M.: Pravda Publ., pp. 528–558. (In Russian)
- Steblin-Kamenskii, M. I. (1953) *Istoriya skandinavskikh yazykov [History of Scandinavian languages]*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 340 p. (In Russian)
- Travis, P. W. (1974) *Disseminial Chaucer: rereading The Nun's Priest's Tale*. Notre Dame; Indiana: University of Notre Dame Press, 444 p. (In English)
- Yartseva, V. N. (1985) *Istoriya anglijskogo literaturnogo yazyka IX–XV vekov [History of English literary language of the 9th to 15th Centuries]*. Moscow: Nauka Publ., 247 p. (In Russian)

УДК 81`06, 81`27, 811.112.2

DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-22-29

Researching digital communication practices among German-speaking expats in China: Study design

M. Szurawitzki✉¹

¹ University of Duisburg-Essen, 2 Universitätsstrasse, Essen D-45141, Germany

Author

Michael Szurawitzki, Scopus
AuthorID: 26037671700, e-mail:
michael.szurawitzki@uni-due.de

For citation: Szurawitzki, M. (2019)
Researching digital communication
practices among German-speaking
expats in China: Study design.
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 1, no. 1, pp. 22–29.
DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-
22-29

Received 18 March 2019; reviewed
25 April 2019; accepted 7 May 2019.

Copyright: © The Author (2019).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The present paper develops the study design of a linguistic analysis of digital communication practices among German-speaking expats in China using *WeChat*. Within digital communication in China, the messenger application *WeChat* is the most widely used means of communication, boasting roughly one billion users. There has not been relevant linguistic research on communication making use of this application to date. We especially lack studies addressing the communication practices with *WeChat* by native speakers of German, who form a relatively large group of expatriates in China (20,000+ Germans alone), mostly working in the automobile industry. After a short introduction (1.) which addresses the relevant research question to be tackled, the previous research on *WeChat* is summarized (2.). The attention *WeChat* has received in the media of the German language area becomes visible, but we can also see that there is no systematic scholarly discourse focusing on the application just yet. This is followed by a section on the communicative features and functionality of *WeChat* (3.): here it is pointed out that *WeChat* has multiple functions which go significantly further than messaging applications such as *WhatsApp* provide their users. These features comprise e.g. online payment, GPS tracking and navigation, money transfers, and monetary gifts. Furthermore, *WeChat* combines features of *WhatsApp*, *Facebook*, and *Twitter*. A thorough description of these features provides the basis for laying out the study design of the online survey (4.). The online survey comprises more than twenty questions on the use of *WeChat* with special regard to the expatriate setting in China. The paper ends with a section on the expected results (5.).

Keywords: *WeChat*, communication, German-speaking expats, China, study design.

1. Introduction

The leading Chinese messaging application *WeChat* (*Weixin*; 微信) boasts almost one billion users (Hirn 2018, 185). China is on the forefront of digital mobile development, and *WeChat*, which is also labelled an “all-in-one mobile application” (Zhou, Hentschel, Kumar 2017, 3), is an integral part of this change, having “revolutionized” the everyday life of millions of users (Zand 2016), being the *de facto* operating system of the Chinese *iPhone* (Wurzel 2017). Digital writing changes our lives (Dürscheid, Frick 2016). It seems only justified that also linguists need to analyze the communication that is made through this omnipresent and dominating app. The present paper sets out to sketch a study that is situated

at the crossroads of cultural and language contact between China and the German-speaking countries. Ever since China opened itself to the West and the rest of the world in the end of the 1970s, the German-speaking countries, with Germany being the most prominent one, have been heavily engaged in promoting especially economic cooperation. This has led to a work-based migration of German speakers to China. According to recent figures I was provided by the Consulate General of the Federal Republic of Germany in Shanghai in March 2019, there are around 20,000 officially registered Germans alone in China. This does neither include the active Austrians, Swiss, and Luxemburg native speakers of German nor the short-term residents, which would make the figure substantially bigger. Almost all of them —

many have brought their families — have one thing in common, regardless of where they reside in China: they use *WeChat*. This is partly due to the existing internet restrictions. In China, you cannot access *YouTube*, *Twitter*, *Instagram*, *Facebook*, and most recently, *WhatsApp*, without the help of Virtual Private Networks (VPNs). You need to have a semi-legal piece of software installed on your smartphone to circumvent the government-imposed blocking of the mentioned sites and apps. The Chinese government is partly trying to punish foreign VPN app operators, partly it is also selling its own VPN services, knowing that otherwise international trade relations would potentially suffer severely. Naturally, many foreign users are put off by the prospect of using illegal or shady partly legal internet services to access their favorite sites. There is an easy solution on offer that practically substitutes all of the Western popular sites I mentioned, and that is *WeChat*, since it combines many of the functional aspects *Twitter* etc. have to offer. Hirn (2018, 169) uses the *Golden Firewall* to explain *WeChat*'s success, since only the separation and non-availability of (probably better?) Western alternatives enabled *WeChat* to grow rapidly and become the success story it is today.

This is where my study comes in. The German speakers form one of the major foreign groups in China. There might be larger groups of other foreigners, but in terms of trade relations the German-speaking countries constitute a major force. Now, how does this group, which consists of the business players on the one hand, but also their China-based families and children on the other hand, use *WeChat*? This is the main research question that my study is going to address. To this end, the present paper is structured as follows: after this introduction (1.), I will summarize the previous research and German media echo on *WeChat*, starting with the mass media positions before moving on to linguistic studies (2.). The third part of the paper will focus on the functional aspects of *WeChat* (3.). This in turn provides us with the information on which my study, an online survey conducted between November 2018 and April 2019, is based. I will explain the study design in detail in section (4.), which forms the main part of this paper. The final section (5.) addresses challenges concerning the interpretation and contextualization of the expected results.

2. Previous Research

As stated above, the section at hand is divided into two parts: before coming to the linguistic perspectives on *WeChat*, let us look at the (mostly) specifically German language area media echo

on this application. The first contribution that caught my attention was by the eminent news magazine *DER SPIEGEL* (Zand 2016), which characterizes *WeChat* as a network of ultimate control. *Tagesschau* news correspondent Steffen Wurzel (Wurzel 2017) focuses on the issues between *WeChat* and Apple and mentions that the Chinese basically only use but one app all the time — *WeChat*. The historian Niall Ferguson (Jungclaussen 2017) raises the point of user data such as the data collected from *WeChat* users fueling dictatorial structures in China. The German Consulate General in Shanghai (Viëtor 2017) makes their official visa information available through a *WeChat* feed. Heath (2017) writes on *Facebook*'s to date vain efforts to enter the Chinese market — *WeChat* has some features that seem modeled directly on *Facebook*'s example (cf. 3. below). Ankenbrand (2018) characterizes *WeChat* as an elaborate surveillance tool used by the Chinese government to monitor the citizens' behavior. Kirchner (2018, 60) sees a similar tendency, i.e. *WeChat*'s shift from a microblog service towards a surveillance application. Sieren (2018, 77) assesses *WeChat*'s functionality as beating *WhatsApp*. Hirn (2018, 169, 184) concurs with this by stating that the apprentice [*WeChat*] has surpassed the master [*WhatsApp*] and deems it more likely that *WeChat* will conquer the whole world rather than *Facebook* be made officially available in China (Sieren 2018, 99). Strittmatter (2018, 76–91) points out that *WeChat*, as well as the other popular messaging apps in China, faces censorship issues, in his view, though, milder ones than e.g. *Sina Weibo*. This is — in my view — to be taken with a grain of salt, since this is mere speculation and cannot be verified in any way. Hirn (2018, 195–197) mentions *WeChat* also in terms of mobile payment, it being the second major player on the Chinese market, together with *Alipay* (*Zhifubao*; 支付宝).

Let us now look at the research available on *WeChat*: Zhou, Hentschel and Kumar (2017) focus on emoji use in *WeChat* and state the following: “We find that *WeChat* is now an integral part of daily life in China and emojis/stickers are too” (Zhou, Hentschel, Kumar 2017, 1). Szurawitzki (2016) raises the question of possible cultural specifics of emojis using the example of official emojis issued by Finland for branding and image purposes (after Ljubešić, Fišer (2016) on the global usage of emojis; see also Danesi (2017) on semiotics of emoji use; Dürscheid, Siever (2017) on writing beyond the alphabet and Pappert (2017) on emoji use in *WhatsApp*). Emojis and *WeChat* in the given research context of German speakers in China thus seem highly relevant, on which basis the issue is included in my study (cf. 4. below as well as Wu, Trautsch (2015) for a comparative

study on emoticons in Germany and China, Albert (2015) on semiotics and syntax of emoticons, and Dresner, Herring (2010) on emoticons and illocutionary force). This is even more so since *WeChat* with vigor shifts the frontiers of digitization and inevitably has become a model for Western societies' patterns of digital transformations (Szurawitzki 2018, 139–140). Ge, Herring (2018) even go so far as to suggest some very far-reaching tendencies in the emoji sequences they analyzed in *Sina Weibo* communication:

“Our study largely supports the idea that emoji are developing into an independent language: they can substitute for words, and emoji sequences can resemble complete utterances with subject, verb, and object. In addition, we have shown that emoji sequences can fulfill certain communicative functions that were previously associated only with verbal utterances [...]” (Ge, Herring 2018)

This argumentation might be going even a bit too far, however, it still stresses the importance of further analyses of messenger communication such as the one proposed here, for there are vast areas of mobile communication that have not been under a linguistic magnifying lens to date.

Liu (2018) focuses on social media marketing in China with *WeChat*. He provides us with the first German language research monograph on the app, which, however, focuses more on business rather than linguistics. Günthner (2018) compares practices of nominal self-reference in SMS, *WhatsApp* and *WeChat* interactions, but does not touch the issues raised and questions addressed in our study (cf. 4. below).

In summarizing the relevant previous research, we can state that there are no such studies as the one I set out to conduct. While the studies available address certain specific communication practices, they do not focus on clear-cut peer groups and their respective patterns and habits of communicating through *WeChat*. This makes my proposed research stand out in this respect. In the following section, we are going to look at *WeChat*'s features of communication.

3. WeChat: Features and Functionality

I have presented the first German language study of the functionality and communicational possibilities of the *WeChat* app (Szurawitzki 2019). I will subsequently briefly summarize the main features of the application with the help of screenshots (German language version) and thus provide the base for understanding the study design, which is elaborated on in the following section (4.).

When opening *WeChat*, one sees the general interface:

Fig. 1. *WeChat*'s general interface

What one can see here is the relative similarity to *WhatsApp*'s starting page. However, there are more features to be used in *WeChat* than in *WhatsApp*. In the lower part of the image one can see four icons: on the far left, there is the *Chats* icon, followed by the icon for contacts (*Kontakte*). Clicking the *Entdecken* (*Discover*) icon provides one of the core differences to *WhatsApp*, it namely opens up a page on which you can post as in *Facebook*. The fact that *Facebook* bought *WhatsApp* should thus not surprise anyone any longer. The contacts page looks very similar to the one in *WhatsApp*, thus I will not provide a screenshot here. What is, once again, different, is the page for newsfeeds, which can be accessed through the contacts page, and which resembles the one in *Twitter*. This is what the newsfeeds page looks like:

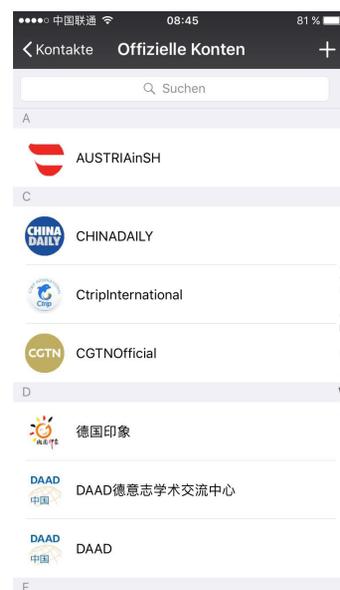

Fig. 2. *WeChat*'s newsfeeds page

The aforementioned discovery function (posting; Momente) can be accessed through a starting page which looks like this:

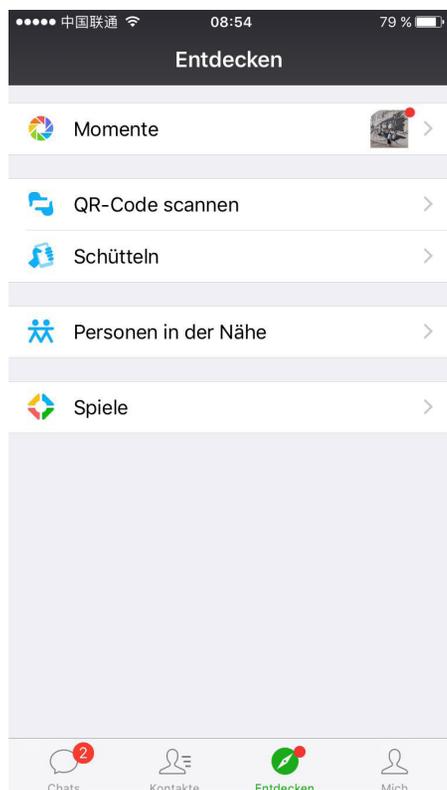

Fig. 3. Starting page of the *Discover* feature

The *Momente* link (see fig. 4 below) contains the posting function. Below this feature, we see a link which enables us to connect with other *WeChat* users by scanning the respective QR code digital *WeChat* ID cards; subsequently, even digital business cards (paper business cards have long been a must-have in China) have been introduced. Below this, we find a *Schütteln* (*Shaking*) feature which suggests us random *WeChat* users to connect with should we fancy this (a bit like *Tinder*, if you will). People who are physically close to you can be contacted through the *Personen in der Nähe* feature. I will not discuss the (vast) possibilities to play online games within *WeChat* here, since this would lead us away from our focus.

Next, we can look at the *Momente* feature, the one equivalent to *Facebook*, similarly structured with title and profile pictures on top of the page and your contacts' postings below. There is an automatic translation feature which is especially handy for those not proficient enough in Chinese (however, the translation quality very often leaves room for improvement). This is what the feature looks like:

Fig. 4. *Momente* posting feature

Concerning postings, the factory settings seem to imply one has to choose a multimodal form of posting, i.e. using pictures and text (possibly hyperlinks), by pressing the camera icon in the upper right-hand corner (see fig. 5). However, if you keep the respective link pressed for a couple of seconds, text-only input is possible. One can mention one's location as well.

The posting feature can be accessed through the following page:

Fig. 5. Personal area

The most elaborate features leading to further use beyond core communication can be accessed through the *Wallet* link (*Brieftasche*).

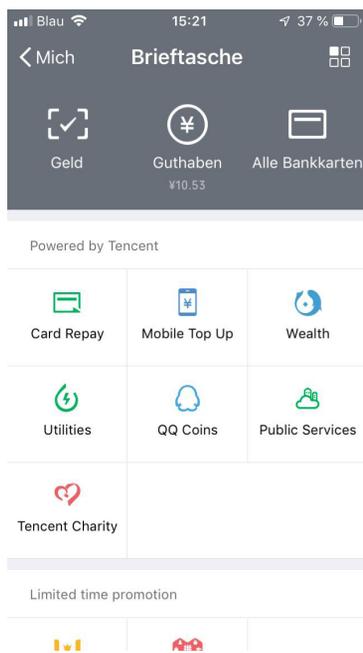

Fig. 6. Wallet

Not only does this option comprise mobile payment and bank transfer features (by which you practically can circumvent banks and directly send money to other phone numbers), but it also lets you access a very large number of other applications (Ankenbrand (2018) claims there are as many as 580,000) ranging from ride-hailing apps such as the highly popular *Didi Chuxing* (滴滴出行; *Uber* is blocked in China), to bike-sharing with *Mobike*, and *Dazhong Dianping* (大众点评) for ordering cinema tickets and food etc. The feature page letting you access these micro apps looks like this:

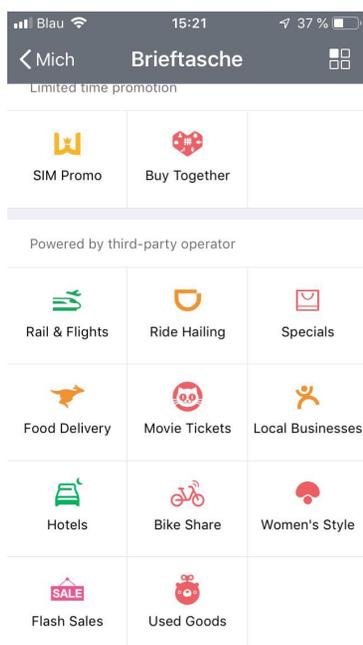

Fig. 7. Micro apps

Please refer to Szurawitzki (2019) for a more elaborate description of *WeChat*'s features. In the following section on the design of my study of the use of *WeChat* by German speakers in China, I will focus on the survey questions in detail. These questions partly also entail more information on the app's features (see below).

4. Study Design

Since I am based in Germany, there were a number of questions that arose around conducting a survey among expatriates in China. The first impulse (in order to avoid censorship) was to dismiss an electronic survey and use paper forms. This, however, would have meant high costs, people helping me in China (some members of the German language Christian parish in Shanghai even volunteered to assist) and problems making the results of the survey available electronically, plus myself traveling to China to promote the project. The paper surveys subsequently had taken a fairly elaborate form and even underwent the necessary pretesting. Then I came across a more elegant way of conducting the survey, namely using a piece of software called www.socisurvey.de, which helped me make an impact with a professionally designed online survey with mobile and desktop versions. Thus, the paper forms needed to be radically edited and put into electronic format. Together with the necessary pretesting and modifications that arose during the process the final version was conceived in mid-November 2018, after a total of 38 modifications and optimizing steps, especially with regard to smartphone use. The core problem here was that within the web-based design application, one could only use *one* text input window the content of which was modified layout-wise depending on your device, either a smartphone or a desktop computer. The editing was mainly comprised of shortening the questions and answering options. On November 16, 2018, the survey was uploaded and put online. It was online until April 30, 2019. I used my contact network to inform potential survey-takers about my study; here the German language Christian parish in Shanghai www.dcg.net was of helpful assistance. In the following, I will explain what data exactly was collected in the survey.

Metadata

In the online survey, I collect the following metadata: first, I ask about the sex of the person answering. After that, the age group is determined, the preset alternatives being younger than 15 years of age, 15–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59, 60–64, and 65 years and above.

The third question addresses language skills and determines whether the person speaks other languages apart from German on the native level. The alternatives given here are “No”, “Chinese” (as the alternative most likely to be given), and “Other. Please specify”.

After that, the length of the individual’s stay in China is determined. The answering options I provided are pre-2015, since 2015, 2016, 2017, 2018, and 2019. I chose pre-2015 as the broadest category modelled on my own first arrival in China in pre-2015 (i.e. 2014). Given the nature of quick change in the job sector in China, this seemed appropriate. For analytical reasons, this setup will enable us to look at a data set of *WeChat* communication by the so-called “Old China Hands”, i.e. people with a substantial amount of time spent in China, even though some four to five years do not seem very long (however, those staying in China for more than four years stay longer than most).

Then I want to know where exactly in China the person was/is based. I deliberately opened the survey also for China alumni who have left the Middle Kingdom and might have experience using *WeChat*, which was first introduced in 2010. The alternative options I provide are Beijing, Shanghai, and Hong Kong, as the three major cities, and “Other. Please specify”. The further specification makes sense for a number of different reasons. Even though there is a focus on German/Austrian/Swiss activities in the major hubs in China, it is evident from the geographical distribution of well-known business firms that there are also other specifically “German” hubs, which one might not take into account at first glance, such as Changchun in northern China, being the home of a major *Volkswagen* plant.

The following and last metadata question in the survey concerns the professional status of the person completing it in his/her China time. The alternative options for answering are “employee”, “self-employed”, “student of a German school in China”, “university student”, “accompanying person”, or “Other. Please specify”.

WeChat Communication

The first question that is directly related to *WeChat* is whether it was known to the person prior to coming to China. Obviously, this is a yes-no question. Subsequently, the background of the use of *WeChat* is explored. The following question addresses the way one first learnt about the app. The answering options are “internet”, “press / radio / TV”, “friends / acquaintances”, “colleagues”, or “Other source. Please specify”. In addition to *WeChat*, people frequently use other messaging applications. Thus, I ask next whether they actually do that (yes-no options). If the answer is

in the affirmative, I then ask which messengers specifically are used: the offered options are “WhatsApp”, “Facebook Messenger”, “Telegram”, “Viber”, or “Other. Please specify”. After that, the survey is concerned with the frequency of *WeChat* usage. Informants are asked to provide their assessment on how often they use *WeChat* a) generally, b) in their jobs, and c) in private contexts on a five-point rating scale that entails the options “never”, “seldom”, “occasionally”, “frequently”, “very frequently”. This scale is subsequently applied also to communicative feature usage within *WeChat*.

These communicative features are next up in the survey. The usage frequency (“never”, “seldom”, “occasionally”, “frequently”, “very frequently”) of the following features is asked of the informants:

1. Chats
2. Group chats
3. Moments (posting)
4. Moments (reading)
5. Moments (liking/commenting)
6. Voice messages
7. Taking photographs
8. Taking selfies
9. Sending photographs
10. Sending selfies
11. Taping videos
12. Sending videos
13. Voice calls
14. Video calls
15. Sending one’s location
16. Real-time location
17. Sending red packets (Hongbao money presents)
18. Receiving red packets (Hongbao money presents)
19. Making money transfers
20. Receiving money transfers
21. WeChat Pay mobile payment
22. Sending/receiving contact cards/contact information
23. Looking up people/users

After this, the preferred language within (group) chats is addressed. Here the options “German”, “Chinese (Mandarin)”, “English”, and “Other. Please specify” are given. In addition, code-switching practices are mentioned next. The first part of the relevant question is a yes-no inquiry whether code-switching is used at all within (group) chats, and if so, one is to specify which languages are mixed (“German”, “Chinese (Mandarin)”, “English”, and “Other. Please specify”). Using the same scale, the following question is about whether languages are mixed within a single message.

After that, the informants are asked to name the dominant language they use for voice messages (options: “German”, “Chinese (Mandarin)”,

“English”, and “Other. Please specify”). The following question is about whether the informants care about using correct language when communicating via *WeChat*: Here the languages “German”, “Chinese”, “English”, and “Other. Please specify” are provided as options, together with the rating scale “never”, “seldom”, “occasionally”, “frequently”, and “very frequently”.

The next set of questions is included in the survey because of the special German-Chinese intercultural communication setting. It is about whether the informants use German while communicating with Chinese people, or whether they use Chinese when communicating with Germans. In addition, it is asked whether the translation function that *WeChat* provides is used to understand chats and postings. The assessment is made using the scale “never”, “seldom”, “occasionally”, “frequently”, and “very frequently”.

Subsequently, the focus of the survey shifts towards specifics of internet language use. Survey-takers are asked to assess the frequency of their use of abbreviations such as *lol* [*laughing out loud*] etc., and whether they use emojis or stickers. The assessment is once again made using the scale “never”, “seldom”, “occasionally”, “frequently”, and “very frequently”. If the informants never use emojis or stickers, they can leave out the two following questions, which address the functions of the use of emojis and stickers. The answering options provided for these two questions are “Positive commentary”, “Negative commentary”, “Visual embroidery”, “Irony”, and “Other. Please specify”. Concerning the language used while chatting, the next question is on whether the informants’ style of writing is more similar to the way they speak (oral) or the way they write (literal). The answer is given on a five-point assessment scale, the extremes of which are marked “like I speak” and “like I write”.

The survey is concluded with three optional commentary boxes as answering possibilities to the following questions: “Have you noticed any problems while communicating through *WeChat*, e.g. data security?”; “Which additional features within *WeChat* would you like to have?”; “Do you have any further comments on *WeChat*?”

5. Expected Results

The results and data collected via www.sosci-survey.de are available after the survey’s completion in the shape of Microsoft Excel charts and various other formats, such as SPSS. These are comfortably annotated so that the analysis can be conducted swiftly and elegantly, making the most of the software features and exporting data — where applicable and useful — as diagrams.

At the time of writing this article (mid-March 2019), already more than 170 individuals had completed the online survey (208 completed questionnaires

were received in total), which makes it the most comprehensive study of digital communication practices by a German expatriate group. I am not aware of such studies altogether, although it can be expected that in the near future, there will be more research of this or a similar kind. This has to do with the key role mobile communication, especially through messaging apps like *WeChat*, and globally certainly more eminent *WhatsApp*, has in connecting expatriates and ethnic minorities, such as speakers of German in South America (in this context I first heard about the vast use of *WhatsApp* when brushing up one’s German skills¹) with their native countries.

My expectations concerning the results are that most people answering the survey will come from either Shanghai or Beijing, and there will be fewer people from more remote areas. I expect the use of *WeChat* to significantly differ between the sexes, since it is mostly men that are employed in China among the German-speaking expatriates, whereas most women lead the life of a “non-working” partner, to use a phrase by an Old China Hand I once met in Shanghai. It will be interesting to see as to how the younger age groups (especially students) will assess their own use of *WeChat* versus the expats in their prime (30s and 40s) and the elder users. It can also be expected that there is a wide variety of features used, if not all of them. However, there certainly will be focal points, most likely direct chat communication. While the data is yet to be analyzed, it is a complex but interesting question whether emergent forms of mobile aspects of communication such as emojis and stickers as used in *WeChat* are popular enough to be mentioned as actively used here². Apart from the answers to the survey questions, there is the option of commenting on other relevant aspects towards the end of the questionnaire by filling in a commentary box. I expect such issues as data security, censorship, and the Golden Firewall to surface in these comments.

The comprehensive results of the study will eventually be published in a German language monograph with publisher Gunter Narr, Tübingen (contracted). However, there will also be article publications in English focusing on certain main aspects of the German-speaking expatriates’ *WeChat* communication practices. The analyses of the data gathered will show which aspects will be significant enough to include in separate article publications.

¹ I am indebted to Patrick Wolf-Farré for bringing this to my attention during the 2018 *German Abroad* conference at the University of Erfurt.

² My doctoral student Gu Wei from Zurich University analyses sticker use in *WhatsApp* and *WeChat* (co-supervised dissertation with Christa Dürscheid, whom I thank for bringing to my attention the study of Ge, Herring (2018)).

References

- Albert, G. (2015) Semiotik und Syntax von Emoticons. *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*, Bd. 62, H. 1, S. 3–22. DOI: 10.1515/zfal-2015-0001 (In German)
- Ankenbrand, H. (2018) Chinas Überwachungsapp drängt in die Welt. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 15 Januar 2018. [Online]. Available at: <http://m.faz.net/aktuell/wirtschaft/diginomics/chinas-ueberwachungsapp-draengt-in-die-welt-15400334.html> (accessed 16.06.2019). (In German)
- Danesi, M. (2017) *The semiotics of emoji. The rise of visual language in the age of the Internet*. London; New York: Bloomsbury, 208 p. (In English)
- Dresner, E., Herring, S. (2010) Functions of the nonverbal in CMC. Emoticons and illocutionary force. *Communication Theory*, vol. 20, no. 3, pp. 249–268. DOI: 10.1111/j.1468-2885.2010.01362.x (In English)
- Dürscheid, Ch., Frick, K. (2016) *Schreiben digital. Wie das Internet unsere Alltagskommunikation verändert*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 156 S. (In German)
- Dürscheid, Ch., Siever, Ch. M. (2017) Jenseits des Alphabets — Kommunikation mit Emojis. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*, Bd. 45, H. 2, S. 256–285. (In German)
- Jungclaussen, J. F. (2017) Facebook zerstört die Demokratie. Interview mit Niall Ferguson. *Die Zeit*, Nr. 53, 20. Dezember. [Online]. Available at: <https://www.zeit.de/2017/53/soziale-netzwerke-facebook-macht-niall-ferguson-historiker> (accessed 16.06.2019). (In German)
- Ge, J., Herring, S. C. (2018) Communicative functions of emoji sequences on Sina Weibo. *First Monday*, vol. 23, no. 11, 5 November. DOI: 10.5210/fm.v23i11.9413 (In English)
- Gu, W. Dissertation project on stickers in *WhatsApp* and *WeChat*. University of Zurich. (In preparation). (In German)
- Günthner, S. (2018) Perspektiven einer sprach- und kulturvergleichenden Interaktionsforschung: Chinesische und deutsche Praktiken nominaler Selbstreferenz in SMS-, WhatsApp- und WeChat-Interaktionen. *Gesprächsforschung — Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion*, Ausgabe 19, S. 478–514. [Online]. Available at: <http://www.gespraechsforschung-online.de/fileadmin/dateien/heft2018/ga-guenthner.pdf> (accessed 16.06.2019). (In German)
- Heath, A. (2017) Mark Zuckerberg is back in China as Facebook eyes opportunity to finally enter the country. *Business Insider India*, 28 October. [Online]. Available at: <https://www.businessinsider.in/mark-zuckerberg-is-back-in-china-as-facebook-eyes-opportunity-to-finally-enter-the-country/articleshow/61311767.cms> (accessed 16.06.2019). (In English)
- Hirn, W. (2018) *Chinas Bosse. Unsere unbekanntenen Konkurrenten*. Fr./M.: Campus Verlag, 284 S. (In German)
- Kirchner, R. (2018) Vom Mikroblogger zur Überwachungs-App — soziale Medien in China. *Informationen zur politischen Bildung*, Nr. 337, S. 60. (In German)
- Liu, Yi. (2018) *Social Media Marketing in China mit WeChat. Einsatzmöglichkeiten, Funktionen und Tools für ein erfolgreiches Mobile Business*. Heidelberg: Springer, XIX, 247 S. DOI: 10.1007/978-3-658-17497-2 (In German)
- Ljubešić, N., Fišer, D. (2016) A global analysis of emoji usage. In: *The 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Proceedings of the 10th Web as Corpus Workshop (WAC-X) and the EmpirIST Shared*. Berlin: s. n., pp. 82–89. (In English)
- Pappert, S. (2017) Zu kommunikativen Funktionen von Emojis in der WhatsApp-Kommunikation. In: M. Beißwenger (ed.). *Empirische Erforschung internetbasierter Kommunikation*. Berlin: De Gruyter, S. 175–211. DOI: 10.1515/9783110567786 (In German)
- Sieren, F. (2018) *Zukunft? China! Wie die neue Supermacht unser Leben, unsere Politik, unsere Wirtschaft verändert*. München: Penguin, 366 S. (In German)
- Strittmatter, K. (2018) *Die Neuerfindung der Diktatur. Wie China den digitalen Überwachungsstaat aufbaut und uns damit herausfordert*. München: Piper, 288 S. (In German)
- Szurawitzki, M. (2016) Zur Kulturspezifik von Emojis. *Der Sprachdienst*, Nr. 2, S. 64–66. (In German)
- Szurawitzki, M. (2018) Bürokratie und organisationale Schriftlichkeit. In: S. Habscheid, A. Müller, A. Wilton (Hg.). *Sprache in Organisationen*. Berlin; Boston: De Gruyter, S. 126–144. (Handbücher Sprachwissen 14). DOI: 10.1515/9783110296235-007 (In German)
- Szurawitzki, M., Wang, C., Zhang, L. (2019) WeChat — Funktionsweise, technische Möglichkeiten und Emoji-Kommunikation. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, Jg. 49, 4/2019. (In press). (In German)
- Viëtor, M. (2017) Mail on German visa information for Chinese citizens via WeChat. [Online]. Available at: <http://mp.weixin.qq.com/s/ZI6LNjnzTS4qlGHenaAGeA> (accessed 19.06.2017). (In German)
- Wu, Yi., Trautsch, Ch. (2015) Die Struktur und Funktion von mimischen Emotikons in Deutschland und China. *Zeitschrift für Semiotik*, Bd. 37, H. 1–2, S. 177–187. (In German)
- Wurzel, S. (2017) WeChat gefällt Apple gar nicht. [Online]. Available at: <http://www.tagesschau.de/ausland/wechat-101.html> (accessed at 16.06.2017). (In German)
- Zand, B. (2016) Das totale Netzwerk. *Der Spiegel*, Nr. 41, 8 October, S. 92–94. Available at: <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/147238342> (accessed at 16.06.2019). (In German)
- Zhou, R., Hentschel, J., Kumar, N. (2017) Goodbye Text, Hello Emoji: Mobile Communication on WeChat in China. In: *CHI '17 Proceedings of the 2017 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. Denver, Colorado, USA — May 06–11, 2017*. New York: ACM, pp. 748–759. DOI: 10.1145/3025453.3025800 (In English)

UDC: 811.134.1

DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-30-34

Language question in the discourse of modern Catalan nationalists

A. A. Tereshchuk^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Andrei A. Tereshchuk,
SPIN: 1210-6319,
e-mail: atereschuk@herzen.spb.ru,
san_petersburgo@inbox.ru

For citation: Tereshchuk, A. A. (2019) Language question in the discourse of modern Catalan nationalists. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 1, no. 1, pp. 30–34. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-30-34

Received 14 March 2019; reviewed 3 May 2019; accepted 3 May 2019.

Copyright: © The Author (2019).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article analyzes statements about the Spanish-Catalan language contact given by the intellectual and political leaders of the Catalan independence movement. First, this paper investigates how the leaders of Catalan nationalists refer to the history of Catalonia and its language. Their statements concerning the sociolinguistic situation around Catalan during F. Franco's dictatorship (1939–1975) are also briefly discussed. The main focus of this article is on analyzing the possible implementation of the proposed state language policies in the event of Catalonia becoming independent from Spain. This analysis is based on the speeches given by Catalan nationalists in the five years between September 2012 (the unprecedented protests in Barcelona) and October 2017 (Catalan independence referendum and the following crisis). Two possible scenarios for the implementation of language policies are highlighted: the radical and the moderate. Those in favor of the moderate scenario would preserve the official status of Spanish in an independent Catalonia, in which case the new state would have two official languages. This view is supported by all leaders of the prominent secessionist parties. Advocates of the radical scenario consider it necessary to deprive Spanish of its official status in the public sphere. In this case Catalan would become the official language of the government, all educational institutions and the state media. Finally, the paper assesses the likelihood of each scenario being realized. Based on this analysis, the newly formed sovereign state will have two official languages (Catalan and Spanish). Still, some members of the political and intellectual elite favor the radical scenario and might try to depose Spanish, which could in turn lead to conflict between the Spanish-speaking and the Catalan-speaking communities.

Keywords: language policy, Catalan language, language contact, political linguistics, Catalan separatism.

Introduction

The rise of Catalan nationalism and the struggle of local regionalist parties for the creation of an independent Catalan state is one of the most relevant issues in the political life of modern Europe. The Catalan independence referendum held in October 2017 and the political crisis in Catalonia in the autumn of 2017 and the winter of 2018 are perfect examples of the secessionist process in the region. The results of regional election in December 2017 showed the influence and power of separatist parties: 3 political formations opting for the secession obtained 47.5% of votes: *Junts per Catalunya* ('Together for Catalonia')—21.66%,

Esquerra Republicana de Catalunya–Catalunya Sí ('Republican Left of Catalonia — Catalonia Yes') — 21.38%, *Candidatura d'Unitat Popular–Crida Constituent* ('Popular Unity Candidacy — Constituent Call')—4.46% (Eleccions al Parlament de Catalunya 2017). Numerous street demonstrations in Catalonia during 2018 culminated in violent clashes between the police and the pro-independence protesters on 21 December 2018. The recent investigations show that the Catalan nationalism will be a problem for Spanish authorities in the future (Serra *et al.* 2018).

Analyzing the rhetoric of Catalan separatists concerning the necessity of secession, it could be observed that the "language question" plays

an important role in their argumentation. The preservation of the Catalan language under the “pressure” of Spanish is exposed as one of the most important arguments in favor of independence from Spain. Prominent Catalan politicians often appeal to the history of Catalonia trying to show that the regional language has always been “suppressed” by Spanish authorities. After the fall of F. Franco’s dictatorship in 1975, and the Transition to democracy (*La Transición*), local politicians came up with the idea that in the XX century the Spanish government tried to exterminate the Catalan language (Tereshchuk 2018).

A number of Catalan independentist politicians issued statements accusing the Francoist authorities of an attempt of cultural and linguistic genocide. E.g., the “father” of modern Catalan nationalism J. Pujol in his pamphlet against the general Franco wrote that the repressions against the Catalan culture were taking the form of a real vandalism (Pujol 1960). J. Benet, an important politician in the period of the Transition, published the book *Catalunya sota el règim franquista* (‘Catalonia under the Francoist regime’). The author declared the Spanish government guilty of an endeavour of a “cultural genocide” (Benet 1978, 11), and blamed the authorities of a prohibition of media in Catalan language (Benet 1978, 256). Arguing about “repressions” against Catalan, J. Benet did not allege any documentary records of the repressive policy by the Spanish state. According to the politician, all proofs could be found in “secret Francoist archives” (Benet 1978, 258). A. Mas, President of the *Generalitat* in 2010–2016, remembered about the “repressions” against the Catalan language, declaring that Catalonia and its people were victims of F. Franco’s regime (Artur Mas, a Vic: “Els botxins del català es presenten ara com a víctimes”)¹.

It could be observed that in such contexts the language begins to play the role not only of depositary of national culture and memory, but also that of a sphere of political, economic, juridical and educational interests (Breuille 2002, 209).

¹ The language practices of the inhabitants of Catalonia, i.e., “word and grammatical choices that an individual speaker makes” (Spolski 2005, 9), during the Francoist dictatorship were thoroughly studied by A. Badia i Margarit. He analyzed the sociolinguistic situation in Catalonia and language preferences of the inhabitants of the city of Barcelona in the late 1960s (Badia i Margarit 1969). The investigation results obtained by the researcher from the University of Barcelona proved that in the last period of Franco’s dictatorship the Catalan language was widely used in the capital of Catalonia (Badia i Margarit 1969). The latest research showed that Catalan was never legally prohibited in Catalonia since 1939 (Tereshchuk 2019). In the present investigation the attitudes of the Catalan secessionist politicians towards the history of Spanish-Catalan language contact will not be described.

J. Fishman wrote that “the essence of a nationality is its spirit, its individuality, its soul. This soul is not only reflected and protected by the mother tongue, but in a sense, *the mother tongue is itself an aspect of the soul*” (Fishman 1973, 46). Consequently, “nationalist leaders and masses frequently viewed the vernacular not only as the most undeniable indicator of uniqueness [...] also as an indubitable nationality contrastive or continuative device” (Fishman 1973, 53). The Catalan nation building is impossible without elaboration of basic principles of new language policy, different from that of the modern Spanish state.

B. Spolsky indicated three components of language policy: language practices, language beliefs or ideology and language management (Spolsky 2005, 5). The purpose of this article is to study language beliefs of modern Catalan pro-independence leading figures. Language beliefs (or language ideology) could be determined as “a speech community’s consensus on what value to apply to each of the language variables or named language varieties” (Spolsky 2005, 14). The present paper concerns itself not with the whole speech community’s consensus, but rather that of the Catalan separatist political elite.

Different aspects of language ideology in the Catalan society after the beginning of the period of Transition has been studied in numerous scientific works, e.g., by Argente *et al.* (1979), Süselbeck (2008), Boix i Fuster (2008), Boix i Fuster, Vila i Moreno (1998), etc. At the same time, the language question in the political discourse of leaders of modern Catalan secessionist movement has not been analyzed yet.

The study of language question in the discourse of modern Catalan separatists is relevant for forecasting possible changes of the sociolinguistic situation in the region in case of formation of an independent Catalan state. Besides that, the present research could be important for the estimation of perspectives of Catalan and other regional languages of Europe in the 21st century.

Methodology

The purpose of the present paper is to study the ideas of Catalan separatists concerning the language policy in a hypothetical independent Catalonia and the attitude towards the language contact of Spanish and Catalan. The term “Catalan separatists” will be used to describe the inhabitants of the autonomous community of Catalonia that favor the secession of the region and the creation of an independent Catalan State. In this context the term *separatism* will be used as a synonym

to the term *nationalism*, i.e., “the elaborated beliefs, values, and behaviors which nationalities develop on behalf of their avowed ethnocultural self-interest” (Fishman 1973, 4).

There are studied opinions towards the language question by prominent figures of the Catalan nationalism — representatives of the political and intellectual elite of the region. A number of speeches, newspaper articles and books dedicated to the future of the Spanish-Catalan language contact in Catalonia have been analyzed. The temporal limits of the investigation are September, 2012 (unprecedented independence demonstration in Barcelona) and October, 2017 (the independence referendum and political crisis in Catalonia).

Results of the investigation

Among the representatives of the Catalan political and intellectual elite two general points of view on the “language question” have been highlighted. One of them will be called “moderate”; the other, “radical”. It should be taken into consideration that the delimitation of the both attitudes towards the sociolinguistic situation in Catalonia is based only on theoretic reflections of prominent secessionist leaders; the practical realization of language policy in an independent *Estat Català* could considerably differ.

The “moderate” point of view is dominant in the discourse of modern Catalan separatists. The partisans of that idea consider necessary the conservation of the official status of Spanish language in an independent Catalonia. According to them, all inhabitants of the region could be described as Catalans irrespectively of their mother tongue or language preferences. All leaders of parliamentary political separatist parties and the most prominent independentist movements express the “moderate” point of view in their public activity.

J. Cuixart, the president of the organization *Omnium Cultural*, in an interview to the online media *Crític*, said that all people living in Catalonia belong to the Catalan nation without any relation to the language they use in communication. The politician remembered some details from his own biography: J. Cuixart’s mother originated from Murcia and spoke Spanish as her mother tongue, but considered herself a Catalan: “La meva mare, la murciana, em deia: ‘Jordi, tranquil perquè catalans ho som tots’” (“My mother, a Murcian, told me: ‘Jordi, be patient, because we all are Catalans’”) (Discurs de Jordi Cuixart sobre el català i el castellà).

Another remarkable partisan of the “moderate” opinion is O. Junqueras, the leader of the *Esquerra Republicana de Catalunya*. In 2014 he published the article “La lengua de mis amigos, de mi gente”

(‘The language of my friends, of my people’) in the *El Periódico*. The Catalan politician expressed an opinion that there were no language problems in Catalonia and that the idea about the existence of the language conflict in the region was artificially supported by the media loyal to the Spanish government: “Hoy en Catalunya no hay ningún problema lingüístico a pesar de los enormes esfuerzos de algunos medios de comunicación, del Gobierno del PP y de parte del aparato judicial, empeñados en dividir a los catalanes por razón de lengua” (‘There is no linguistic problem in Catalonia today despite enormous efforts of some mass media, of the Government, of the People’s Party and of a part of judicial corps that try to divide the Catalans on the ground of language’) (Junqueras 2014). O. Junqueras declares that the two official languages in the future independent Catalonia would be Catalan and Spanish (the former language number one): “En cuestión de lengua, el catalán debe seguir siendo la vehicular, la común, la preferente en la Administración, y debe tener el estatus oficial que ahora no tiene” (‘As for the language question, Catalan should continue being vehicular, common and preferent in the Administration, and should have an official status that at the moment it does not have’) (Junqueras 2014). According to the politician, the Spanish state impedes the recognition of Catalan as one of the official languages of Spain by other countries: “Al contrario, lo que ahora tenemos es un Estado que veta sistemáticamente el reconocimiento oficial del catalán en la escena internacional” (‘On the contrary, what we have now is a State that forbids systematically the official recognition of Catalan on the international stage’) (Junqueras 2014).

Two years before that, in the article “El castellano y la República catalana”, the leader of the *Esquerra Republicana de Catalunya* announced that the question of independence involved all people living in Catalonia. O. Junqueras, who at the moment of publication was the mayor of Sant Vicenç dels Horts, a municipality with 80% of Spanish-speaking population, ensured the linguistic rights of all inhabitants of Catalonia:

“Pero a propósito de lenguas, dejémoslo claro de entrada, en la Catalunya independiente el catalán será la lengua propia y oficial del país, la lengua común de todos. Pero el castellano también será oficial en la República catalana”.

(‘Referring to the languages, we should make it clear from the very beginning that in an independent Catalonia Catalan will be proper and official language of the country, the common language of everybody. But Castilian will also be official in the Catalan Republic’) (Junqueras 2012).

It is not only the partisans of the “moderate” point of view that influence Catalan society, but also the followers of the “radical” one. The advocates of the “radical” scenario express an opinion that after the possible secession the Spanish language should be deprived of the official status. The language of the administration, education, mass media, etc., should be only Catalan.

Some statements of the supporters of the “radical” point of view provoke a public scandal. The famous case of C. Baronet, mayor of Folgueroles, who described Spanish in an official meeting with a visitor in 2013 as a “damned language” (‘puta lengua’), is a striking example of a disaster of that type (Serra 2013). Other “radicals” make serious offers of prohibiting Spanish in Catalonia. E. g., the philologist, interpreter and writer P. Vidal in 2015 published the book *El bilingüisme mata* (*Bilingualism kills*). The author expressed concerns about the coexistence of Spanish and Catalan in the autonomous community. According to his opinion, there is only one way of saving the Catalan language from disappearing — the elimination of Spanish from the public life. From Vidal’s perspective, the bilingualism is a positive phenomenon from the point of view of an individual, but a negative one as a coexistence of two languages in one society (the author does not clearly distinguish the phenomena of *diglossia* and *bilingualism*) (Vidal 2015).

A. Argemí i Roca, the founder of the *Centre Internacional Escarré per a les Minories Ètniques i les Nacions* (*International Escarré Center for the Ethnic Minorities and Nations*) also described the bilingualism existing in Catalonia as a problem: “Tenim un altre problema que és el del bilingüisme.

El bilingüisme no és una solució, crea un problema” (‘We have another problem that is that of bilingualism. The bilingualism is not a solution, it creates a problem’) (Entrevista a Aureli Argemí. Ja podem anar predicant, que el referèndum no el farem). He also made a proposition about the implementation of language policy in a hypothetical independent Catalan state: “En la república hi ha una llengua, i en aquest cas nostre seria la llengua catalana. Perquè és la llengua del país. El castellà és la llengua d’un grup molt important, i que hem de respectar. Però no és la llengua de la república” (‘There is one language in the republic, in our case it would be Catalan. Because it is the language of the country. Castilian is a language of a very important group that we have to respect. But it is not the language of the republic’) (Entrevista a Aureli Argemí. Ja podem anar predicant, que el referèndum no el farem).

Conclusions

Supporters of both points of view share the idea of retaining the official status of Catalan in a hypothetical independent Catalonia. It should be no doubt that in case of secession Catalan will be widely used in all spheres of public life. Considering that the dominant point of view among the separatists is the “moderate” one, it could be forecasted that Spanish would preserve its official status. At the same time, the existence of personalities that follow the “radical” point of view could lead to the anti-Spanish propaganda in an independent Catalonia. This propaganda will provoke tensions among the inhabitants of Catalonia and undermine the political situation in the region.

Sources

- Artur Mas, a Vic: “Els botxins del català es presenten ara com a víctimes”. (2015) *Nació Digital*, 14 May. Available at: <https://www.naciodigital.cat/osona/noticia/46331/artur/mas/vic/botxins/catala/es/presenten/ara/victimes> (accessed 17.06.2019). (In Catalan)
- Cuixart, J. (2017) Discurs de Jordi Cuixart sobre el català i el castellà: “Jo sóc fill d’una murciana i d’un badaloní”. *Crític*, 6 April. Available at: <https://www.elcritic.cat/opinio/jordi-cuixart/discurs-de-jordi-cuixart-sobre-el-catala-i-el-castella-jo-soc-fill-duna-murciana-i-dun-badalon-i-12990> (accessed 17.06.2019). (In Catalan)
- Eleccions al Parlament de Catalunya 2017. *Generalitat de Catalunya*. [Online]. Available at: <http://gencat.cat/economia/resultats-parlament2017/09AU/DAU09999CM.htm> (accessed 17.06.2019). (In Catalan)
- Bellsolà, C. (2017) Entrevista a Aureli Argemí. Ja podem anar predicant, que el referèndum no el farem. *Públic*, 16 April. Available at: <https://www.publico.es/public/entrevista-aureli-argemi-ja-podem.html> (accessed 17.06.2019). (In Catalan)
- Junqueras, O. (2012) El castellano y la República catalana. *El Periódico*, 8 October. Available at: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20121008/el-castellano-y-la-republica-catalana-articulo-de-oriol-junqueras-2221062> (accessed 17.06.2019). (In Catalan)
- Junqueras, O. (2014) La lengua de mis amigos, de mi gente. *El Periódico*, 17 April. Available at: <https://www.elperiodico.com/es/opinion/20140416/la-lengua-de-mis-amigos-de-mi-gente-3251947> (accessed 17.06.2019). (In Catalan)
- Pujol, J. (2010) Us presentem el general Franco. *Lo bloc de Jordi*, 25 May. [Online]. Available at: <http://flicxcat.blogspot.com/2010/05/us-presentem-el-general-franco.html> (accessed 17.06.2019). (In Catalan)
- Serra, M. (2013) Sumer o restar. *La Vanguardia*, 29 October. Available at: <https://www.lavanguardia.com/encatala/20131029/54392804858/sumar-o-restar.html> (accessed 05.04.2019). (In Catalan)

References

- Argente, J. A., Castellanos, J., Jorba, M. et al. (1979) Una nació sense estat, un poble sense llengua [A nation without state, a people without language]. *Els Marges*, no. 15, pp. 3–13. (In Catalan)
- Badia i Margarit, A. M. (1969) *La llengua dels barcelonins: Resultats d'una enquesta sociològic-lingüística* [The language of the inhabitants of Barcelona: Results of sociological-linguistical research]. Vol. 1. Barcelona: Edicions 62, 684 p. (Col·lecció Estudis i documents. Vol. 10) (In Catalan)
- Benet, J. (1978) *Catalunya sota el règim franquista* [Catalonia under the Francoist regime]. Barcelona: Blume, 459 p. (In Catalan)
- Boix-Fuster, E. (2008) Un panorama sociolingüístic dels territoris de llengua catalana [Sociolinguistic panorama of the territories of the Catalan language]. In: *Els futurs del català. Un estat de la qüestió i una qüestió d'estat* [The future of Catalan. State of the art and the question of state]. Barcelona: Universitat de Barcelona, pp. 11–26. (In Catalan)
- Boix-Fuster, E., Vila i Moreno, F. X. (1998) *Sociolingüística de la llengua catalana* [Sociolinguistics of the Catalan language]. Barcelona: Ariel, 379 p. (In Catalan)
- Breuilly, J. (2002) Approaches to nationalism. In: *Mapping the Nation*. Moscow: Praxis Publ., pp. 201–236. (In Russian)
- Fishman, J. (1973) *Language and Nationalism. Two integrative essays*. Rowley: Newbury House Publishers, 184 p. (In English)
- Serra, M., Ubasart, G., Martí i Puig, S. (2018) Cataluña y la triple crisis española [Catalonia and the triple Spanish crisis]. *Nueva Sociedad*, no. 273, pp. 22–32. (In Spanish)
- Spolsky, B. (2005) *Language policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 243 p. (In English)
- Süselbeck, K. (2008) “Lengua”, “nación” e “identidad” en el discurso de la política lingüística de Cataluña [“Language”, “nation” and “identity” in the Catalan language policy discourse]. In: P. Masson, U. Mühlischlegel, K. Süselbeck (eds.). *Lengua, nación e identidad: la regulación del plurilingüismo en España y América* [Language, nation and identity: plurilingualism regulation in Spain and America]. Madrid: Iberoamericana; Fr./M.: Vervuert, pp. 165–186. (In Spanish)
- Tereshchuk, A. A. (2018) “Govori na yazyke imperii”: k voprosu o polozhenii katalanskogo yazyka v period pravlenia F. Franko (1939–1975) [“Speak the language of the empire”: Revisiting the question of situation of the Catalan language during the rule of F. Franco (1939–1975)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 4 (414). Filologicheskie nauki [Philology Sciences], iss. 112, pp. 153–162. (In Russian)
- Tereshchuk, A. A. (2019) Normativno-pravovoe obespechenie yazykovoj politiki pravitel'stva Ispanii v Katalonii v period frankizma [The normative legal provision of the state language policy in Spain during F. Franco's dictatorship]. In: *Voprosy ibero-romanistiki* [Ibero-Romance studies]. Vol. 17. Moscow: Maks Press, pp. 293–301. (In Russian)
- Vidal, P. (2015) *El bilingüisme mata. Del canvi climàtic al canvi idiomàtic* [Bilingualism kills. From climate change to language change]. Barcelona: Pòrtic, 248 p. (In Catalan)

УДК 811.134.2

DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-35-41

Особенности формирования референции в устном дискурсе

Е. В. Яковлева^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Яковлева Елена Владимировна,
SPIN-код: 4761-5102, e-mail:
el-vl-yakovleva@yandex.ru

Для цитирования:

Яковлева, Е. В. (2019) Особенности формирования референции в устном дискурсе. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 1, № 1, с. 35–41. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-35-41

Получена 30 мая 2019; прошла рецензирование 23 июня 2019; принята 1 июля 2019.

Права: © Автор (2019).

Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Теория референции в лингвистике, имевшая интенсивное развитие в течение всего XX в., значительно видоизменилась в связи с расширением и некоторым размыванием границ предмета исследований. Мы отмечаем движение от отдельно взятого слова и словосочетания вне контекста употребления к реальным употреблениям. Появление исследований реального функционирования устного дискурса показало расхождение в функционировании и понимании основных единиц и понятий. В частности, выявились значительные отличия предложения от высказываний устного дискурса, представляющих собой совокупность интонационных единиц, объединенных темой, лицом, временем и другими показателями. Такая ситуация привела к необходимости введения новых подходов исследований, понятий и терминов, в частности, появляются такие термины, как фокусировка и дефокусировка. Одним из кардинальных элементов, который цементирует высказывание устного дискурса, является говорящее лицо, которое маркирует себя разнообразно: то явно и очевидно, фокусируя, концентрируя внимание на первом лице, то скрыто и непоследовательно, дефокусируя внимание, при этом возникает некое размытое, неопределенное лицо. Вместе с тем мы понимаем, что говорящий имеет в виду себя. Такого рода явление дефокусировки типично для полностью неподготовленного устного дискурса. Таким образом оказывается, что референция реализуется по-разному в разных видах и жанрах дискурса. Иными словами, степень подготовленности дискурса диктует наиболее подходящий тип референции.

Статья посвящена анализу явления дефокусировки в рамках процесса формирования индексальной референции на примерах реализации типичных «автореференций» на материалах естественного устного дискурса на испанском языке. В качестве основного жанра были выбраны интервью, отличающиеся различным уровнем подготовленности. Максимальная степень подготовленности наблюдается в случае телевизионного интервью, предполагающего предварительные договоренности, при этом дефокусировки не наблюдается. В ситуациях неподготовленных интервью, при спонтанных ответах отмечается возникновение некоего размытого первого лица: мы видим, как формируется дефокусировка. Данные, полученные в ходе нашего анализа, носят первичный характер, они будут уточняться и развиваться на других материалах и жанрах.

Ключевые слова: референция в испанском языке, индексальная референция, фокусировка, дефокусировка, устный дискурс.

Specific features of reference formation in the oral discourse

E. V. Yakovleva✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Elena V. Yakovleva, SPIN: 4761-5102,
e-mail: el-vl-yakovleva@yandex.ru

For citation: Yakovleva, E. V. (2019) Specific features of reference formation in the oral discourse. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 1, no. 1, pp. 35–41. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-35-41

Received 30 May 2019; reviewed 23 June 2019; accepted 1 July 2019.

Copyright: © The Author (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The reference theory, which saw active development in the 20th century, has since undergone considerable changes, with the scope of research both expanding and becoming less clear. We trace the shift of research focus from a single word or word combination taken out of context to their use in discourse. Numerous studies of the oral discourse have demonstrated differences in use and interpretation of the theory's main concepts and units. For instance, there are considerable discrepancies between a sentence and a discourse utterance described as the totality of prosodic elements with a common topic, the same temporal, personal and other characteristics. The current state of affairs has necessitated new approaches, new notions and terms, such as focusing and defocusing. One of the key components of the oral discourse is the speaker whose presence can be marked in various ways: either explicitly focusing our attention on the first person, or implicitly and inconsistently defocusing attention, causing focus loss and the creation of a blurred indefinite personal form which, nevertheless, does refer to the speaker. This kind of defocusing is typical of a completely spontaneous oral discourse. Thus, it becomes obvious that reference is realized differently in different types and genres of discourse. In other words, the degree of discourse spontaneity or preparedness determines the most suitable reference type.

The article offers the analysis of defocusing in the framework of indexical reference formation, and cases of the typical first-person reference are examined in the Spanish-language spontaneous oral discourse. As the main genre, interviews of various degrees of preparedness were selected. The highest level of preparedness is characteristic of the TV interview which, as a genre, is normally preceded by certain preliminary agreements; no loss of focus (defocusing) occurs there. In case of spontaneous, unprepared interviews the blurred first person might be used; it is possible to analyze this phenomenon. The data obtained in this analysis are preliminary and require further investigation.

Keywords: reference in Spanish, index reference, focusing, defocusing, oral discourse.

Настоящая статья посвящена описанию одной из важных особенностей индексальной референции, осуществляемой в рамках высказываний устного дискурса. В качестве материала исследования использовались интервью двух видов: во-первых, опубликованные интервью из базы данных Esloga и Corpus <https://www.uv.es/preseval/ppal.htm>, во-вторых, телевизионные интервью за период 2017–2019, выходящие на каналах «Antena 3», «RTVE», в частности, анализировались передачи в виде интервью *Hormiguero 3.0* «Муравейник 3.0» (канал Antena 3), а также передачи с элементами интервью *Personas tóxicas* «Токсичные люди» (RTVE) и другие. Мы отмечаем, что дефокусировка не типична для частично подготовленного дискурса, в то время как для импровизационных интервью это явление типично.

Отметим, что изучение функционирования местоимений, представляющих собой основной элемент индексальной референции, имеет давнюю традицию, отраженную как в грамматиках разного типа, так и в отдельных монографиях. Идея о несовпадении грамматического лица, местоимения и реального референта получает различную интерпретацию в зависимости от целей и идеологии автора, материала исследования и многих других составляющих. В настоящей работе мы обращаем внимание лишь на один аспект формирования индексальной референции, связанный со своеобразной максимальной «потерей» связи с конкретным лицом, при этом формируется референциальная неопределенность.

Понятие фокусировки вводится и используется при анализе различных явлений дискурсивного характера в исследованиях У. Л. Чейфа

(Чейф 2009), у А. А. Кибрика (Кибрик 2003), оно связывается с концентрацией внимания говорящего лица на каком-либо конкретном референте. Термин дефокусировка используется в работах Naverkate (1994, 135), для маркировки дейктической стратегии дистанцирования говорящего с целью минимизировать либо свою собственную роль, либо роль слушающего.

В нашем исследовании в качестве референта, находящегося в фокусе, был выбран сам говорящий. Мы показываем, что в рамках реального устного дискурса в определенном контексте у говорящего имеется возможность терять связь с грамматическим первым лицом таким образом, что возникает ситуация максимальной неопределенности. А. А. Кибрик указывает на возможную когнитивную причину такого явления — невозможность активации (перевода из инактивного состояния в активное) более одного элемента информации в рамках одного фокуса сознания (Кибрик 2003, 28).

В настоящее время в Испании проводятся интенсивные исследования, связанные с изучением различных аспектов функционирования устного дискурса, в частности, появились научные группы, занимающиеся анализом технологических процессов обработки речи. Среди такого рода групп, основной, на наш взгляд, является SEPLN — *sociedad española para el procesamiento del lenguaje natural* («Общество Испании по изучению технологии естественной речи»), публикации и отчеты о работе которых имеются в открытом доступе. Можно также отметить появление корпуса данных спонтанной детской речи *Corpus de Habla Infantil Espontánea del Español* («Корпус спонтанной устной речи детей Испании»), подробное описание которого приводится в работе М. Гарроте Саласар (Garrote Salazar 2010). Кроме того, имеются журналы и платформы, объединяющие специалистов в этой области. В частности, достаточно интересными являются такие, как PRESEEA Proyecto para el estudio sociolingüístico del español de España y de América: <http://preseea.linguas.net/> («Социолингвистический проект изучения испанского языка Испании и Латинской Америки»), ESLORA: Corpus para el estudio del español oral: <http://galvan.usc.es/eslora> («Корпус данных для изучения устного языка») и другие, позволяющие использовать наработанные данные.

Одним из выводов, к которым приходят авторы, является необходимость детального лингвистического исследования с применением семантических, морфосемантических и статистических методов для предварительного анализа целого ряда явлений (Pardo 2004).

Иными словами, для значительного продвижения технологических процессов автоматического анализа текста и устной речи необходимым условием является детальный лингвистический анализ.

В центре нашего внимания находится одна из особенностей высказываний устного дискурса: специфика осуществления индексальной референции. Индексальная референция представляет собой такой тип, при помощи которого языковое выражение, включающее местоимение, соотносится с некоторым референтом в действительности (реальной или мыслительной) (Шмелев 2002). Наша цель состояла в изучении того, каким образом и при каких условиях возникает дефокусировка, т. е. максимальная потеря связи референта и личного местоимения. Такой тип представляет собой прямое дейктическое указание, поэтому и референцию мы называем «прямая индексальная референция». Хотя, на первый взгляд, этот процесс кажется очевидным, явным, хорошо изученным и простым, анализ реального функционирования показывает наличие сложностей, неоднозначности понимания и существование скрытых процессов.

Как известно, устный дискурс имеет свои жанровые разновидности, среди которых различаются так называемые собственно устные (шутка, диалог по мобильному телефону, прения по ТВ) и косвенные (информационная программа по радио, прогноз погоды, радио репортаж, телевизионная пресс-конференция), при этом выделяются поджанры, виды и подвиды, основными из которых являются диалог и монолог. Интересной и достаточно информативной, на наш взгляд, является классификация, предложенная М. М. Камачо Адарве, в которой автор, основываясь в определенной степени на понимание жанра у М. М. Бахтина, применяет его к современным видам речевой деятельности (чат, диалог в интернет-пространстве и др.). Адарве предлагает разнообразие критериев (регистров) в дополнение к основным характеристикам (лингвистическим, психологическим, социальным). При этом одной из важнейших составляющих остается степень спонтанности (Camacho Adarve 2007). Отметим, что в настоящий момент не существует ни единой классификации жанров устного дискурса, ни общепринятых критериев их выделения. На наш взгляд, интервью представляет собой важнейший жанр, поскольку обладает как определенными лингвистическими и психологическими особенностями, присущими только этому жанру, так и особой социальной значимостью,

позволяющими выделить этот жанр среди других. Отметим, что степень спонтанности в рамках протекания интервью может быть различной: она максимальна при прямом опросе, поскольку заранее не известны темы, которые будут затронуты, и минимальна в телеинтервью, поскольку очевидно, что имеются определенные договоренности относительно тем и вопросов. Рассмотрим далее данные, полученные в результате наших наблюдений над особенностями индексальной референции в каждом из отмеченных интервью.

Как говорилось ранее, в семантическом отношении устный дискурс характеризуется особой эгоцентричностью и адресностью (Яковлева 2013). При этом эгоцентричность проявляется разнообразно при формировании высказывания, в котором говорящий повествует о себе, он, естественно, либо использует местоимение *yo* — 1-е лицо ед. ч., либо мы видим глагол, имеющий окончание 1-го лица. Подробное исследование причин появления и пропуска местоимений в устном дискурсе рассматривалось на материале испанского языка в Испании (Enríquez 1984, Blanco Canales 1999, Samper Padilla, Hernández Cabrera, Troya Déniz 2006) и Латинской Америке (Barrenechea, Alonso 1977) на уровне отдельно взятого высказывания. Подчеркнем особо, что мы рассматриваем не отдельно взятые высказывания, но ряд следующих друг за другом интонационных единиц, при передаче на письме они отделяются знаком слэш (/), при этом сигналом окончания высказывания служит значительная пауза (//) или следующая реплика. Попытки определить семантические зависимости между интонационными единицами в рамках высказывания проводились (García Salido 2003), но они не касались референции. Таким образом, мы рассматривает динамические процессы при осуществлении референции.

На первый взгляд кажется, что фокусировка при эгоцентричной подаче информации проста и очевидна, говорящий именуется себя при помощи местоимения *yo* 1-го лица ед. ч.:

«Lo que más recuerdo de mi infancia era pues lo mala que era / era muy traviesa / hacía muchas travesuras // en el colegio siempre me estaban castigando / tenía una una maestra / en segundo de E.G.B. creo que era / primero o segundo de E.G.B. / que todo lo que hacía era siempre / todos los días me castigaba fuera de clase // siempre siempre siempre fuera de clase // // y yo yo era muy rebelde / eso es cierto //» <https://www.uv.es/preseval/ppal.htm>

«все что я помню о времени детства/ так это/ насколько я была нехороша/ я была очень озор-

ной // я очень проказничала в школе / меня всегда наказывали, / у меня была учительница / все что я делала всегда / это было / меня наказывали / всегда меня наказывали вне уроков // всегда, всегда, всегда вне уроков // а я была очень непокорной / это точно //»

В нашем исследовании такого рода употреблений местоимения при прямой референции при эгоцентричной подаче информации всего 13%, поскольку нормой является пропуск местоимения, что отражается в примере. Аналогичная ситуация наблюдается в телевизионных интервью — 17%. Известны случаи использования иных форм вместо первого лица (*uno, una, tú, nosotros, nosotras*). Наши наблюдения позволяют говорить о своеобразном «исчезновении» первого лица и появлении на его месте некоторого размытого, максимально неопределенного лица: для таких ситуаций мы используем термин ‘дефокусировка’. Приведу типичный пример.

«hoy / hoy he estado pintando // he estado pintando en mi casa ¿un día normal de mi vida? / **levantarme** a las ocho de la mañana // ahora no trabajo // **levantarme** a las ocho / **preparar** los bocadillos para mi hija y para mi marido / uno a trabajar / el otro al colegio / y luego pues a **limpiar** o a **coser** hacía falta E.: bien //» <https://www.uv.es/preseval/ppal.htm> (entrevista 028)

«сегодня / сегодня я красила / я сегодня красила дома / обычный день моей жизни? / встать утром в 8 часов утра / я не работаю сейчас / **встать** в восемь / **сделать** бутерброды для дочери и мужа / один идет на работу / другая в школу / а затем так, либо **убираться**, либо **шить** было нужно //»

Отметим, что использование инфинитива (*preparar, limpiar, coser*) вместо глагола в первом лице не фиксируется грамматической нормой, поскольку грамматики ориентированы на письменную речь. Тот факт, что говорящее лицо не использует ни местоимение *yo* ‘я’, ни глагол в личной форме, приводит к формированию ощущения дистанции. Важно подчеркнуть тот факт, что отмеченное явление дефокусировки не типично для ТВ интервью, в 76% случаев не наблюдалось дефокусировка, говорящие использовали местоимение *tú, nosotros, nosotras* (24%), в то время как материал интервью фиксировал ее в 32%.

Л. К. Гомес отмечал сходное явление, при этом вместо 1-го лица использовалось 2-е лицо, что создавало эффект дистанцированности (León-Castro Gómez 2014, 39, 58, 63). Таким образом, можно говорить о различных способах и степенях дефокусировки индексальной референции, возникающей в рамках устного дискурса.

Мы можем отметить максимальную дефокусировку в тех случаях, когда говорящий не использует ни местоимения, ни глагола в личной форме, с одной стороны, а с другой, мы видим использование местоименных форм в неопределенно-личном значении. Заметим, что такого рода явления представляют собой норму, типичную для устного дискурса интервью. Изучение нормы, типичной для естественной речи на испанском языке, о которой писала О. Н. Лаптева (Лаптева 1974) применительно к русскому языку, все еще находится в стадии разработок.

Известно, что для именованного самого себя возможно использование и словосочетания *este cura* 'он самый', и неопределенного *uno* 'некто', что позволяет говорить о значительной степени размытости первого лица. Однако мы в данных случаях фиксируем использование третьего лица, т. е. фокусировка все же имеется.

Референция, при которой говорящее лицо, имея в виду себя, избегает использования конкретного лица, появляется лишь в неподготовленном устном дискурсе. Подчеркнем, что явление дефокусировки при эгоцентрической подаче материала появляется лишь при наличии ряда интонационных единиц, следующих одна за другой, так что идея первого лица все же ощущается.

«Después, ya se levanta **uno** con el pensamiento de que está en la Feria y tiene que aligerar y en la casa se hace muy poco, ¿eh?, esos días se limpia muy poco, .. ese día mi marido no me puede decir que soy muy pesada que no limpio apenas nada...»

«Затем просыпаешься с мыслью, что уже Ярмарка и что надо бы отдохнуть, и в доме ничего особо не делается, ... в такие дни уборкой не занимаешься особо... в такие дни муж не может мне сказать, что я зануда и не убираю ничего...»

В качестве особого типа индексальной референции мы выделяем адресную референцию. Ее специфика обусловлена прагматическим сверхзаданием, с одной стороны, и наличием определенных отношений между говорящими. При коммуникации в подобной ситуации возникает особый тип референции, связанный с необходимостью маркировать адресата, с целью привлечь его внимание, призвать его к действиям и т. п. Соотнесение с референтом такого рода включает прагматическую составляющую, которая отражает разнообразные экстралингвистические факторы: социальное положение, возраст, пол, уровень образованности, тип коммуникации и некоторые другие. Обычно при исследованиях такого рода обращают внимание на работы, в которых рассматриваются обра-

щения и библиография по данной теме (Sampedro Mella 2015). Отметим, что лишь в последнее время появились исследования, в которых обращается внимание на функционирование обращений в реальном устном дискурсе.

Адресная индексальная референция представляет собой прямое указание на адресата, при этом может наблюдаться симметричная и асимметричная формы диалога. Говорящий строит высказывание, исходя из фактора адресата, группы высказываний имеют конкретный прагматический характер и направлены на достижение определенной цели. Таким образом, выявляются, по крайней мере, две разные причины, влияющие на формирование референции: социальные и сугубо прагматические. На наш взгляд, особо значимыми являются прагматические факторы в студии, где ведущий ставит своей целью создать дружескую атмосферу, где все «дружат» друг с другом. Например, в интервью с Тони Надалем (тренером Рафаэля Надаля) (5.04.2019), ведущий обращается с ним на *tú* 'ты': «Si tú dices un consejo para enfocarse; para no distraerse...» («Если ты дашь совет, чтобы сконцентрироваться, чтобы не отвлекаться...»)

Использование второго лица ведущим программы позволяет ему создать определенный дружеский характер беседы, тем самым вовлекая студию в диалог на такой волне.

Так же, как и в случае с эгоцентрической прямой референцией мы исследуем реальное функционирование, осуществляемое в конкретной ситуации и в конкретное время. В интервью по ТВ мы не сталкивались с дефокусировкой 2-го лица, при этом доминирующей формой является использование формы *tú*, при этом и в базе данных, и в ТВ интервью не играли роли ни пол говорящих, ни их социальный статус, но особое значение приобретал возраст адресата. Например, мы отмечаем симметричное использование местоимения *tú* в интервью с актрисой Пенелопой Крус (11 сентября 2018, Antena 3), что создает ситуацию дружеской беседы, аналогичное положение в интервью с Рафаэлем Надалем (Noticiero 14 марта 2013). В целом для ТВ интервью типичным оказалось симметричное использованием формы *tú*, что составило 93 %, в 6 % отмечалось использование иных форм: 1 % — симметричное *Ud.*, 5 % — асимметричное *Ud.*, которое использовалось при обращении к гостю программы.

Для интервью баз данных мы имеем аналогичную ситуацию, однако соотношение иное. В 55 % мы имеем взаимное использование местоимения второго лица, в 39 % случаев отмечается изменение использования форм в ходе

диалога, в 6% несимметричное использование формы на *Ud*. При этом отметим интересный случай асимметричного использования форм: интервью проводит молодой сотрудник (19 лет), который использует для обращения к адресату местоимение *Ud*, адресат (дама, которой 74 года) использует местоимение *tú* по отношению к сотруднику. Испанские специалисты подчеркивали, что возраст и принадлежность к одному поколению создают ситуацию солидарности, что приводит к использованию местоимения второго лица. Заметим, что использование того или иного лица значимо для говорящего, что видно из следующего фрагмента интервью. Можно обозначить такую ситуацию, как поиск своеобразного фокуса.

«¿Cómo quiere que le trate de tú o de usted? La verdad es que es un problema esto del tratamiento, nunca sabes cómo tratar a las personas ¿verdad? Por ejemplo, ¿tú cómo tratas a tus amigos de tú o de usted? ¿Y si son personas mayores? ¿Si se trata de alguien joven que no conoces? [...]. Es un problema, yo a veces no sé qué hacer. Bueno, a mí trátame de tú ¿le/te parece?»

«Как к вам обращаться, на ты или Вы? По правде сказать, это проблема, как обращаться, никогда не знаешь, как обращаться, не так ли? Например, как ты обращаешься к твоим друзьям, на ты или вы? А если они значительно тебя старше? Или это кто-то молодой, а ты его не знаешь? Это проблема, я иногда не знаю, что делать. Хорошо, ко мне обращайтесь на ты, ладно?»

Подводя предварительные итоги нашего исследования, можно отметить следующее:

- 1) изучение референции на материале реального устного дискурса позволяет реконструировать процесс формирования референции, установления соотношения между говорящим, слушающим и соответствующей формой;
- 2) существует дефокусировка при прямой индексальной референции в тех случаях, когда говорящий использует серию интонационных единиц в случаях неподготовленных интервью, в ТВ-интервью такого явления не наблюдалось;
- 3) дефокусировка не наблюдается при адресной референции;
- 4) интервью дают разнообразный материал, позволяющий говорить о внимании к формированию типа адресной референции; подтверждением этому служат прямые вопросы и рассуждения о корректном или ошибочном употреблении лица;
- 5) важнейшим условием, влияющим на референциальные особенности устного дискурса, является степень его подготовленности, так что можно утверждать, что спонтанная речь всегда имеет свою норму. Для телевизионных интервью характерна условная спонтанность, поскольку темы, возможные вопросы и ответы заранее согласовываются; все полученные данные подтверждают значение степени спонтанности при формировании дефокусировки.

Источники

ESLORA. *Corpus para el estudio del español oral*. [Online]. Available at: <http://eslora.usc.es/> (accessed 17.06.2019).

Литература

- Кибрик, А. А. (2003) *Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Диссертация в виде научного доклада на соискание степени доктора филол. наук*. М.: Ин-т языкознания РАН, 90 с.
- Лаптева, О. Н. (1974) *Нормативность некодифицированной литературной речи*. В кн.: Г. А. Золотова (ред.). *Синтаксис и норма*. М.: Наука, с. 5–42.
- Чейф, У. Л. (2009) *Значение и структура языка*. 3-е изд. М.: URSS, 426 с.
- Шмелёв, А. Д. (2002) *Русский язык и внеязыковая действительность*. М.: Языки славянской культуры, 498 с.
- Яковлева, Е. В. (2013) Особенности референции в различных типах дискурса. В кн.: *Studia Linguistica. Вып. XXII. Язык. Текст. Дискурс: Современные аспекты исследований*. СПб.: Политехника-сервис, с. 306–315.
- Barrenechea, A. M., Alonso, A. (1977) Los pronombres personales sujetos en el español hablado en Buenos Aires. In: J. M. Lope Blanch (ed.). *Estudios sobre el español hablado en las principales ciudades de América*. México: Universidad Nacional Autónoma de México, págs. 333–349.
- Blanco Canales, A. (1999) Presencia/ausencia de sujeto pronominal de primera persona en español. *Español Actual*, núm. 72, págs. 31–39.
- Camacho Adarve, M. M. (2007) Los géneros en el discurso oral español. *Espéculo. Revista de estudios literarios*, núm. 37. Available at: <http://webs.ucm.es/info/especulo/numero37/generos.html> (accessed 17.06.2019).
- Enríquez, E. V. (1984) *El pronombre personal sujeto en la lengua española hablada en Madrid*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 393 págs.
- García Salido, M. (2003) Enfoques cuantitativo y cualitativo en el estudio de la alternativa pronombre personal/afijo en español. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*, núm. 17, págs. 203–221.

- Garrote Salazar, M. (2010) *Los corpus de habla infantil. Metodología y análisis*. Madrid: Ed. Universidad Autónoma de Madrid, 148 págs.
- León-Castro Gómez, M. (2014) Sobre el empleo de la segunda persona del singular como mecanismo de indefinición referencial en el habla culta. Diferencias entre las formas tú/vos y usted. *Lingüística y Literatura*, núm. 65, págs. 37–63.
- Pardo, J. M. (2004) Tecnología del Habla: Debate sobre retos pendientes y perspectivas. *Procesamiento del Lenguaje Natural*, núm. 32, págs. 37–41.
- Salas-Zárate, M. (2018) Detección de patrones psicolingüísticos para el análisis de lenguaje subjetivo en Español. *Procesamiento del Lenguaje Natural*, núm. 60, págs. 79–82. DOI: 10.26342/2018-60-10
- Sampedro Mella, M. (2015) Las formas de tratamiento en un corpus de entrevistas semidirigidas de español de Galicia. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*, núm. 29, págs. 319–344. DOI: 10.14198/ELUA2015.29.14
- Samper Padilla, J. A., Hernández Cabrera, C. E., Troya Déniz, M. (2006) Presencia y ausencia del sujeto pronominal de primera persona singular en la norma culta de España. In: *El español en América. Diatopía, diacronía e historia*. México: Universidad Nacional Autónoma de México, págs. 87–109.

Sources

- ESLORA. Corpus para el estudio del español oral [Corpus for the study of oral Spanish]. [Online]. Available at: <http://eslora.usc.es/> (accessed 17.06.2019). (In Spanish)

References

- Barrenechea, A. M., Alonso, A. (1977) Los pronombres personales sujetos en el español hablado en Buenos Aires. In: J. M. Lope Blanch (ed.). *Estudios sobre el español hablado en las principales ciudades de América*. México: Universidad Nacional Autónoma de México, pp. 333–349. (In Spanish)
- Blanco Canales, A. (1999) Presencia/ausencia de sujeto pronominal de primera persona en español. *Español Actual*, no. 72, pp. 31–39. (In Spanish)
- Camacho Adarve, M. M. (2007) Los géneros en el discurso oral español. *Espéculo. Revista de estudios literarios*, no. 37. Available at: <http://webs.ucm.es/info/especulo/numero37/generos.html> (accessed 17.06.2019). (In Spanish)
- Chafe, W. L. (2009) *Meaning and the structure of language*. 3rd ed. Moscow: URSS Publ., 426 p. (In Russian)
- Enríquez, E. V. (1984) *El pronombre personal sujeto en la lengua española hablada en Madrid*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 393 p. (In Spanish)
- García Salido, M. (2003) Enfoques cuantitativo y cualitativo en el estudio de la alternativa pronombre personal/afijo en español. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*, no. 17, pp. 203–221. (In Spanish)
- Garrote Salazar, M. (2010) *Los corpus de habla infantil. Metodología y análisis*. Madrid: Ed. Universidad Autónoma de Madrid, 148 p. (In Spanish)
- Kibrik, A. A. (2003) *Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive [Discourse analysis in the cognitive paradigm]. PhD dissertation (research report) (Philology)*. Moscow, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 90 p. (In Russian)
- Lapteva, O. N. (1974) Normativnost' nekodifitsirovannoj literaturnoj rechi [The normativity of uncodified literary speech]. In: G. A. Zolotova (ed.). *Sintaksis i norma [Syntax and norm]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 5–42. (In Russian)
- León-Castro Gómez, M. (2014) Sobre el empleo de la segunda persona del singular como mecanismo de indefinición referencial en el habla culta. Diferencias entre las formas tú/vos y usted. *Lingüística y Literatura*, no. 65, pp. 37–63. (In Spanish)
- Pardo, J. M. (2004) Tecnología del Habla: Debate sobre retos pendientes y perspectivas. *Procesamiento del Lenguaje Natural*, no. 32, pp. 37–41. (In Spanish)
- Salas-Zárate, M. (2018) Detección de patrones psicolingüísticos para el análisis de lenguaje subjetivo en Español. *Procesamiento del Lenguaje Natural*, no. 60, pp. 79–82. DOI: 10.26342/2018-60-10 (In Spanish)
- Sampedro Mella, M. (2015) Las formas de tratamiento en un corpus de entrevistas semidirigidas de español de Galicia. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*, no. 29, pp. 319–344. DOI: 10.14198/ELUA2015.29.14 (In Spanish)
- Samper Padilla, J. A., Hernández Cabrera, C. E., Troya Déniz, M. (2006) Presencia y ausencia del sujeto pronominal de primera persona singular en la norma culta de España. In: *El español en América. Diatopía, diacronía e historia*. México: Universidad Nacional Autónoma de México, pp. 87–109. (In Spanish)
- Shmelyov, A. D. (2002) *Russkij yazyk i vneyazykovaya dejstvitel'nost' [The Russian language and the extralinguistic reality]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 492 p. (In Russian)
- Yakovleva, E. V. (2013) Osobennosti referentsii v razlichnykh tipakh diskursa [Peculiarities of reference in various types of discourse]. In: *Studia Linguistica. Iss. XXII. Yazyk. Tekst. Diskurs: Sovremennye aspekty issledovanij*. Saint Petersburg: Politekhniko-servis Publ., pp. 306–315. (In Russian)

УДК 81.342.2

DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-42-48

Использование инструментальных методов для развития звукопроизносительных навыков на иностранном языке

В. О. Белоусова ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Сведения об авторе

Белоусова Владислава Олеговна,
e-mail: vbелoусsova@yandex.ru

Для цитирования:

Белоусова, В. О. (2019)
Использование инструментальных
методов для развития
звукопроизносительных навыков
на иностранном языке.

*Исследования языка и современное
гуманитарное знание*, т. 1, № 1,
с. 42–48. DOI: 10.33910/2686-830X-
2019-1-1-42-48

Получена 7 мая 2019; прошла
рецензирование 29 мая 2019;
принята 30 мая 2019.

Права: © Автор (2019).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает использование специальных физиологических и акустических аналитических программ в обучении фонетике, а также дает определения таким понятиям, как «компьютерная лингводидактика», «электронная лингводидактика» и «сетевая педагогика». Описаны инструментальные методы фонетических исследований, таких как палатография, электромагнитная артикулография (ЭМА) и интонография. Современное программное обеспечение, работающее по этим методам: SmartPalate (палатография), VisArtico (ЭМА) и Speech Analyzer (интонография), — позволяет применять эти методы не только в исследовательских, но и в педагогических целях. Рассмотрены преимущества данных методов при развитии звукопроизносительных навыков на иностранном языке у обучающихся, особенности работы с программными обеспечениями, основанными на этих методах. Кроме этого, автором предложено свое субъективное прогнозирующее мнение о разработке отдельных мультимедийных программ, которые могли бы применяться не только на стационарных компьютерах, но и на мобильных устройствах, таких как смартфоны, интернет-планшеты, телефоны, нетбуки, КПК (карманный персональный компьютер) и др. Преимущества работы с современными программами анализа речи, по сравнению с традиционными, заключаются в широком использовании аудиторией инновационных компонентов, доступности в приобретении мультимедийных приложений через любое мобильное устройство, будь то смартфон, планшет или нетбук, которые также могут применяться в виде гаджетных установок на рабочей панели любого мобильного устройства. Показаны перспективы разработки специальных графических и текстовых интерфейсов, способных работать по тем же методикам, что и программное обеспечение палатографии, ЭМА и интонографии, а также упражнений, способных тренировать и развивать различные фонетические навыки у обучающихся. Такие мультимедийные приложения смогут выполнять аналогичные задачи при исследовании речевого аппарата, а также работы с ним для получения определенного результата в педагогической практике. Такое нововведение сможет облегчить работу над формированием и развитием звукопроизносительных навыков у обучающихся.

Ключевые слова: инструментальные методы, произношение, палатография, электромагнитная артикулография, интонография, информационные технологии, SmartPalate, VisArtico, Speech Analyzer.

The use of instrumental methods for the development of pronunciation skills in a foreign language

V. O. Belousova✉¹

¹ Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

Author

Vladislava O. Belousova, e-mail:
vbelousova@yandex.ru

For citation: Belousova, V. O. (2019). The use of instrumental methods for the development of pronunciation skills in a foreign language. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 1, no. 1, pp. 42–48. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-42-48

Received 7 May 2019; reviewed 29 May 2019; accepted 30 May 2019.

Copyright: © The Author (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. This article investigates the use of dedicated physiological and acoustic analytical programs in teaching phonetics, defining such terms as *computer linguodidactics*, *electronic linguodidactics* and *network pedagogy*. It describes instrumental methods of phonetic research, such as palatography, electromagnetic articulography (EMA) and intonography. Modern software based on these methods, such as SmartPalate (palatography), VisArtico (EMA) and Speech Analyzer (intonography), allows to apply these methods not only for research but also for educational purposes. The author discusses the advantages of these methods in the development of students' foreign language phonetic skills, especially working with software based on those methods. In addition, the author offers her subjective opinion on the development of individual multimedia programs that could be used not only on desktop computers, but also on mobile devices such as smartphones, Internet tablets, phones, netbooks, PDAs (Personal Digital Assistant), etc. Besides, the benefits of working with modern speech analysis software compared to traditional options are the accessibility of multimedia applications across a range of devices, including smartphones, tablets and laptops. The article also discusses the idea of developing dedicated graphic and text interfaces capable of operating based on the same methods as palatography, EMA and intonography software, as well as exercises to train and develop a variety of students' phonetic skills. The author believes that such multimedia applications will be able to perform similar tasks in the study of the speech apparatus, help obtain a certain result in pedagogical practice and facilitate the work on building and developing students' phonetic skills.

Keywords: instrumental methods, pronunciation, palatography, electromagnetic articulography, intonography, information technologies, SmartPalate, VisArtico, Speech Analyzer.

Период развития современного общества характеризуется влиянием на него информационных технологий. Они имеют тенденцию проникать во все сферы человеческой деятельности, образуя глобальное информационное пространство. Считается, что важной частью такой цифровизации является информатизация образования (Киселева 2018). В настоящей статье мы рассмотрим использование специальных физиологических и акустических аналитических программ в обучении фонетике.

Активная интеграция технических средств в учебный процесс началась в 70-х гг. XX в. в связи с широким распространением таких устройств, как магнитофоны и кинопроекторы. Однако вскоре они постепенно были вытеснены более совершенными устройствами, в первую очередь персональным компьютером. Это привело к возникновению отдельного направления исследований в лингводидактике, которое ста-

вит перед собой более узкие цели и задачи (Сарычева, Кытманова, Титова и др. 2014).

В отечественной науке термин «компьютерная лингводидактика», который был предложен К. Р. Пиотровской в 1991 г., является, по мнению М. А. Бовтенко, наиболее адекватным с точки зрения полноты охвата теоретических и практических аспектов применения информационных технологий в обучении иностранному языку, а также учета тенденций развития терминологии в этой научной области. Автор также справедливо предсказывала, что в скором времени данный термин может быть вытеснен термином «электронная лингводидактика» из-за распространения информационно-коммуникативных технологий в обучении иностранным языкам и расширением ряда платформ, посредством которых осуществляется электронная коммуникация (Бовтенко, Гарцов, Ельникова 2006).

Другой термин, взаимодействующий с электронным обучением — «сетевая педагогика», которая является быстроразвивающимся направлением теории обучения. Целью сетевой педагогики является «осмысление процессов обучения путем изучения способов развития и поддержания “сети” социальных отношений, в рамках которых происходит обучение» (Левин, Коренблит, Талис 2013).

Существует ряд технологий, которые широко используются в исследовании физиологии и акустики звукопроизносительной стороны речи. Широкое применение инструментальные методы изучения звуков речи получили еще в начале XX в. (Щерба 1958, т. 1; Якобсон, Фант, Халле 1962). Это палатография, осциллография, спектрография и интонография. В настоящее время все эти методы стали цифровыми.

Рассмотрим метод палатографии. Он используется для выявления взаимодействия органов речи при воспроизведении разных звуков (Merriam-Webster Dictionary). Палатография помогает сделать отпечатки фиксирующей области касания языка с твердым нёбом. Для выполнения механической палатографии требуется окрасить нёбо и язык человека специальным красителем или смесью из угля и оливкового масла, далее попросить человека произнести определенный звук. Затем делается снимок нёба и языка с отпечатком касаний для определения артикуляции произнесенного звука.

Метод также может быть выполнен в электронном виде (электропалатография) с помощью инструмента под названием pseudo-palate (искусственное нёбо), состоящего из пластины, подобной фиксатору, облицованной электродами, который размещается на нёбе, в то время как говорящий произносит звук.

Эта технология био-обратной связи создает цифровую визуализацию того, как наш язык функционирует во время речи. С ее помощью можно получить четкое представление о том, какие изменения необходимо внести для создания и совершенствования устойчивых речевых привычек. Запись, сделанная при помощи палатографии называется палатограммой.

Американский производитель современной электропалатографии носит название CompleteSpeech. Это частная компания, которая специализируется на логопедии. Она производит систему SmartPalate (What is a SmartPalate?). SmartPalate — это мощный инструмент визуальной обратной связи, который позволяет отслеживать движения губ и языка в режиме реального времени. Мундштук SmartPalate

изготавливается с более чем 100 датчиками, которые точно описывают размещения языка. Информация, полученная от мундштука, а также аудиовход обрабатываются каналом передачи данных. Программное обеспечение SmartPalate преобразует информацию из канала передачи данных в визуальное представление нашего рта, а также быстро и точно преуспевает в устранении проблем артикуляции. Она особенно успешна при работе с произношением звуков R, L и S (SmartPalate System).

Благодаря использованию данного инструмента люди преодолевают сложные коммуникационные барьеры и вырабатывают лучшие речевые привычки с помощью функций визуальных эффектов, предлагаемых данной системой.

С использованием индивидуально настроенной системы палатографии и компьютерного интерфейса эта технология позволяет человеку увидеть, где разместить свой язык для правильного воспроизведения звука, тем самым помогая ему исправить артикуляцию речевых звуков, выпад языка (правильное движение языка для глотания) и/или избавиться от акцента (Sound Shapers offers Smart Palate Speech Therapy!).

Данная разработка может широко использоваться как инструмент для формирования, корректировки, а также развития фонетических навыков у обучающихся на иностранном языке, так как она решает проблемы с артикуляцией, способна побороть языковой барьер, выявить проблемные участки при звукопроизнесении и настроить систему по индивидуальному плану для устранения фонетических ошибок при говорении.

Другой инструментальный метод, который мы рассмотрим — электромагнитная артикулография (далее ЭМА). Согласно статье Д. А. Кочарова и О. Н. Гловой, ЭМА — это «один из самых удачных методов, который широко применяется в современных исследованиях артикуляторного аппарата» (Кочаров, Глова 2012). ЭМА применяется в теоретической лингвистике «для уточнения существующих знаний о процессах речепорождения, а также в области речевых технологий при решении задач, где требуется моделирование артикуляторных процессов» (Кочаров, Глова 2012).

ЭМА используют для «создания новых и уточнения существующих представлений об артикуляции различных фонем», а также выделения различия в артикуляции фонем, имеющих «близкое звучание и похожие акустические признаки» (Кочаров, Глова 2012).

Она позволяет делать длительные записи дикторов без какого-либо вреда для здоровья. Именно поэтому данный метод является «основным при сборе больших объемов речевых данных для обучения, основанных на статистическом подходе автоматических систем конверсии артикуляторных моделей фонем и аллофонов в акустические и наоборот» (Кочаров, Глотова 2012; Toda, Black, Tokuda 2008).

Д. А. Кочаров и О. Н. Глотова в своей статье говорят о том, что «уточнение фонетических знаний об артикуляции способствуют созданию более точных и универсальных формальных моделей артикуляции» (Кочаров, Глотова 2012).

В 2003 г. О. Энгвалл представил трехмерную динамическую модель языка, построенную на основе данных, полученных при помощи ЭМА, функциональной магнитно-резонансной томографии и электропалатографии (Engwall 2003).

В этом случае данные ЭМА были использованы для моделирования движения языка в процессе артикуляции, потому что ЭМА обеспечивает наибольшую точность во времени. На данный момент эта модель ЭМА используется для оценки и предсказания положения органов артикуляции в процессе порождения речи (Ananthakrishnan, Badin, Vargas et al. 2010).

В 2012 г., также как и для инструментального метода палатографии, было разработано программное обеспечение, которое предназначалось для визуализации и анализа артикуляторных данных при помощи ЭМА — VisArtico (Ouni, Mangeonjean, Steiner 2012). Данное программное обеспечение включает в себя удобный графический интерфейс, а также возможность для визуализации графиков измерения артикуляторных данных в виде осциллограмм. Помимо этого, оно делает возможным визуализацию «движения органов артикуляции во время процесса речепорождения в виде анимированного сагиттального разреза речевого тракта, что важно для анализа артикуляторных данных лингвистами» (Кочаров, Глотова 2012).

Мы считаем, что использование данного инструментального метода в образовательном ключе, поможет обучающимся работать над собственной фонологической системой языка, развивать способность к артикуляции сложных для воспроизведения звуков иностранной речи, а также сделать анализ результатов проводимых исследований в рамках фонетического обучения с использованием ЭМА.

Следующий рассматриваемый нами инструментальный метод — интонография, а именно:

«автоматическое выделение и регистрация частоты основного тона и интенсивности речевой интонации» (Винарская 1987). Приборы интонографы вычлняют основной тон из осциллографической записи речи: «Результаты анализа фиксируются на фотобумаге или на киноленте в виде ряда вертикальных линий, каждая из которых соответствует частоте отдельного периода, либо в виде кривой, которая представляет собой огибающую верхних точек этих линий» (Бегаева, Лачимова, Янсюкевич и др. 2009).

Современная компьютерная программа Speech Analyzer работает по методу интонографии. Ее задача демонстрировать различные графические изображения речи и звукозаписей, а также выполнять фонетический анализ записей человеческого голоса. Программа способна показывать до шести графических изображений звука или группу звуков на одном экране, что облегчает выполнение сравнительного анализа. Также, данная программа позволяет настраивать индивидуально графики и создавать шаблоны с комбинацией графиков, благодаря которым можно увидеть точное воспроизведение высоты и интенсивности речи, например, слова, предложения, фонемы и др. (Дэниел Джонс (phonetician)).

С нашей точки зрения, с помощью инструментального метода интонографии и специально разработанной программы Speech Analyzer обучающиеся могут проводить работу над мелодикой речи, громкостью, темпом речи и ее отдельных отрезков, ритмикой и др. как на отдельных занятиях по иностранному языку в лингафонном кабинете, так и индивидуально, в специально разработанных для этого фонетических лабораториях, так как каждый язык нуждается в тщательном прорабатывании отдельных фонетических навыков.

В современной методике преподавания иностранных языков проблемой обучения, а также тестирования интонации на английском языке занималась И. Ю. Павловская, которая исследовала случаи обучения произношению китайских студентов российскими преподавателями в русскоязычной среде (Pavlovskaya 2016).

Рассмотренные нами инструментальные методы, по нашему мнению, применимы в образовательных целях, так как каждый из них выполняет важную функцию в формировании, развитии, отработке и корректировке фонетических навыков у обучающихся на иностранном языке.

Целью нашего исследования является продемонстрировать высокотехнологические ресурсы

в виде инструментальных методов, которые могут применяться в обучении фонетической стороне речи, а также с успехом решать поставленные на сегодняшний день задачи преподавателей иностранных языков, а именно:

- как правильно поставить произношение тех или иных звуков на иностранном языке;
- в каком направлении формировать звукопроизносительный навык на иностранном языке отдельных звуков / букв у детей / взрослых, имеющих в этом сложности или дефект речи на родном языке;
- как побороть языковой барьер;
- как научиться правильно артикулировать и интонировать звуки в речи.

Перспективы и преимущества работы с современными программами анализа речи по сравнению с традиционными заключаются в широком использовании аудиторией инновационных компонентов, которые будут доступны благодаря мультимедийным приложениям, загруженным через любое мобильное устройство, будь то смартфон, планшет или нетбук, либо применяться в виде гаджетов на рабочей панели любого мобильного устройства.

Такие приложения смогут выполнять аналогичные задачи при исследовании речевого аппарата, а также работы с ним для получения определенного результата в педагогической практике, а именно:

- при использовании палатографии в виде мультимедийного приложения, будет также выполняться био-обратная связь, которая создаст визуализацию функционирования человеческого языка во время речи, используя электродные фиксаторы, размещенные на небе для получения результата при исследовании; подразумевается разработка упражнений на восприятие нового звука на слух или на автоматизацию произносительного навыка (скороговорки, считалки), которые будут представлены в виде графического интерфейса. Пример скороговорки: *She sells seashells by the seashore* (Celce-Murcia, Brinton, Goodwin 2010);
- благодаря функции автоматического распознавания речи, которой оснащены все современные мобильные устройства, метод ЭМА может применяться для измерения артикуляторных данных в виде тех же осциллограмм, как и в программном обеспечении VisArtico, которые предоставят возможность обучающимся видеть расположение органов речи, что поможет

им развивать свои артикуляторные навыки на иностранном языке в процессе порождения речи; упражнения, используемые в таком приложении могут быть разработаны, например, на тренировку согласных и парных звуков;

- при разработке мультимедийного приложения по методу интонографии также потребуются функция автоматического распознавания речи, которая будет применима для определения частоты основного тона и интенсивности речевой интонации обучающегося. Данное приложение будет включать в себя текстовый интерфейс, в котором будут выводиться графические изображения речи, либо уже сделанной ранее звукозаписи обучающегося с прямым выведением транскрипта речи на экран мобильного приложения, а красные выделения по тексту дадут разобраться обучающемуся, в каком промежутке текста и в какой тональности ему следует тренироваться. Например, обучающемуся следует проговорить одно и то же предложение с разной интонацией: прямой вопрос или удивление (*Don't you like watching TV?*), прямой вопрос или комментирование ситуации (*Isn't he happy?*).

Определенным преимуществом разработки таких мультимедийных программ является выполнение упражнений, а также тренировка фонетических навыков, которая происходит в режиме реального времени. Обладателем таких приложений сможет стать любой желающий, который имеет мобильное устройство. Преподавателям использование данных приложений поможет избежать временных потерь, так как на занятии будут задействованы все обучающиеся.

Подводя итоги, мы можем сказать, что появление отдельных мультимедийных программ на основе описанных нами ранее, таких как SmartPalate, VisArtico и Speech Analyzer, которые могли бы функционировать не только на стационарных компьютерах, но и на мобильных устройствах: смартфоны, интернет-планшеты, телефоны, нетбуки, КПК (карманный персональный компьютер) и др. — поможет облегчить работу над формированием и развитием звукопроизносительных навыков у обучающихся благодаря специально разработанным мультимедийным интерфейсам, графическим изображениям и упражнениям, способным вызвать интерес у обучающихся во время изучения иностранного языка.

Источники

- SmartPalate System. *Complete Speech*. [Online]. Available at: <https://completespeech.com/smartpalate/> (accessed 28.04.2019).
- What is a SmartPalate? *Complete Speech*. [Online]. Available at: https://web.archive.org/web/20140514094750/http://www.completespeech.com/speech/smartpalate1/what_is_a_smartpalate/ (accessed 06.05.2019).
- Дэниел Джонс (phonetician). *ru.knowledgr.com*. [Online]. Available at: [http://ru.knowledgr.com/00005330/ДэниелДжонс\(phonetician\)](http://ru.knowledgr.com/00005330/ДэниелДжонс(phonetician)) (accessed 28.04.2019).
- Sound Shapers offers Smart Palate Speech Therapy! *Sound Shapers*. [Online]. Available at: <http://soundshapers.org/smart-palate-speech-therapy/> (accessed 28.04.2019).

Словари и справочная литература

- Merriam-Webster Dictionary. [Online]. Available at: <https://www.merriam-webster.com/medical/palatogram> (accessed 06.05.2019).

Литература

- Бегаева, Е. В., Лачимова, Л. Я., Янсюкевич, А. А., Гусева, Т. И. (2009) *Современный русский язык. Практическое пособие*. М.: Экзамен, 421 с.
- Бовтенко, М. А., Гарцов, А. Д., Ельникова, С. И. и др. (2006) *Компьютерная лингводидактика: теория и практика*. М.: Изд-во Рос. университета дружбы народов, 211 с.
- Винарская, Е. Н. (1987) *Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии: Периодика раннего развития. Эмоциональные предпосылки освоения языка*. М.: Просвещение, 160 с.
- Киселева, М. (2018) IT-технологии в современной школе. *Учительская газета*, № 46, 13 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ug.ru/archive/76693> (дата обращения 07.05.2019).
- Кочаров, Д. А., Глотова, О. Н. (2012) Обзор технологии электромагнитной артикулографии для исследования и моделирования процессов порождения речи. *Научное мнение*, № 12, с. 47–53.
- Левин, И., Коренблит, М., Талис, В. (2013) Изучение динамики социальных сетей на основе моделирования в среде Nodex1-Excel. *Problems of education in the 21st century*, vol. 54, pp. 125–137. [Электронный ресурс]. URL: https://www.scientiasocialis.lt/pec/files/pdf/vol54/125-137.Levin_Vol.54.pdf (дата обращения 10.05.2019).
- Сарычева, Л. В., Кытманова, Е. А., Титова, Е. А. и др. (2014) *Особенности преподавания иностранного языка в условиях новой парадигмы образования (внедрение ФГОС нового поколения в практику обучения иностранному языку)*. М.: МГОУ, 160 с.
- Щерба, Л. В. (1958) *Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Т. 1. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 184 с.
- Якобсон, Р. О., Фант, Г. М., Халле, М. (1962) Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. Гл. II. Опыт описания различительных признаков. В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. 2. М.: Прогресс, с. 173–230.
- Ananthakrishnan, G., Badin, P., Vargas, J. A. V., Engwall, O. (2010) Predicting unseen articulations from multi-speaker articulatory models. In: T. Kobayashi, K. Hirose, S. Nakamura (eds.). *Interspeech 2010, 11th Annual Conference of the International Speech Communication Association, Makuhari, Chiba, Japan, September 26–30, 2010*. S. n., pp. 1588–1591.
- Celce-Murcia, M., Brinton, D., Goodwin, J. (2010) *Teaching pronunciation: A course book and reference guide*. New York: Cambridge University Press, 556 p.
- Engwall, O. (2003) Combining MRI, EMA and EPG measurements in a three-dimensional tongue model. *Speech Communication*, vol. 41, no. 2–3, pp. 303–329.
- Ouni, S., Mangeonjean, L., Steiner, I. (2012) VisArtico: a visualization tool for articulatory data. In: *13th Annual Conference of the International Speech Communication Association — InterSpeech 2012, September 2012, Portland, OR, United States*. [Online]. Available at: <https://hal.inria.fr/hal-00730733/document> (accessed 10.05.2019).
- Pavlovskaya, I. (2016) Testing and teaching English intonation to Chinese students. *IATEFL TEASIG Newsletter*, iss. 60, pp. 13–16. [Online]. Available at: <http://edition.pagesuite-professional.co.uk/html5/reader/production/default.aspx?pubname=&edid=58c64536-02a9-4a82-aafe-0656958b85f8> (accessed 10.05.2019).
- Toda, T., Black, A. W., Tokuda, K. (2008) Statistical mapping between articulatory movements and acoustic spectrum using a Gaussian mixture model. *Speech Communication*, vol. 50, no. 3, pp. 215–227.

Sources

- SmartPalate System. *Complete Speech*. [Online]. Available at: <https://completespeech.com/smartpalate/> (accessed 28.04.2019). (In English)

- What is a SmartPalate? *Complete Speech*. [Online]. Available at: https://web.archive.org/web/20140514094750/http://www.completespeech.com/speech/smartpalate1/what_is_a_smartpalate/ (accessed 06.05.2019). (In English)
- Дэниел Джонс (phonetician). *ru.knowledgr.com*. [Online]. Available at: [http://ru.knowledgr.com/00005330/ДэниелДжонс\(phonetician\)](http://ru.knowledgr.com/00005330/ДэниелДжонс(phonetician)) (accessed 28.04.2019). (In English)
- Sound Shapers offers Smart Palate Speech Therapy! *Sound Shapers*. [Online]. Available at: <http://soundshapers.org/smart-palate-speech-therapy/> (accessed 28.04.2019). (In English)

Dictionaries and reference literature

- Merriam-Webster Dictionary. [Online]. Available at: <https://www.merriam-webster.com/medical/palatogram> (accessed 06.05.2019). (In English)

References

- Ananthakrishnan, G., Badin, P., Vargas, J. A. V., Engwall, O. (2010) Predicting unseen articulations from multi-speaker articulatory models. In: T. Kobayashi, K. Hirose, S. Nakamura (eds.). *Interspeech 2010, 11th Annual Conference of the International Speech Communication Association, Makuhari, Chiba, Japan, September 26–30, 2010*. S. n., pp. 1588–1591. (In English)
- Begaeva, E. V., Lachimova, L. Ya., Yansyukevich, A. A., Guseva, T. I. (2009) *Sovremennyy russkiy yazyk. Prakticheskoe posobie [Modern Russian language. Practical guide]*. Moscow: Ekzamen Publ., 421 p. (In Russian)
- Bovtenko, M. A., Gartsov, A. D., El'nikova, S. I. et al. (2006) *Komp'yuternaya lingvodidaktika: teoriya i praktika [Computational linguodidactics: theory and practice]*. Moscow: Peoples Friendship University of Russia Publ., 211 p. (In Russian)
- Celce-Murcia, M., Brinton, D., Goodwin, J. (2010) *Teaching pronunciation: A course book and reference guide*. New York: Cambridge University Press, 556 p. (In English)
- Engwall, O. (2003) Combining MRI, EMA and EPG measurements in a three-dimensional tongue model. *Speech Communication*, vol. 41, no. 2–3, pp. 303–329. (In English)
- Jakobson, R. O., Fant, C. G. M., Halle, M. (1962) Vvedenie v analiz rechi. Razlichitel'nye priznaki i ikh korrelyaty. Gl. II. Opyt opisaniya razlichitel'nykh priznakov [Preliminaries to speech analysis: The distinctive features and their correlates. Ch. II. A tentative survey of the distinctive features]. *Novoe v lingvistike [New in linguistics]*. Iss. 2. Moscow: Progress Publ., pp. 173–230. (In Russian)
- Kiseleva, M. (2018) IT-tehnologii v sovremennoj shkole [IT-technology in a modern school]. *Uchitel'skaya gazeta*, no. 46, 13 November. [Online]. Available at: <http://www.ug.ru/archive/76693> (accessed 07.05.2019). (In Russian)
- Kocharov, D. A., Glotova, O. N. (2012) Obzor tekhnologii elektromagnitnoj artikulografii dlya issledovaniya i modelirovaniya protsessov porozhdeniya rechi [An overview of electromagnetic articulography as a method for speech research and modelling]. *Nauchnoe mnenie — The Scientific Opinion*, no. 12, pp. 47–53. (In Russian)
- Levin, I., Korenblit, M., Talis, V. (2013) Izuchenie dinamiki sotsial'nykh setej na osnove modelirovaniya v srede Nodexl-Excel [Study of social networks' dynamics by simulation within the Nodexl-Excel environment]. *Problems of education in the 21st century*, vol. 54, pp. 125–137. [Online]. Available at: https://www.scientiasocialis.lt/pec/files/pdf/vol54/125-137.Levin_Vol.54.pdf (accessed 10.05.2019). (In Russian)
- Ouni, S., Mangeonjean, L., Steiner, I. (2012) VisArtico: a visualization tool for articulatory data. In: *13th Annual Conference of the International Speech Communication Association — InterSpeech 2012, September 2012, Portland, OR, United States*. [Online]. Available at: <https://hal.inria.fr/hal-00730733/document> (accessed 10.05.2019). (In English)
- Pavlovskaya, I. (2016) Testing and teaching English intonation to Chinese students. *IATEFL TEASIG Newsletter*, iss. 60, pp. 13–16. [Online]. Available at: <http://edition.pagesuite-professional.co.uk/html5/reader/production/default.aspx?pubname=&edid=58c64536-02a9-4a82-aafe-0656958b85f8> (accessed 10.05.2019). (In English)
- Sarycheva, L. V., Kytmanova, E. A., Titova, E. A. et al. (2014) *Osobennosti prepodavaniya inostrannogo yazyka v usloviyakh novej paradigmy obrazovaniya (vnedrenie FGOS novogo pokoleniya v praktiku obucheniya inostrannomu yazyku) [Features of teaching a foreign language in the context of the new education paradigm (introducing the Federal State Educational Standard of the new generation into the practice of teaching a foreign language)]*. Moscow: Moscow Region State University Publ., 160 p. (In Russian)
- Shcherba, L. V. (1958) *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike [Selected works on linguistics and phonetics]*. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University Publ., 184 p. (In Russian)
- Toda, T., Black, A. W., Tokuda, K. (2008) Statistical mapping between articulatory movements and acoustic spectrum using a Gaussian mixture model. *Speech Communication*, vol. 50, no. 3, pp. 215–227. (In English)
- Vinarskaya, E. N. (1987) *Rannee rechevoe razvitie rebenka i problemy defektologii: Periodika rannego razvitiya. Emotsional'nye predposylki osvoeniya yazyka [Early child speech development and defectology problems: Periods of early development. Emotional prerequisites of language learning]*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 160 p. (In Russian)

Языковое портфолио как стратегия обучения второму иностранному языку студентов магистратуры педагогического направления

И. В. Фролова^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Фролова Ирина Валентиновна,
SPIN-код: 5082-5851,
ORCID: 0000-0003-4587-2876,
e-mail: ivfrolova@herzen.spb.ru

Для цитирования:

Фролова, И. В. (2019) Языковое портфолио как стратегия обучения второму иностранному языку студентов магистратуры педагогического направления.

Исследования языка и современное гуманитарное знание, т. 1, № 1, с. 49–56. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-49-56

Получена 11 февраля 2019; прошла рецензирование 22 марта 2019; принята 22 марта 2019.

Права: © Автор (2019).

Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье предложен новый взгляд на «европейское языковое портфолио» и его русскоязычную версию, традиционно рассматриваемые в иноязычном обучении студентов неязыкового и языкового (филологического) профиля как способ фиксирования, накопления и оценки их индивидуальных достижений, а также как средство их самоконтроля, самооценки и повышения мотивации при изучении иностранного языка. На примере обучения студентов магистратуры РГПУ им. А. И. Герцена в рамках дисциплины «Второй иностранный язык в профессиональном общении» (направление «44.04.01 — Педагогическое образование», магистерская программа «Иностранные языки в контексте современной культуры») автором предлагается новая концепция «языкового портфолио», его новое содержание и новая стратегия применения.

В частности, в предлагаемой модели обучения технология «языкового портфолио» осмыслена по-новому, адаптирована для новых условий обучения и нового контингента (обучение второму иностранному языку магистрантов языкового педагогического вуза), получила более широкое использование (компонент содержания, средство и цель обучения второму иностранному языку; инструмент оценки, самооценки, рефлексии, мотивации, автономности) и новое структурное наполнение (добавление к традиционным для «европейского языкового портфолио» разделам специальных проектных разделов, предназначенных для конкретного контингента учащихся, обусловленных конкретными целями и задачами обучения).

Предлагаемая модель обучения основана на принципах профессионально-направленного, дифференцированного, лично-ориентированного, проектного, смешанного и автономного обучения, что в полной мере обеспечивает достижение планируемых результатов обучения по дисциплине.

Проектная технология «языкового портфолио» оптимально встраивается в учебный процесс на ступени магистратуры в силу дефицита учебного времени, отводимого на дисциплину «Второй иностранный язык в профессиональном общении», необходимости дифференциации обучения с учетом индивидуального языкового опыта учащихся и для формирования профессиональных компетенций будущего учителя со знанием двух иностранных языков в соответствии с новыми требованиями ФГОС.

В статье также рассматривается потенциал проектной технологии «языкового портфолио» в обучении второму иностранному языку студентов двухпрофильного бакалавриата педагогического направления.

Ключевые слова: языковое портфолио, проектная технология, второй иностранный язык, стратегия обучения, практико-ориентированная модель обучения.

Language portfolio as a strategy for teaching a second foreign language to master's students in education studies

I. V. Frolova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Irina V. Frolova, SPIN: 5082-5851,
ORCID: 0000-0003-4587-2876,
e-mail: ivfrolova@herzen.spb.ru

For citation: Frolova, I. V. (2019) Language portfolio as a strategy for teaching a second foreign language to master's students in education studies. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 1, no. 1, pp. 49–56. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-49-56

Received 11 February 2019; reviewed 22 March 2019; accepted 22 March 2019.

Copyright: © The Author (2019).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. This article proposes a new look at the *European language portfolio* and its Russian version. Language instructors working with students from both language and non-language related programmes have traditionally seen it as a tool for tracking and evaluating students' progress and providing feedback, as well as a tool for students' self-assessment, self-control and a source of motivation. This paper aims to propose a new concept of a language portfolio and describe how this strategy can be applied within the Second Foreign Language for Professional Purposes course taught to education studies masters' students in a Herzen University programme titled Foreign Languages within the Context of Modern Culture.

Inter alia, the paper describes a new training model and a new LP application strategy tailored for a different learning environment and a different set of students (master's students in education studies learning a second foreign language). A more comprehensive approach to LP is offered, encompassing its use as a part of a learning course, a tool and a goal for studying a second foreign language, a tool for skills evaluation, self-assessment, self-reflection, motivation and self-guided study. This model also expands the project section traditional for the European language portfolio to accommodate for the students' individual goals.

The suggested education model is a type of profession-specific, diversified, person-driven, project-based mixed and remote learning, which ensures the attainment of the aims of the course.

The language portfolio technique is ideally suited for the master's programme, since the training time within the Second Foreign Language in Professional Communication course is quite limited, while students require a different approach depending on their level of experience with the language. Thus, a language portfolio is a perfect tool to ensure that future language teachers attain the level of the second foreign language required by the new Federal State Education Standard.

Keywords: language portfolio, project portfolio, second foreign language, learning strategy, practice-oriented learning model.

Введение. Актуальность и востребованность новой модели и стратегии обучения ИЯ2 магистрантов языкового педагогического вуза

В условиях модернизации российского образования, смены образовательной парадигмы и реализации в обучении компетентностного, деятельностного и личностно-ориентированного подходов обновленный ФГОС по направлению «44.04.01 — Педагогическое образование» ставит новые цели и задачи в области иноязычной подготовки магистрантов языкового профиля. В соответствии с планируемыми результатами обучения по дисциплине «Второй иностранный язык в профессиональном общении» (магистерская программа «Иностранные языки в контексте современной культуры»)

выпускник магистратуры РГПУ им. А. И. Герцена должен обладать комплексом общепрофессиональных и профессиональных компетенций (ОПК-2, ОПК-4, ПК-19, ПК-21), заключающихся в его способности и готовности использовать второй иностранный язык в самообразовании и решении профессиональных задач, связанных с собственной педагогической и культурно-просветительской деятельностью (Рабочая программа дисциплины 2018).

Однако достижение планируемых результатов обучения второму иностранному языку магистрантов педагогического вуза осложняется рядом обстоятельств: неоднородным исходным уровнем обученности магистрантов по второму иностранному языку (от «нулевого» до «продвинутого» уровня) в одной учебной группе; дефицитом аудиторного учебного времени (18 ч лабораторных занятий в семестр)

и значительным объемом самостоятельной работы (54–90 ч в семестр); отсутствием профильных учебно-методических пособий и онлайн-курсов для данной ступени образования и разноуровневого контингента учащихся; низким уровнем мотивации учащихся на фоне роста предложений академической мобильности в европейские страны; неспособностью большинства учащихся самостоятельно оценить уровень владения вторым иностранным языком и конкретизировать цели своего обучения.

В этой связи проектная технология «языкового портфолио» предоставляет широкие возможности для оптимизации процесса обучения второму иностранному языку магистрантов педагогического вуза и создания на ее основе практико-ориентированной модели обучения, адекватной нашим целям обучения и ориентированной на профессиональную сферу, связанную с образованием.

Обзор существующих концепций и моделей ЯП

В основе используемой технологии «языкового портфолио» в предлагаемой нами модели обучения лежат обобщенные концепции «Европейского языкового портфолио», разработанного в 1998–2000 гг. Отделом языковой политики при Совете Европы, его национальной версии «языкового портфеля для России», разработанной в МГЛУ под руководством И. И. Халеевой, а также практико-ориентированные модели «языкового портфеля», описанные отечественными исследователями.

«Европейское языковое портфолио» (European Language Portfolio) включает в себя языковой паспорт (Language Passport), языковую биографию (Language Biography) и досье (Dossier), с помощью которых учащийся может представить в систематизированном виде результаты своих достижений и опыта в изучении иностранных языков, образцы работ. Целью «европейского языкового портфолио» является развитие полиязычия, поликультурности и мотивации европейцев к самостоятельному изучению языков на протяжении жизни, обеспечение их академической и профессиональной мобильности в рамках единой Европы. В настоящее время существует три типовых версии «европейского языкового портфолио» для разного возрастного и целевого контингента учащихся, на основе которых создавались национальные версии «языкового портфолио». Важно отметить, что «европейское языковое портфолио» изначально задумывалось как от-

крытая система, сочетающая универсальность, проявляющуюся в наличии трех базисных частей, и гибкость, обусловленную национально-культурной спецификой, конкретными целями, уровнем и контингентом обучения.

«Языковой портфель для России» в своем традиционном виде был разработан для разных ступеней общеобразовательной школы и для вузов (филологов — преподавателей русского языка, устных и письменных переводчиков). Попытки разработать адаптированную модель вузовского «языкового портфеля» предпринимались в отдельных исследованиях, адресованных бакалаврам филологии, лингвистики и неязыковых специальностей (К. М. Ирисханова, МГЛУ; Е. В. Куликова, ННГУ; И. И. Крузе, РУДН; О. Х. Мирошникова, ЮФУ; С. А. Смирнова, КГУ; К. С. Ращупкина, Т. Е. Савочкина, ТГУ).

В отечественных научных исследованиях «языковой портфель» (или эквивалентный ему термин «языковое портфолио») рассматривается как многофункциональный и гибкий педагогический или лингводидактический инструмент, характеризующийся открытой и вариативной структурой:

- альтернативный по отношению к традиционным формам способ контроля в процессе обучения иностранному языку (ввиду отсутствия у ЕЯП и РЯП официального статуса образовательного стандарта для высшей школы); один из возможных способов осуществления систематизированного самоконтроля в процессе изучения иностранного языка (Н. Д. Гальскова, Т. В. Гончарова, О. С. Клейн, Н. Ф. Коряковцева, А. В. Матиенко, Е. С. Полат);
- средство самооценки учащихся на основе рефлексии учебной деятельности (О. Н. Ерохова, О. А. Лузгина, О. С. Шканова, А. Н. Щукин);
- средство мотивации учащихся к изучению иностранного языка (О. А. Еремина, И. В. Новикова, А. С. Салина и Ю. А. Иликбаева, В. М. Соина);
- средство формирования коммуникативной компетенции (Е. А. Жарова), профессиональных и профессионально-языковых компетенций учащихся (Л. Ю. Айснер, Д. С. Белоног, О. Х. Мирошникова);
- форма организации самостоятельной работы учащихся (С. Г. Эфа, Т. Н. Шайхутдинова);
- «учебно-тестовый портфель» (А. В. Матиенко); «профессионально-языковой

портфель» для студентов-технологов (Е. В. Савелло), профессионально-ориентированный «языковой портфель» для студентов-юристов (И. И. Крузе); практико-ориентированная модель «языкового портфеля» для студентов-математиков и физиков (О. Х. Мирошников), «языковой портфель» для студентов-филологов (Е. В. Патрушева, Е. Н. Красикова); электронный «языковой портфель» для магистрантов-лингвистов (Т. А. Лопатухина).

Отдельно выделим концепцию многофункционального «языкового портфеля», реализованную А. С. Кулигиной и А. В. Щепиловой в УМК для средней школы «Le français c'est facile!»: «языковой портфель» как инструмент обратной связи в учебном процессе — тип Feedback Language Portfolio, рефлексивного изучения иностранного языка — тип Language Learning Portfolio, самооценки достижений учащегося в процессе овладения иностранным языком и самооценки уровня владения иностранным языком — тип Self-Assessment Language Portfolio (Щепилова 2015, 409).

Отметим еще одну точку зрения, важную для нашего исследования: по мнению О. Х. Мирошниковой, при реализации компетентностного подхода в профессиональном образовании «результатом “обучения действием” является структурированный процесс изучения собственного опыта с целью профессиональной реализации личности, все этапы которого фиксируются в материалах ЕЯП»; при этом профессиональные, языковые и коммуникативные компетенции учащегося формируются интегрировано (Мирошников 2008, 84).

Подводя итог рассмотрению существующих отечественных концепций «языкового портфеля» можно сделать следующие выводы:

- многолетние исследования, проведенные в разных сферах образования (общеобразовательная школа, языковой / неязыковой вуз), свидетельствуют об эффективности практики включения «языкового портфеля» в процессе обучения иностранному языку / овладения иностранным языком; использование технологии «языкового портфеля» создает благоприятную среду для самореализации учащегося, его личностного и профессионального роста;
- «языковой портфель» в общеобразовательной школе выполняет преимущественно репрезентативную функцию и демонстрирует индивидуальные достижения

учащихся (тип Show Case или Administrative Language Portfolio); «языковой портфель» в вузе выступает как многогранный педагогический инструмент — не только средство фиксации, накопления и оценки индивидуальных достижений учащихся, но и средство самоконтроля, самооценки и повышения мотивации учащихся при изучении иностранного языка (тип Administrative Language Portfolio и Self-Assessment Language Portfolio);

- «языковой портфель» в вузе используется преимущественно как средство мониторинга и оценки уровня владения учащимся иностранным языком (тип Feedback Language Portfolio); поскольку «языковой портфель» ориентирован на «европейское языковое портфолио», которое в свою очередь привязано к общеевропейским компетенциям владения иностранным языком, следовательно, «языковой портфель» может рассматриваться как стандартизированный универсальный измеритель иноязычных способностей учащегося на конкретной ступени обучения (Щепилова 2015);
- перспективной формой «языкового портфеля» является тип Language Learning Portfolio, содержащий помимо учебного материала рекомендации по организации работы учащегося по овладению иностранным языком, а также средства диагностики и оценки уровня владения иностранным языком; основной функцией данного типа портфолио является педагогическая, заключающаяся в развитии у учащегося способности и готовности к самостоятельному и автономному изучению иностранного языка и иноязычной культуры;
- «языковой портфель» является открытой системой, сочетает универсальность, проявляющуюся в наличии трех базисных частей (языковой паспорт, языковая биография, досье) и гибкость, позволяющую адаптировать «языковой портфель» к национальным образовательным стандартам, изменить номенклатуру его разделов применительно к конкретным целям обучения и контингенту учащихся; в силу вышесказанного не существует единой версии и универсальной структуры «языкового портфолио» для системы российского высшего образования;
- большинство исследователей сходятся во мнении о необходимости разработки

практико-ориентированных моделей «языкового портфеля» (тип Comprehensive Language Portfolio или Project Portfolio), адекватных целям языковой подготовки учащихся и ориентированных на профессиональную сферу.

Проведенное исследование позволило разработать практико-ориентированную модель обучения на основе многоцелевого «языкового портфеля» для нашего контингента учащихся.

Описание модели и стратегии обучения ИЯ2 на основе технологии ЯП

В предлагаемой модели обучения концепция «языкового портфолио» (в дальнейшем мы будем придерживаться именно этого варианта термина) осмыслена по-новому и адаптирована для новых условий обучения и нового контингента — обучение второму иностранному языку студентов магистратуры языкового педагогического вуза.

«Языковое портфолио» получило более широкое использование — как компонент содержания, средство и цель обучения второму иностранному языку, а также как инструмент оценки, самооценки, рефлексии, мотивации, автономности магистрантов педагогического вуза. Заметим, что отдельные элементы технологии «языкового портфолио» ранее использовались нами как компонент содержания обучения второму иностранному языку (например, документация автобиографического характера — Curriculum Vitae, мотивационное письмо), но они не носили характер целостного проекта. Однако только комплексное использование «языкового портфолио» как компонента содержания, средства и цели обучения дает возможность учащемуся самому освоить данную технологию, с тем чтобы в дальнейшем использовать ее в своей будущей педагогической или культурно-просветительской деятельности.

«Языковое портфолио» также получило новое структурное наполнение: к базисным для ЕЯП разделам добавлены специальные проектные разделы, предназначенные для учащихся в магистратуре — средства диагностики (шкалы уровня владения вторым иностранным языком, листы самооценки, тесты), аутентичные учебные материалы, подобранные в соответствии с содержанием обучения по дисциплине и уровнем владения учащимся вторым иностранным языком.

«Языковое портфолио» по второму иностранному языку, адресованное магистрантам

языкового педагогического вуза, имеет следующую структуру и наполнение:

1. «языковой паспорт» и «портфолио достижений» учащегося (My Language Profile and Autobiography);
2. «рефлексивное портфолио» учащегося (My Self-Assessment Language Portfolio);
3. «учебное портфолио» для учащегося (Language Learning Portfolio for Students);
4. «проектное портфолио» учащегося (My Project Portfolio).

«Языковой паспорт» и «портфолио достижений» (в онлайн-форме) включают перечень иностранных языков, которыми владеет магистрант, и его уровень владения ими; опыт межкультурного общения, в том числе участие в конкурсах, олимпиадах, стажировках и их документальное подтверждение в виде копий дипломов, сертификатов, грамот.

«Рефлексивное портфолио» магистранта состоит из листов самооценки уровня владения вторым иностранным языком, разработанных с учетом цели обучения второму иностранному языку.

«Учебное портфолио», разработанное для учащегося, включает средства диагностики уровня владения вторым иностранным языком, в том числе тесты в электронной среде Moodle для входного, промежуточного и итогового контроля; аутентичные учебные материалы по всем видам речевой деятельности, отобранные для типичных ситуаций профессионального взаимодействия и академической мобильности, ранжированные в соответствии с уровнем владения вторым иностранным языком; учебные материалы включают ролевые игры, пакет документации для стажировки или конференции, аудиозаписи типичных ситуаций профессионального взаимодействия; рекомендации для самостоятельной работы над различными аспектами второго иностранного языка.

Дифференциация обучения с учетом индивидуального уровня обученности учащихся по второму иностранному языку и за счет адаптации учебного материала под соответствующий языковой уровень, варьирования его структурой и объемом, сочетания работы в аудитории с самостоятельной работой в электронной среде Moodle позволяет осуществить личностно-ориентированное обучение, вовлечь учащегося в активный осознанный познавательный процесс.

«Проектное портфолио», разработанное самим учащимся в ходе обучения, включает тематическое портфолио (онлайн или в бумажном виде) — список тем, перечень речевых актов

для конкретных ситуаций академической мобильности или профессионального взаимодействия (например, самопрезентация учащегося в различных ситуациях устного и письменного общения, официальное и дружеское общение по интернету и телефону); портфолио документов, собранных и заполненных под конкретную ситуацию академической и профессиональной мобильности в соответствии с уровнем владения учащимся вторым иностранным языком. Например, «проектное портфолио» магистранта, владеющего вторым иностранным языком на начальном уровне (A1 — A2), может содержать образцы речевого поведения для ситуации знакомства с одноклассниками и преподавателями в первый учебный день языковой стажировки, а также образцы заполненной официальной документации (анкета, регистрационный бланк) и дружеской интернет-переписки с одноклассниками. Магистрант, владеющий вторым иностранным языком на базовом или продвинутом уровне (B1 — B2 — C1), может включить в «проектное портфолио» образцы клише, как официально представиться, рассказать о полученном образовании, запросить и уточнить сведения о программе обучения, а также образцы резюме, мотивационного письма и анкеты для языковой стажировки.

«Проектное портфолио» учащегося может стать готовым пакетом документации для конкретных ситуаций международного взаимодействия в сфере образования и науки, предлагаемых европейскими университетами и организациями в РФ (например, программа «Ассистент русского языка во Франции», программа обмена студентов между РГПУ им. А. И. Герцена и Открытым университетом г. Брюсселя, Бельгия). Презентация проекта международного взаимодействия может рассматриваться в качестве одной из форм итоговой аттестации по дисциплине «Второй иностранный язык в профессиональном общении».

Завершая описание модели обучения второму иностранному языку магистрантов языкового педагогического вуза, обозначим принципы, на которых она основана: принципы проектного, профессионально-направленного, дифференцированного, личностно-ориентированного, смешанного и автономного обучения.

Ожидаемый результат от внедрения модели обучения на основе ЯП

Внедрение в учебный процесс модели обучения на основе проектной технологии «языкового портфолио» должно стать:

- для преподавателя, выступающего в новой для себя роли тьютора, — стратегией дифференцированного обучения второму иностранному языку с учетом индивидуального языкового опыта учащегося и поставленного им целей, средством контроля за процессом овладения вторым иностранным языком;
- для учащегося, выступающего в роли самостоятельного субъекта процесса обучения, — средством мотивированного, рефлексивного и автономного овладения вторым иностранным языком.

Апробация предложенной модели и стратегии обучения, проводившаяся в 2018–2019 гг. в РГПУ им. А. И. Герцена в группе французского языка, свидетельствует об оправданности внедрения проектной технологии «языкового портфолио» в учебный процесс на ступени магистратуры в силу дефицита аудиторного учебного времени, отводимого на дисциплину «Второй иностранный язык в профессиональном общении», необходимости дифференциации и индивидуализации обучения, а также для формирования профессиональных компетенций будущего учителя со знанием двух иностранных языков в соответствии с новыми требованиями ФГОС.

Об успешности использования стратегии на основе проектной технологии «языкового портфолио» в обучении магистрантов языкового профиля в педагогическом вузе можно судить на основании следующих показателей:

возможность для преподавателя

- использовать в процессе обучения готовый продукт в виде «учебного портфолио», адаптированный к целям, задачам обучения и уровню иноязычной обученности магистрантов;
- организовать и контролировать процесс обучения, исходя из самооценки учащегося, его потребностей и мотивации, находить индивидуальный подход к каждому учащемуся в условиях немногочисленной учебной группы;
- дифференцировать обучение с учетом уровня обученности магистрантов второму иностранному языку за счет варьирования структурой, объемом и содержанием «учебного портфолио»;

возможность для магистранта

- развивать рефлексию в процессе самостоятельной и/или совместной с преподавателем работы по анализу и оцениванию уровня владения и динамики овладения

вторым иностранным языком, объема работы в области изучения второго иностранного языка (педагогическая функция «языкового портфолио»);

- самостоятельно и автономно изучать второй иностранный язык в соответствии с его индивидуальным языковым опытом (образовательная функция «языкового портфолио»);
- использовать «проектное портфолио» в конкретной ситуации академической мобильности или профессионального взаимодействия (социальная функция «языкового портфолио»).

Перспективы внедрения модели и стратегии обучения на основе ЯП

В дальнейшем модель обучения на основе проектной технологии «языкового портфолио» может быть применена в обучении второму иностранному языку студентов двухпрофильного бакалавриата педагогического направления. Стратегия «обучения в действии» и «обучения через опыт» (термины Б. В. Авво) с целью профессионализации будущих учителей может быть фрагментарно использована в ряде практических дисциплин нового ФГОС «44.03.05 — Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)».

Сокращения

ЕЯП — Европейское языковое портфолио
 РЯП — Языковой портфель для России
 ФГОС — федеральный государственный образовательный стандарт
 ЯП — языковой портфель, языковое портфолио
 ИЯ2 — второй иностранный язык
 CEFR — Common European Framework of Reference
 ELP — European Language Portfolio
 LP — Language Portfolio
 SFL — second foreign language

Источники

European Language Portfolio. [Online]. Available at: <https://www.coe.int/en/web/portfolio> (accessed 05.01.2019).

Литература

- Мирошникова, О. Х. (2008) Компетентностный подход и проблематика внедрения технологии языкового портфеля в системе российского высшего образования. *Образование и саморазвитие*, № 1 (7), с. 82–86.
- Рабочая программа дисциплины. Второй иностранный язык в профессиональном общении. Модуль «Лингвистический». 44.04.01 Педагогическое образование. Иностранные языки в контексте современной культуры. (2018) *РГПУ им. А. И. Герцена. Электронная документация ОПОП*. [Электронный ресурс]. URL: https://herzen-documents.acrodis.ru/programs_show-program.html?pid=6317&yr=2018&lvl=2&sgroup=54 (дата обращения 05.01.2019).
- Щепилова, А. В. (2015) Потенциал языкового портфеля как компонента УМК по иностранному языку: образование и контроль обученности. В кн.: *Человек. Язык. Время: Материалы XVII конференции Школы-семинара им. А. М. Скрепиной с международным участием (Москва, 16–18 сентября 2015 г.)*. М.: МГПУ: Языки народов мира, с. 408–415.

Sources

European Language Portfolio. [Online]. Available at: <https://www.coe.int/en/web/portfolio> (accessed 05.01.2019). (In English)

References

- Miroshnikova, O. H. (2008) Kompetentnostnyj podkhod i problematika vnedreniya tekhnologii yazykovogo portfelya v sisteme rossijskogo vysshego obrazovaniya [Competency-based language teaching and the issues of implementing the language portfolio technology in Russia's higher education system]. *Obrazovanie i samorazvitie — Education and Self-Development*, no. 1 (7), pp. 82–86. (In Russian)

- Rabochaya programma discipliny. Vtoroj inostrannyj yazyk v professional'nom obshchenii. Modul' "Lingvisticheskiy". 44.04.01 Pedagogicheskoe obrazovanie. Inostrannyye yazyki v kontekste sovremennoj kul'tury [The work programme of the course. The second foreign language in professional communication. Module "Linguistic". 44.04.01 Teacher education. Foreign languages in the context of modern culture]. (2018) *RGPU im. A. I. Gertsena. Elektronnaya dokumentatsiya OPOP [Herzen State Pedagogical University of Russia. The electronic documentation of the main professional educational programme]*. [Online]. Available at: https:// Herzen-documents.acrodis.ru/programs_show-program.html?pid=6317&yr=2018&lvl=2&sgroup=54 (accessed 05.01.2019). (In Russian)
- Shchepilova, A. V. (2015) Potentsial yazykovogo portfelya kak komponenta UMK po inostrannomu yazyku: obrazovanie i kontrol' obuchennosti [The potential of a language portfolio as a component of a foreign language coursepack: training and assessment]. In: *Chelovek. Yazyk. Vremya: Materialy XVII konferentsii Shkoly-seminara im. L. M. Skrelinoj s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 16–18 sentyabrya 2015 g.) [Person. Language. Time: Proceedings of the 17th Conference of L. M. Skrelina School-Seminar with International Participation (Moscow, 16–18 September 2015)]*. Moscow: Moscow City University Publ.; Yazyki narodov mira Publ., pp. 408–415. (In Russian)

УДК 37.02

DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-57-63

Переосмысление понятия «лингвометодическая обучающая поддержка» для полилингвального обучения

А. В. Хэкетт-Джонс^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Хэкетт-Джонс Александра Валерьевна, SPIN-код: 1661-2074, Scopus AuthorID: 57195559424, ORCID: 0000-0002-1880-4782, e-mail: avhackettjones@herzen.spb.ru

Для цитирования:

Хэкетт-Джонс, А. В. (2019) Переосмысление понятия «лингвометодическая обучающая поддержка» для полилингвального обучения. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 1, № 1, с. 57–63. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-57-63

Получена 30 апреля 2019; прошла рецензирование 26 мая 2019; принята 26 мая 2019.

Права: © Автор (2019).

Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Данная статья обращается к понятию «лингвометодическая обучающая поддержка» и эквивалентному ему термину «скаффолдинг», получившему распространение в западных исследованиях. Раскрывая основные характеристики и задачи данной технологии, а также описывая историю развития данного понятия, автор разграничивает его с некоторыми терминологическими явлениями, описанными отечественными исследователями, в частности, методом опор и дидактическим принципом опоры на родной язык, а также проясняет основное отличие «скаффолдинга» в западной интерпретации (применяемого, в основном, в отношении ситуаций мультилингвизма — сосуществования нескольких лингвокультур в условиях одного языкового сообщества) от потенциального применения данной технологии обучения к условиям учебной среды, а именно в контексте субординативного полилингвизма.

Главный принцип лингвометодической обучающей поддержки, состоящий в использовании в качестве опор уже имеющихся у обучающихся знаний, навыков и умений, приобретает особое значение в рамках рассмотрения процесса обучения второму иностранному языку ввиду многообразия межъязыковых процессов, происходящих между родным, первым иностранным и последующими иностранными языками, а также неоднородностью формирования различных учебных навыков на разных этапах изучения языков. В качестве конкретного примера применения описываемой технологии в статье приводится техника конструктивного противоречия. С помощью данного примера раскрывается такой основополагающий принцип лингвометодической поддержки, как диверсификация источников данной поддержки, актуализация каждого из которых рассматривается на материале условного поэтапного деления процесса разработки конструктивного противоречия в учебной среде. В заключение автор обобщает преимущества применения технологии лингвометодической обучающей поддержки при формировании учебного полилингвизма и продвигает мысль о ее большом потенциале не только для повышения эффективности обучения, но и для формирования нового типа языковой личности, отражающего реалии сегодняшнего дня.

Ключевые слова: лингвометодическая обучающая поддержка, полилингвальное обучение, скаффолдинг, конструктивное противоречие, субординативный полилингвизм.

Implications of the notion of “language and methodology teaching support” for polylingual education

A. V. Hackett-Jones✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Aleksandra V. Hackett-Jones,
SPIN: 1661-2074,
Scopus AuthorID: 57195559424,
ORCID: 0000-0002-1880-4782,
e-mail: avhackettjones@herzen.spb.ru

For citation: Hackett-Jones, A. V. (2019) Implications of the notion of “language and methodology teaching support” for polylingual education. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 1, no. 1, pp. 57–63. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-57-63

Received 30 April 2019; reviewed 26 May 2019; accepted 26 May 2019.

Copyright: © The Author (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The following article deals with the notion of “language and methodology teaching support” and the term “scaffolding” as its equivalent more prevalent in the Western research papers. While touching upon some of the fundamental characteristics and objectives of the said educational technology as well as covering the main stages in its development, the author makes it a point to distinguish between “language and methodology teaching support” and other terminological phenomena described by domestic researchers, as well as highlights the basic difference between the Western interpretation of scaffolding, mostly applicable to a multilingual setting, in which several language cultures coexist in one language community, and the potential implications and significance of applying this technology to an educational setting, in particular, within the framework of a subordinate polylingual environment.

One of the principles of language and methodology teaching support consists in the use of the knowledge, abilities and skills previously acquired by the students, as means of supporting them in the process of further language learning. This principle becomes of primary importance when considered from the perspective of second (and further) foreign language acquisition, due to the nature of multiple interlingual processes taking place at the intersection of one’s native and first foreign language, and other foreign languages acquired consequently. To provide a specific example of applying the technology in question to an academic setting, the article describes the constructive criticism technique, which allows to cover the diversification of the sources of language and methodology teaching support as its core principle.

The author concludes by summarizing the advantages of the given technology not only in increasing the educational effectiveness of second (and further) language acquisition, but also in the formation of a new type of language identity most relevant to the realities of today.

Keywords: language and methodology support, polylingual education, scaffolding, constructive controversy, subordinate polylingualism.

Вступление

Понятие «лингвометодической обучающей поддержки» является одной из попыток найти русскоязычный эквивалент термину *scaffolding*, уверенно закрепившему свои позиции в зарубежной теории и практике мультилингвизма в последние десятилетия. Однако широкого распространения в отечественной науке данная концепция так и не нашла, за исключением ряда работ по психологии детского развития, применивших термин «метод строительных лесов / подмостков» или использовавших англоязычный термин *scaffolding* («скаффолдинг») в оригинальном написании или русскоязычной транслитерации. Из терминов, распространенных в отечественной методике, наиболее близким представляется понятие «вербальных и невербальных опор», однако с позиций текущей об-

разовательной парадигмы и особенно полилингвального образования, данное понятие требует значительного расширения и переосмысления.

Теоретические предпосылки изучения технологии «скаффолдинг»

В основе «скаффолдинга» — технологии обучения, к которой в рамках данной статьи мы будем обращаться как к синониму дескриптивного понятия «технология лингвометодической обучающей поддержки» — действительно лежат учебные опоры (отсюда отсылка к отечественному понятию «вербальных и невербальных опор», упомянутому выше). В английском языке такие опоры были метафорически обозначены как «строительные леса» (англ. *scaffolds*), дав название целому направлению исследований в рамках теории мультилингвизма. Идея, положенная в основу технологии «скаффолдинга»,

состоит в том, что, по мере приобретения учащимися все большей самостоятельности, опоры, поддерживающие их в учебном процессе, подлежат постепенному устранению. В то же время необходимо разграничивать понятия опоры в контексте скаффолдинга и «учебной опоры» в отечественной интерпретации, поскольку они не являются тождественными. Кроме того, значимость технологии лингвометодической обучающей поддержки представляется недостаточно раскрытой, несмотря на ее перспективность и потенциал в применении к полилингвальному обучению.

Первым, кто сформулировал определение для процесса обучения, выстроенного на опорах (*scaffolded instruction*), стал Джером Брунер. Исследуя различные аспекты психологии обучения, он описал данный процесс как последовательную постановку педагогических задач, разъяснив, что выполнение данных задач облегчается при задействовании ряда обучающих опор (так называемых *scaffolds*). Свою концепцию он базировал на процессе развития навыков овладения языком у детей (Bruner 1975).

Однако в последние несколько десятилетий понятие «скаффолдинга» вновь вышло на передний план и получило широкое распространение, практически став стандартом педагогической поддержки. Это связано с теми социальными изменениями, которые произошли в западных странах в последние годы и обусловили неизбежность мультилингвальности общества и, следовательно, популярность и распространённость мультилингвальных исследований. Технология применения «опор» направлена на изучающих неродной иностранный язык, находящихся в естественной среде его распространения, но являющихся носителями языка и культуры другой страны. В контексте мультилингвальных концепций родному языку и культуре обучающихся отводится особая роль: по мнению исследователей, они должны быть не только признаны, но и оценены по достоинству и закреплены в процессе овладения иностранным языком («accepted — appreciated — validated» в оригинальной трактовке) (Walqui 2006). Главным образом описываемые в подобных исследованиях кейсы относятся к ситуациям, в которых иностранцы изучают иностранный язык в условиях естественной среды (например, иммигрант из Азии изучает английский в США; беженец с Ближнего Востока изучает немецкий в Германии и т. д.). Высокая эффективность скаффолдинга как системы приемов обучения, уже продемонстрированная на европейском

и североамериканском примерах, дает все основания предположить, что данная технология может быть с успехом применена и в условиях формирования учебного билингвизма, то есть при обучении второму (и последующему) иностранному языку вне естественной языковой среды. В особенности ценной представляется идея необходимости подобного «признания», «оценки по достоинству» и «закрепления» первого иностранного языка и первой иностранной культуры на занятиях вторым иностранным языком.

Значимость для полилингвального обучения

Понятие «опор» в свете изучения второго языка с учетом первого иностранного студентами филологических факультетов приобретает дополнительное значение. Если «скаффолдинг», то есть лингвометодическая обучающая поддержка, понимается как ряд методических средств (приемов обучения), которые служат опорой при обучении иностранному языку, то при обучении второму иностранному языку метод опор высвечивает такую важную особенность дидактического билингвизма, как опора на уже имеющиеся у студентов знания и навыки не только на родном языке, что часто имеет лидирующее значение в полилингвизме. По меткому наблюдению Н. В. Баграмовой, приступая к новому виду деятельности, человек всегда пытается опираться на уже сформированные у него навыки (Баграмова 2006, 56). В работах, исследующих вопросы билингвизма, данное явление было определено как перенос, или трансфер, навыков, приобретенных учащимся в процессе изучения сначала родного и затем — первого иностранного языка. Важно отметить, что трансферу подвержены не только те учебные умения и навыки, которые характерны для процесса овладения вторым иностранным языком, но и те, что свойственны уровням речемыслительной, языковой и социокультурной деятельности (Бим 2001, 7–8).

Теория, получившая такое распространение в западных странах и известная под авторством американского психолога Дж. Брунера, изначально разрабатывалась на основе социокультурной концепции Л. С. Выготского, нашего соотечественника, предложившего понятие «обучение в опоре на зону ближайшего развития» (Vygotsky 1978, 91). В соответствии с данной концепцией, перед учащимися ставятся задачи, чья выполнимость сначала обеспечивается с помощью преподавателя, а затем самостоятельно; новые знания и навыки конструируются у них на основе уже имеющихся; информационные

блоки делятся на сегменты с целью облегчения их восприятия, а менее знающие обучающиеся получают также помощь со стороны более знающих.

Таким образом, был выдвинут метод, посредством которого учащиеся могут быть направлены к новому знанию, причем это новое знание может быть открыто ими самостоятельно при помощи имеющегося у них опыта. В качестве опор предлагались специальные познавательные либо проблемно-поисковые задания и инструкции, которые могли быть выражены, например, в форме схем, вопросов, рекомендаций и так далее. По мере того, как опоры и поддержки постепенно устранились, учащийся «учится учиться» в процессе поиска нового знания и приобретает навыки самостоятельной продуктивной творческой деятельности.

Отличие от метода «опор»

В отличие от «скаффолдинга», технологии лингвометодической обучающей поддержки (системы лингводидактических приемов), понятие «опоры», используемое в отечественной методике, подразумевает конкретные приемы обучающей поддержки. Принятая традиционная классификация подразделяет эти приемы на визуальные (графики, схемы, карты, диаграммы и т. п.), вербальные (подстановочные таблицы, перефразирование, ключевые слова и т. п.) и операционные (игровые методы, коллективные проекты, дебаты и т. п.).

В отечественной дидактике, помимо данной трактовки, понятие «опоры» приобрело еще одно значение, о котором необходимо здесь упомянуть. Речь идет о методическом принципе опоры на родной язык (или принципе учета родного языка), описанном Р. К. Миньяр-Белоручевым. Особая значимость данного принципа состоит в том, что через него получает реализацию другой дидактический принцип, а именно принцип сознательности. Данный принцип предполагает, что обучаемые осознанно участвуют в учебном процессе, а движущим фактором их развития и эффективности обучения является их личная познавательная деятельность. Принцип опоры на родной язык может быть реализован на занятии в осознанной или латентной (скрытой) форме: в первом случае сравнение и сопоставление родного и изучаемого языков происходит осознанно, во втором — уже на этапах отбора и применения учебного материала предпринимается попытка предупредить возможную интерференцию родного языка (Азимов, Щукин 2009, 219). Очевидно,

что логика данных рассуждений естественным образом вписывается в контекст дидактического полилингвизма, в котором предупреждение возможной интерференции первого иностранного языка и опора на первый иностранный язык может оказаться не менее значимой, чем опора на родной язык и интерференции в изучаемом языке, связанные с родным языком обучающегося.

Интерференция в полилингвальном обучении

Относительно ведущего источника интерференции при обучении второму иностранному языку, то есть в ситуации дидактического полилингвизма, ученые не смогли прийти к единому мнению вследствие разнообразия интерлингвистических процессов в разных языковых парах. Однако в своем исследовании, посвященном изучению процесса обучения английскому языку как второму после немецкого, Н. В. Баграмова пишет, что «в условиях субординативного мультилингвизма ведущим источником межъязыковой интерференции является родной язык» (Баграмова 1993, 11). При этом автор не исключает, что источник интерференции может зависеть от языкового аспекта. Одновременно с этим многие исследователи, рассматривающие лингвокультурные интерференции, утверждают, что первый иностранный язык влияет на изучение второго иностранного сильнее, чем родной язык. Вывести единую закономерность здесь не представляется возможным, и, вероятно, лидирующий источник интерференции определяется множеством факторов: от пары языков (близости их родства, сходства отдельных параметров) до конкретного языкового аспекта. Тем не менее важным выводом из подобных исследований является то наблюдение, что в процессе формирования субординативного полилингвизма, то есть обучения второму (и последующему) иностранному языку после первого (хронологически или по степени интенсивности), значимыми являются интерференции не только родного языка, но и всех предшествующих иностранных языков.

Эффективность лингвометодической поддержки в обучении

Помимо уже названных преимуществ «опор» в обучении иностранному языку, необходимо обратиться к такому важному параметру эффективности «скаффолдинга», как диверсификация источников лингвометодической обучающей поддержки, предписываемая данной

технологией. Обзор исследовательской литературы позволяет назвать четыре основных источника такой поддержки:

- 1) преподаватель (или эксперт) — лидирующий, но не единственный источник обучающей поддержки; поддержка со стороны преподавателя состоит в осуществлении им руководства учебным процессом, а также консультирования и моделирования учебных ситуаций;
- 2) другие участники учебного процесса — поддержка с помощью данного источника состоит в совместном конструировании учебного процесса через совместную работу в группе;
- 3) более слабые учащиеся, нуждающиеся в поддержке, — в данном случае, получателем выгоды (поддержки) являются оба участника процесса: получатель (более слабый обучающийся, получающий помощь) и дающий (более сильный обучающийся), поскольку дающий должен организовать свои мысли и выстроить действия таким образом, чтобы максимально помочь более слабому партнеру;
- 4) самостоятельная работа — поддержка, заключенная в этом источнике, подразумевает опору на ранее усвоенные стратегии, навыки, знания и другие внутренние ресурсы учащегося (Walqui 2006, 168).

Конструктивное противоречие как пример реализации принципов лингвометодической поддержки в обучении второму иностранному языку

Конструктивное противоречие представляется очень удачным инструментом в реализации лингвометодической поддержки ввиду характерных особенностей данного механизма моделирования учебного конфликта. Прежде всего, необходимо выявить основное отличие конструктивного противоречия от таких популярных приемов обучения, как дебаты или аргументированные дискуссии, которые, безусловно, стимулируют совместную работу студентов и по праву уже многие годы не теряют своей популярности. Тем не менее подобные диалектические модели внедрения конфликта в процесс обучения зачастую основываются на деструктивном, а не конструктивном противоречии. Такому конфликту свойственен не созидательный, а скорее соревновательный контекст совместной работы. Представляется, что противопоставленный ему механизм конструктивного противоречия более эффективно задействует основные элементы технологии

«скаффолдинга» и поэтому заслуживает более внимательного рассмотрения.

Моделируемый в учебной среде конфликт по своей природе является конфликтом интеллектуальным, то есть основанным на противоречиях, вызванных несовместимостью мнений, идей или знаний у двух сторон либо несовместимостью идей, сосуществующих в сознании человека (например, когда новые знания несовместимы с приобретенными ранее). Конструктивность таких противоречий состоит в том, что стороны-участники интеллектуального конфликта нацелены на достижение согласия или компромисса, поскольку они сохраняют открытое отношение к точке зрения оппонента и готовность модифицировать свое мнение, если этого требует новая полученная информация.

В процессе обучения английскому языку как второму иностранному конструирование интеллектуального конфликта в учебной среде схематически можно разделить на несколько последовательных этапов, в каждом из которых происходит подключение различных источников лингвометодической поддержки из перечисленных выше.

Первый этап. Преподаватель-эксперт (источник лингвометодической поддержки №1, см. классификацию выше) формулирует конструктивное противоречие, то есть некое спорное высказывание, которое учащиеся могут поддержать либо оспорить. Выбор стороны конфликта может быть как добровольным, то есть основанным на личном предпочтении обучающегося, так и произвольным, то есть случайным, обусловленным жребием, решением преподавателя и тому подобное.

Второй этап. После выбора стороны спора обучающиеся в группах формулируют аргументы в поддержку или опровержение обсуждаемого тезиса. Опора на личный опыт (речь не столько о жизненном, сколько об учебном и особенно лингвокультурном опыте) имеет здесь особое значение; в частности, необходимо поощрять и развивать навык обращения к опыту учащихся в первом иностранном языке и активизации данного опыта в процессе формирования учебного полилингвизма. Помимо личного опыта, при выстраивании аргументативной линии учащиеся используют такие лингвокультурные образцы (опоры), как высказывания экспертов, факты действительности и так далее. На данном этапе раскрывается потенциал двух источников лингвометодической поддержки — № 2 (работа в группах) и № 3 (оказание помощи более слабым обучающимся со стороны

более сильных). С тем чтобы последний источник поддержки был задействован максимально эффективно, преподаватель-эксперт может взять на себя инициативу такого распределения учащихся по группам, которое учитывало бы уровень подготовки обучающихся, их социальные навыки и совместимость личностных качеств.

Третий этап. Обучающиеся представляют (защищают) свое аргументированное мнение, а также выслушивают контраргументы противоположной стороны. При этом созданы все условия для того, чтобы участники могли задать оппонентам вопросы и ответить на встречную критику.

Четвертый этап. Полученные результаты подлежат обсуждению в заново сформированных группах, на этот раз включающих представителей обеих сторон. Общая цель данного вида деятельности состоит в совместном поиске компромисса. Как и на втором этапе, происходит актуализация источников лингвометодической обучающей поддержки № 2 и № 3, но в составе новых групп учащихся.

Пятый этап. По итогам предшествующего этапа обучающиеся формулируют общее заключение, основанное на совместно проанализированных аргументах и контраргументах. Изложение данного заключения прежде всего призвано продемонстрировать внимание и осознанность, проявленные к чужому мнению.

Шестой этап. Заключительный этап может состоять в письменном или устном изложении результатов дискуссии, основанной на конструктивном противоречии. При условии включения данного этапа появляются возможности для задействования источника лингвометодической поддержки № 4 (самостоятельной работы). Еще одним способом актуализации данного источника является вынесение подготовки самих аргументов и контраргументов за рамки аудиторной работы (в таком случае данная стадия разработки конструктивного противоречия будет предшествовать второму этапу в указанном выше условном делении).

Как уже было сказано, спор, подразумеваемый интеллектуальным конфликтом, не основан на соревновательной конкуренции, а нацелен на совместный поиск нового знания и преодоление противоречий, а это значит, что данный инструмент может способствовать не только большей эффективности обучения второму

иностранному языку, но и служить созданию и поддержанию благоприятного климата в учебной среде, а также повышать мотивацию студентов и развивать их личностные качества, в особенности открытость к разнообразию мнений и способов аргументации, чего так остро не хватает в нашей современной поляризованной реальности.

Выводы

Система лингвометодической обучающей поддержки, известная в западной формулировке как «скаффолдинг», является перспективной технологией обучения, которая не только имеет большой потенциал для стимулирования различных аспектов процесса обучения и повышения эффективности обучения второму иностранному языку, но и ставит своей конечной целью такие важные задачи современной образовательной парадигмы, как формирование и развитие у обучающихся критического мышления, а также выработку у них навыка творчески подходить к разрешению учебных задач.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что современный мир, и особенно происходящие в нем технологические процессы, ставят новые сложные вызовы перед системой образования и обуславливают особые характеристики личностного развития каждого отдельного участника той глобальной информационной реальности, в которой мы оказались сегодня. Полилингвальность и вариативность стилей общения и мышления, диверсификация мнений и их аргументации, острая поляризация мнений, желание облегчить свое функционирование в интернет-сообществе путем разделения его на «своих» и «чужих», непримиримость противоборствующих позиций по огромному спектру вопросов — все эти характеристики социума в XXI веке наделяют полилингвальное обучение особым значением, а такие важные инструменты повышения его эффективности, как принципы технологии «скаффолдинг», включая метод конструктивного противоречия, могут способствовать формированию не только профессиональных полилингвов, но и индивидуумов, обладающих новой ментальностью — языковых личностей нового типа, способных к полноценной и успешной самореализации в полифонической реальности нашей эпохи.

Литература

- Азимов, Э. Г., Щукин, А. Н. (2009) *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. М.: Изд-во ИКАР, 448 с.
- Баграмова, Н. В. (1993) *Лингвометодические основы обучения лексической стороне устной речи на английском языке как втором иностранном в педагогическом вузе. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филол. наук*. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 31 с.
- Баграмова, Н. В. (2006) Обучение второму иностранному языку в условиях модернизации образования. В кн.: Н. В. Баграмова (ред.). *Обучение второму иностранному языку в вузе и школе*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 5–11.
- Бим, И. Л. (2001) *Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского)*. Обнинск: Титул, 48 с.
- Bruner, J. S. (1975) The ontogenesis of speech acts. *Journal of Child Language*, vol. 2, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.1017/S0305000900000866
- Vygotsky, L. S. (1978) *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Oxford: Harvard University Press, 159 p.
- Walqui, A. (2006) Scaffolding instruction for English language learners: A conceptual framework. *The International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 9, no. 2, pp. 159–180.

References

- Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2009) *Novyj slovar metodicheskikh terminov i ponjatij [New dictionary of methodological terms and notions (theory and practice of language teaching)]*. Moscow: IKAR Publ., 448 p. (In Russian)
- Bagramova, N. V. (1993) *Lingvo-metodicheskie osnovy obuchenija leksicheskoj storone ustnoj rechi na anglijskom jazyke kak vtorom inostrannom v pedagogicheskom vuze [Language and methodology foundations of teaching the lexical aspect of oral speech in English as a second foreign language in a pedagogical university]. Extended abstract of the PhD dissertation (Pedagogy)*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 31 p. (In Russian)
- Bagramova, N. V. (2006) Obuchenie vtoromu inostrannomu jazyku v uslovijakh modernizatsii obrazovanija [Second foreign language teaching in the context of educational modernization]. In: N. V. Bagramova (ed.). *Obuchenie vtoromu inostrannomu jazyku v vuze i shkole [Foreign language teaching at school and university]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., pp. 5–11. (In Russian)
- Bim, I. L. (2001) *Kontsepsia obuchenija vtoromu inostrannomu jazyku (nemetskomu na baze anglijskogo) [The concept of second foreign language teaching (teaching of German on the basis of English)]*. Obninsk: Titul Publ., 48 p. (In Russian)
- Bruner, J. S. (1975) The ontogenesis of speech acts. *Journal of Child Language*, vol. 2, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.1017/S0305000900000866 (In English)
- Vygotsky, L. S. (1978) *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Oxford: Harvard University Press, 159 p. (In English)
- Walqui, A. (2006) Scaffolding instruction for English language learners: A conceptual framework. *The International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 9, no. 2, pp. 159–180. (In English)

УДК: 811.134.1

DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-64-66

Новый взгляд на категорию «безличность».
Рецензия на книгу: Березина О. А. (2018) Языковые средства
актуализации категории «безличность».
Казань: ООО «Бук», 186 с.

И. А. Каргаполова^{✉1}

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Каргаполова Ирина Александровна, SPIN-код: 7716-0478, e-mail: kargapolovairina@mail.ru

Для цитирования: Каргаполова, И. А. (2019) Новый взгляд на категорию «безличность». Рецензия на книгу: Березина О. А. (2018) Языковые средства актуализации категории «безличность». Казань: ООО «Бук», 186 с. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 1, № 1, с. 64–66. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-64-66

Получена 28 апреля 2019; принята 15 мая 2019.

Права: © Автор (2019). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Ключевые слова: категория, система организм — среда, Наблюдатель, биокогнитивная система, безличная пропозициональная структура.

The new approach towards the category of impersonality.
Book review: Berezina O. A. (2018) Actualization means
of impersonality category in language.
Kazan: ООО “Buk” Publ., 186 p.

I. A. Kargapolova^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Irina A. Kargapolova, SPIN: 7716-0478, e-mail: kargapolovairina@mail.ru

For citation: Kargapolova, I. A. (2019) The new approach towards the category of impersonality. Book review: Berezina O. A. (2018) Actualization means of impersonality category in language. Kazan: ООО “Buk” Publ., 186 p. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 1, no. 1, pp. 64–66. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-64-66

Received 28 April 2019; accepted 15 May 2019.

Copyright: © The Author (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Keywords: impersonality category, organism-environment system, Observer, biocognitive system, impersonal sentence structure.

Монография Ольги Александровны Березиной вписывается в весьма длинный ряд исследований (преимущественно узкоспециальных и аспектирующих), посвященных семантике безличных предложений, но выделяется из этого ряда новизной и интегративностью подхода к объекту, широтой его охвата и, соответственно, большей экспланаторностью. В результате синтеза основных положений биосемиотики, теории референции, семантического и функционального синтаксиса объект исследования «укрупняется» и усложняется, а сама работа становится теоретически обоснованным и хорошо иллюстрированным подтверждением тезиса о человеке как конечной цели лингвистического исследования (У. Лабов) и о языке как окне в его (человека) мир.

В монографии — в соответствии с установками и принципами постнеклассической науки — человек представляется как сложная биокогнитивная система, существующая в двух ипостасях — как Наблюдатель, т. е. субъект, наделенный способностью к восприятию и познанию окружающего мира, и как организм, адаптирующийся к среде, неразрывно связанный и взаимодействующий с ней подобно фигуре и фону. Как показывает автор, эти ипостаси, зависимости и характер взаимодействий наиболее отчетливо (отчетливее, чем в других синтаксических конструкциях) объективируются в моделях безличного предложения. Обращает на себя внимание их разнообразие, обусловленное различиями в степени синтаксической сложности и степени прототипичности, определяющейся, в том числе, соотношением ее ассертивно и пресуппозитивно выраженных признаков. Как и большинство семантических категорий, категория безличности представляется автором в виде полевой структуры или множества с «размытыми краями». Следует подчеркнуть, что именно в исследовании данной категории идеи биокогнитивизма (в частности, трактовка «различных аспектов взаимодействия в системе организм — среда») находят оптимальное применение. Автор раскрывает объяснительный потенциал выбранного направления и его преимущества перед существующими подходами к категории безличности (комплементарными и конкурирующими) посредством глубокого и скрупулезного анализа семантики и прагматики безличных предложений. Последний сопровождается исчерпывающей и непротиворечивой экспликацией ключевых биокогнитивистских понятий, таких как «событийность», «среда» и ее «параметры», «каузальность», «феномено-

логическое и структуральное знание», «концептуальная метафора». Рассмотрение перцептивно-познавательной деятельности субъекта в системе организм — среда (физическая, информационная, среда как социальный контекст, как зона личного пространства или перцептивное поле наблюдателя) наполняет конкретным смыслом и избавляет от декларативности культурно-антропологический тезис о том, что человек живет в мире вещей, идей (понятий) и слов и что «символическое» для него не менее важно, чем «физическое».

Среди выводов лингвистического плана особо выделяются те, что связаны с традицией использования и дефинирования понятия «безличность», его синонимов («бессубъектность») и дериватов, а также с традицией отнесения субъектного прономинала «It» к категории «пустых форм» (ср. англ. *dummy / empty / formal subject*). На многочисленных примерах О. А. Березина доказывает, что референтом прономинала является среда как данность — в каком-то из ее проявлений — и что идентификация референта (независимо от его конкретности или обобщенности, определенности или неопределенности), как правило, не вызывает трудностей в конкретных условиях коммуникации. Сам же когнитивный субъект (Наблюдатель), погруженный в эту среду, в силу своей очевидности для коммуникантов не актуализируется в поверхностной структуре безличного предложения. В этой связи автор монографии пересматривает само понятие «безличности» / «бессубъектности», обращая внимание на его парадоксальность применительно к соответствующим структурам и полагая, что более адекватным термином для обозначения семантической сути рассматриваемой категории является «событийность» в совокупности ее признаков (непосредственная наблюдаемость, амбиентность, каузальность). Таким образом доказывается один из исходных постулатов неофункционализма о том, что язык избегает «пустых», асемантических форм, что «содержательные и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» и что «устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла» (А. Е. Кибрик).

Наряду с выводами общетеоретического характера относительно инвариантной семантики в категориальном поле безличности необходимо также отметить актуальность авторских комментариев, касающихся действия аналитических тенденций (а именно их усиления) в современном английском языке. Оно проявляется в том числе и в расширении сферы использования безличных

конструкций, в значительном увеличении их числа и в их гетерогенности. О. А. Березина подчеркивает, что при всей их «странности» английские безличные предложения строятся по типовой синтаксической модели SVO, обнаруживая при этом иконически четкое разделение модусной и диктумной частей, характерное для языков аналитического строя.

Рецензируемая монография представляет собой масштабное, самостоятельное и ориги-

нальное исследование, вносящее существенный вклад в решение дискуссионных проблем, касающихся взаимосвязи языка, перцепции и когниции. Являясь образцом хорошей научной прозы и удовлетворяя запрос на исследования, направленные на переосмысление традиционной лингвистической аксиоматики, монография О. А. Березиной представляет несомненный интерес для специалистов широкого лингвистического профиля.

УДК 81.32+81.46+616.21:356.33, 091

DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-67-78

С. Г. Чебанов, его архив и распределение слов по числу слогов

С. В. Чебанов^{✉1}, Д. С. Буянова², А. С. Писарев³

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия,
Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

² МФЦК «Социальные инновации», 199106, Россия, Санкт-Петербург, 26-я линия В. О., д. 15, корп. 2

³ Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»,
197376, Россия, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5

Сведения об авторах

Чебанов Сергей Викторович, SPIN-код: 4621-7484, Scopus AuthorID: 6603888135, ORCID: 0000-0002-1706-8939, e-mail: s.chebanov@spbu.ru, s.chebanov@gmail.com

Буянова Дарья Сергеевна, e-mail: d.buyanov@dobrygorod.spb.ru

Писарев Андрей Сергеевич, SPIN-код: 8625-4408, Scopus AuthorID: 7005149922, ORCID: 0000-0001-9548-3946, e-mail: aspisarev@etu.ru

Для цитирования: Чебанов, С. В., Буянова, Д. С., Писарев, А. С. (2019) С. Г. Чебанов, его архив и распределение слов по числу слогов. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 1, № 1, с. 67–78. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-67-78

Получена 4 апреля 2019; **принята** 29 мая 2019.

Права: © Авторы (2019).

Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. С. Г. Чебанов (1898–1966) известен как автор единственной статьи (1947) о распределении слов в тексте по количеству слогов, фигурирующем как распределение Чебанова — Фукса, Фукса — Гачечиладзе, Чебанова — Фукса — Гачечиладзе и т. д. Это связано с тем, что при большой сфере интересов основной специальностью С. Г. Чебанова была оториноларингология, он был профессором Военно-медицинской академии. Однако обнаруженные документы (в том числе связанные с другими вопросами лингвостатистики) показывают, что С. Г. Чебанов учился фонетике у Л. В. Щербы и квантовым статистикам у Ю. А. Круткова, что делает появление работы 1947 г., представленной А. Н. Колмогоровым, вполне закономерным. Вместе с тем с современной точки зрения работа С. Г. Чебанова представляет только исторический интерес как с математической, так и с лингвистической точки зрения. Более корректное с лингвистической точки зрения распределение по числу слогов фонетических слов спонтанной речи имеет качественно иной характер и не аппроксимируется ни одним известным распределением.

Ключевые слова: С. Г. Чебанов, оториноларингология, Ю. А. Крутков, Л. В. Щерба, лингвостатистика, распределение слов по числу слогов, распределение Чебанова — Фукса — Гачечиладзе, распределение фонетических слов по числу слогов.

S. G. Chebanov, his archive and the distribution of words by the number of syllables

S. V. Chebanov^{✉1}, D. S. Buyanova², A. S. Pisarev³

¹ Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

² Social Innovations Inter-Regional Endowment Fund, 15-2 Vasilievsky Island Line 26, Saint Petersburg 199106, Russia

³ Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, 5 Professora Popova Str., Saint Petersburg 197376, Russia

Authors

Sergey V. Chebanov, SPIN: 4621-7484, Scopus AuthorID: 6603888135, ORCID: 0000-0002-1706-8939, e-mail: s.chebanov@spbu.ru, s.chebanov@gmail.com

Darya S. Buyanova, e-mail: d.buyanov@dobrygorod.spb.ru

Andrey S. Pisarev, SPIN: 8625-4408, Scopus AuthorID: 7005149922, ORCID: 0000-0001-9548-3946, e-mail: aspisarev@etu.ru

Abstract. S. G. Chebanov (1898–1966) is known as the author of a single article (1947) on the distribution of words in a text according to the number of syllables, which is known as the Chebanov–Fucks, Fucks–Gachechiladze, Chebanov–Fucks–Gachechiladze, etc. distribution. This is due to the fact that, despite his broad academic interests, Chebanov’s main focus was on otolaryngology, which he pursued as a professor at the Military Medical Academy. However, since the recently discovered documents (including those related to other questions of linguistic statistics) show that Chebanov studied phonetics from L. V. Shcherba and quantum statistics from Yu. A. Krutkov, the 1947 article presented by A. N. Kolmogorov seems quite natural. At the same time, Chebanov’s work is of exclusively historical interest for mathematics and linguistics. From the linguistic point of view, a better representation

For citation:

Chebanov, S. V., Buyanova, D. S., Pisarev, A. S. (2019) S.G. Chebanov, his archive and the distribution of words by the number of syllables. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 1, no. 1, pp. 67–78. DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-1-67-78

Received 4 April 2019; accepted 29 May 2019.

Copyright: © The Authors (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

of phonetic word distribution by the number of syllables in spontaneous speech is completely different and is not approximated by any known distribution.

Keywords: S. G. Chebanov, otolaryngology, Yu. A. Krutkov, L. V. Shcherba, linguostatistics, distribution of words by the number of syllables, Chebanov–Fucks–Gachechiladze distribution, distribution of phonetic words by the number of syllables.

Данная статья является дополненной и исправленной редакцией публикации: Чебанов, С. В., Кузнецова, Д. С. (2012). С. Г. Чебанов и его архив. В кн.: *Структурная и прикладная лингвистика*. Вып. 9. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, с. 332–341.

This paper is an extended and corrected version of a previous paper: Chebanov, S. V., Kuznetsova, D. S. (2012) S. G. Chebanov i ego arkhiv [S. G. Chebanov and his archive]. In: *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika [Structural and applied linguistics]*. Iss. 9. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 332–341.

С. Г. Чебанов известен лингвистам как автор распределения слов в тексте по количеству слогов, фигурирующего в разных работах как распределение Чебанова — Фукса, Фукса — Гагачеладзе или Чебанова — Фукса — Гагачеладзе (см., напр., Кокочашвили и др. 1987, Кромер 2001, Пиотровский и др. 1977, 190–197). При этом он предстает как автор единственной работы (Чебанов 1947), причем иногда с неправильно указанной датой публикации (1974 г. вместо 1947 г.). Последнее обстоятельство делает публикацию в принципе не находимой. Какие-то биографические сведения о С. Г. Чебанове не приводятся.

Такое положение дел связано с тем, что основная деятельность С. Г. Чебанова (1898–1966) связана не с лингвистикой или математикой, а с оториноларингологией.

Сергей Григорьевич Чебанов родился 19 октября 1898 г. (по н. ст.)¹ в Санкт-Петербурге в многодетной семье священника Григория Кирилловича Чебанова (рис. 1), окончившего Харьковскую духовную семинарию и Санкт-

Петербургскую духовную академию в 1892 г., и его жены Варвары Васильевны (рис. 2). Г. К. Чебанов служил в разных храмах Санкт-Петербурга: Воскресения Христова при городской пересыльной тюрьме в Демидовом переулке, Св. Благоверного князя Михаила Черниговского (Константиноградская ул., 6), церкви Сретения Господня на Выборгской стороне (ул. Жукова близ д. 9), церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радости (Воскресенский пр. — ныне пр. Чернышевского, д. 3). Семья отца Григория в силу ее многочисленности жила в доме № 33 по Шпалерной улице (рис. 3); с этим домом связано начало жизни С. Г. Чебанова и воспоминания многих его родственников.

Рис. 1. Г. К. Чебанов

¹ Здесь и далее в том случае, если данные указанных в списке публикаций, личных документов и воспоминаний родственников совпадают, их источник не указывается. Если же приводятся ранее не публиковавшиеся, неясные или противоречивые сведения, то указывается их источник.

Рис. 2. В. В. Чебанова

Сергей Григорьевич учился в третьей Санкт-Петербургской гимназии, которую окончил 27 апреля 1917 г. с серебряной медалью (Чебанов 1949, 1; Чебанов б. г., 1; данные музея гимназии) (рис. 4).

Несколько различаются приводимые в разных источниках данные об обучении Сергея Григорьевича после гимназии.

В июле 1917 г. он был зачислен студентом историко-филологического факультета Петроградского университета. В двух своих автобиографиях (Чебанов 1949, 1; Чебанов б. г., 1) С. Г. Чебанов пишет, что он учился там в 1917–1919 гг., не уточняя, каким предметам и у кого.

Рис. 4. С. Г. Чебанов — выпускник гимназии

Рис. 3. С. Г. Чебанов (1-й слева во втором ряду) со своими братьями и сестрами

В Заключении комиссии Витебского государственного медицинского института о присвоении С. Г. Чебанову ученого звания профессора (Заключение... б. г., 2) говорится: «Научную работу С. Г. Чебанов начал вести еще будучи слушателем академии [Военно-медицинской. — С. Ч.] с 1925 г.».

В черновике некролога о его занятиях этого времени сказано так: «С. Г. Чебанов, имея подготовку по сравнительному языкознанию и математике, с 1925 г.» (Памяти... б. г.; в опубликованный некролог это не вошло).

На основании этих материалов можно предполагать, что С. Г. Чебанов учился в 1917–1919 гг. в Петроградском университете лингвистике у А. В. Щербы и математике у Ю. А. Круткова.

Юрий Александрович Крутков (7(29).5.1890–12.9.1952) (рис. 5) — блестящий лектор, выдающийся физик-теоретик, специалист по квантовой механике, первый ученик П. Эренфеста, чл.-кор. АН СССР по Отделению математических и естественных наук (физика) с 1 февраля 1933 г. по 29 апреля 1938 г. (исключен Общим собранием АН, протокол №2, № 5), профессор ЛГУ. Работая в 1922–1923 и в 1925–1926 гг. в Лейдене, Берлине, Гёттингене и Гамбурге, Ю. А. Крутков был посредником в прояснении позиции А. А. Фридмана, подвергшегося несправедливой критике со стороны А. Эйнштейна, что, в частности, дало толчок к развитию современной астрофизики и космологии. Учениками Ю. А. Круткова были крупнейшие физики и математики — В. А. Фок, В. И. Смирнов, С. Э. Фриш и др.

В 1930-е гг. Ю. А. Крутков заведовал кафедрой теоретической механики Военно-механического

Рис. 5. Юрий Александрович Крутков

института (ныне кафедра теоретической механики и баллистики А7 БГТУ «ВОЕНМЕХ им. Д. Ф. Устинова»).

В ночь на 31 декабря 1936 г. Ю. А. Крутков был арестован в Ленинграде и обвинен в том, что возглавлял контрреволюционную организацию научных работников Ленинграда. 25 мая 1937 г. приговорен к 10 годам лишения свободы. К научно-педагогической работе в ЛГУ он смог вернуться только в 1948 г. (реабилитирован посмертно в 1957 г. (Юрий Александрович Крутков б. г.)).

Одной из заслуг Ю. А. Круткова было то, что в 1920-е гг. он одним из первых читал лекции по квантовой механике в ЛГУ (сам не занимаясь активно развитием этого направления (Френкель 1970, 647)). Именно в это время среди его слушателей был С. Г. Чебанов.

Таким образом, занятия лингвостатистикой были не неким личным чудачеством С. Г. Чебанова, а следствием его принадлежности к двум знаменитым научным школам — Петербургской (Ленинградской) фонологической школе Л. В. Щербы и школе квантовой статистики Ю. А. Круткова.

Возможность говорить о школе Круткова вполне согласуется с мнением академика М. А. Леонтовича: «Ю. А. Крутков был выдающимся советским физиком-теоретиком, сделавшим ценные вклады в механику, квантовую и статистическую физику. В первые 10–15 лет советской физики он может быть отнесен к числу ведущих теоретиков нашей страны» (Крутков Юрий Александрович б. г.). Однако школа Круткова (несмотря на наличие таких учеников, как академики В. И. Смирнов и В. А. Фок,

профессор С. Э. Фриш) как школа историками науки не выделяется. По-видимому, это связано с тем, что Ю. А. Крутков был репрессирован. Последнее обстоятельство может быть и объяснением того, что обсуждаемая статья С. Г. Чебанова не была опубликована в 1930-е гг. (хотя работа была уже сделана).

Если же все-таки говорить о школе Круткова, то, как и другие научные школы Петербурга — Ленинграда (и не только их), эта школа была представлена специалистами, осуществлявшими свою работу в разных учреждениях, в частности, в Петербургском — Петроградском — Ленинградском университете и в Военмехе. С. Г. Чебанов же, хотя и учился (работал) в Военно-медицинской академии, также является представителем этой же математической школы.

В этом контексте интересно то, что сходство языковой статистики, описанной С. Г. Чебановым, с квантово-механическими статистиками отмечал Ю. К. Крылов (Крылов 1982, 1996, а также устное сообщение), а ныне квантово-механические и языковые статистики сближают Трубниковы (Трубников, Трубникова 2012). Такие сближения являются современными свидетельствами того, что ученичество С. Г. Чебанова у Ю. А. Круткова является не случайным обстоятельством, а закономерным шагом на пути выявления распределения Чебанова — Фукса, описывающего распределение слов по числу слогов в тексте.

В сентябре 1918 г. С. Г. Чебанов вступил добровольцем в Красную Армию, на службе в которой состоял до 30 ноября 1956 г. (Трудовая книжка — архив С. Г. Чебанова).

Служил на военно-административных должностях до 1922 г. в военных строительных организациях Петроградского (в документах — Ленинградского) и Смоленского фронтов, в Управлении службы связи Северного флота (Чебанов 1949). По воспоминаниям родственников, служа в Заонежье, общался там с крестьянами-староверами и снискал их уважение за то, что читал им духовные книги, написанные на церковнославянском языке.

Члены семьи Чебановых отличались математическими способностями, что относилось и к Сергею Григорьевичу. Однако, как сын священнослужителя он имел ограничения в получении высшего образования и поэтому не мог возражать против направления его на обучение медицине. В 1922–1928 гг. учился в Военно-медицинской академии (ВМА) (Чебанов 1949, 1; Чебанов б. г., 1). Видимо, с его способностями и интересами к математике и гуманитарным дисциплинам связано то, что он стал специализироваться

в области оториноларингологии, был учеником академика АМН В. И. Воячека.

В 1928 г. окончил Академию и получил назначение в Среднеазиатский военный округ, где служил в разных должностях (от рядового врача до руководителя ЛОР-отделения военного госпиталя) (Памяти... б. г.; Чебанов 1949, 1; Чебанов б. г., 1) в частях Красной Армии военным врачом в Туркменистане, на границе с Афганистаном в районе Кушки, участвовал в походах против басмачей (рис. 6).

В 1938 г. после перенесенной операции (удаление одной слюнной железы в связи с раком губы) был переведен в Ленинград в ВМА на кафедру отоларингологии.

Вскоре после эвакуации ВМА в 1941 г. в Ташкент был назначен начальником ЛОР-отделения созданного на базе ВМА эвакуогоспиталя № 1117 и возглавлял его до осени 1945 г. После расформирования госпиталя вернулся к работе на кафедре оториноларингологии ВМА (в чине подполковника).

В послевоенные годы стал выдающимся специалистом по вестибулярному аппарату, занимаясь исследованиями, связанными с нуждами развития подводного флота и космических полетов.

В 1956 г. Сергей Григорьевич вышел в отставку. После этого с 1956 по 1960 г. работал заведующим ЛОР-отделением Объединенной больницы Октябрьской железной дороги, был главным отоларингологом Октябрьской железной дороги.

С 1 сентября 1960 г. по 8 сентября 1964 г. С. Г. Чебанов занимал по конкурсу место заведу-

Рис. 6. С. Г. Чебанов — военврач 1-го ранга, 1939 г.

Рис. 7. Семья С. Г. Чебанова: В. С. Чебанов, А. И. Кабанова, С. Г. Чебанов. 1954 г.

ющего ЛОР-кафедрой Витебского мединститута. Он установил там связи с близлежащими воинскими частями и организовал курсы повышения квалификации военных врачей-оториноларингологов.

В 1964 г. С. Г. Чебанов вышел на пенсию и вернулся в Ленинград.

С. Г. Чебанов — автор более 30 работ по оториноларингологии, самой значительной из которых (имеющихся в открытой печати) является его статья по материалам докторской диссертации (Чебанов 1957). В 1947 г. он защитил диссертацию на звание кандидата медицинских наук (Памяти... б. г.), а 26 января 1959 г. — доктора медицинских наук (в архиве С. Г. Чебанова имеется повестка дня заседания Совета академии и отзыв рецензента проф. Паутова от 1.12.1956 г.; с чем связан такой разрыв во времени, непонятно), летом 1961 г. получил звание профессора в Витебском государственном медицинском институте.

С. Г. Чебанов был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалями.

Сергей Григорьевич был женат на Кабановой (Баландиной) Анне Ивановне, воспитывал сына Виктора (1923–2012) (рис. 7).

Скончался С. Г. Чебанов 2 декабря 1965 г. от инсульта и похоронен на участке ВМА Богословского кладбища в Санкт-Петербурге. В связи с тем, что некрологи были опубликованы в начале 1966 г., в ряде работ приводится неточная дата смерти.

По воспоминаниям М. В. Яцкевич (1900–1970; в замужестве Чебановой), Сергей Григорьевич начал заниматься распределением слов по слогам в 1920-е гг. во время обучения на оториноларинголога в ВМА, причем эти занятия привели

к нервному истощению. Тогда эти работы воспринимались как его личное чудачество. Однако приведенные новые данные об обучении С. Г. Чебанова у Л. В. Щербы и Ю. А. Круткова показывают, что его занятия носили вполне закономерный характер.

По сведениям В. Д. Чебанова (1926–2019), в середине 1940-х гг. в Москве у С. Г. Чебанова состоялась встреча с А. Н. Колмогоровым, который и представил эту работу в ДАН (Чебанов 1947; Чебанов 2011).

Весной 2011 г. в семье В. С. Чебанова была обнаружена подборка архивных материалов, связанных с С. Г. Чебановым («Архив С. Г. Чебанова»).

Этот «Архив» содержит следующие документы.

1. Письмо В. И. Воячека С. Г. Чебанову от 11 апреля 1937 г. 1 с. Написано неизвестным почерком и подписано В. И. Воячком (с кратким собственноручным приветствием С. Г. Чебанову). Это письмо было ответом С. Г. Чебанову на его письменное сообщение об «интересных случаях вегетативного расстройства уха» (В. И. Воячек).

2. Две рукописные тетради, вложенные в одну обложку, с текстами на разные темы, написанными разными чернилами и, видимо, в разное время. Все тексты написаны очень четким почерком и хорошо сохранились. Тетради содержат следующие тексты (названия или тематика):

- 1) «Песнь о соколе» М. Горького.
- 2) Сказание о Соломоне и Китоврасе.
- 3) Из «Книги о почитании родителей» (Конфуция?).
- 4) Цитата из Аристотеля.
- 5) «Яфетическая теория» акад. Н. Я. Марра — с пометами: «(Программа) Баку 1928», шесть страниц.
- 6) Далее следует «Таблица закономерностей четырех элементов», шесть стадий, в конце схема VI стадии — всеобщий язык.
- 7) Теория Джамбатисты Вико о развитии языка, три страницы.
- 8) Профессионально выполненный рисунок Самаркандской мечети Биби-Ханум (цветной карандаш).
- 9) К принципу относительности (текст и формулы), 14 страниц.
- 10) Женщина (тексты из трудов иностранных авторов), четыре страницы.
- 11) Буддийский пантеон (текст), четыре страницы.
- 12) Цитаты на разные темы, две страницы.
- 13) О гимнастических играх древних (текст с рисунками), пять страниц.

- 14) К чтению иероглифов (D-r Н. Schefer, текст с рисунками), одна страница.
- 15) Половой акт (d-r Roubeand), четыре страницы.
- 16) Яфетическая теория (академик Н. Я. Марр). Основные положения. Слева от заголовка надпись: «24.09.28 ЛГУ».
- 17) Цитаты: О гуннах. О бриттах, одна страница.
- 18) Hieronymus (Beatus) «О женщинах Рима времен упадка» (с цитатами на латыни), три страницы.
- 19) Трагедия одиночества. Epistol. ad. Eustochiovn XVII, 398–9. Халкидская пустыня, две страницы.
- 20) Испытание в ж. Павла пустынноика, одна страница.
- 21) Два отлично выполненных рисунка пером или тушью:
 - а) Трактовка тела в русской иконописи XVI — XVII вв.
 - б) Трактовка тела в скульптуре ассирийцев.
- 22) Хронология земли (эры) с рисунками в тексте, три страницы.

3. Сшитая нитками машинопись формата А4 с дополнительным титульным листом написанная ручкой «Simeon Denis Poisson (1781–1840 гг.) учитель Лапласа» (почерк по-видимому М. В. Яцкевич). На внутреннем титульном листе «В Математический институт Академии наук СССР. “Об укладах речи” (1925–1945 гг.) Подполковник медицинской службы Чебанов С. Г. г. Ленинград. 1945 г.», семь страниц текста + графики + три страницы статистических таблиц. По материалу соответствует публикации в ДАН (Чебанов 1947).

Документ интересен тем, что он явно указывает на то, что эта работа начата в 1920-е гг.

4. Сшитая нитками и склеенная машинопись формата А4 с обложкой из оберточной бумаги. На обложке надпись «С. Г. Чебанов. Опыт теоретического обоснования простых ритмических порядков /в первом приближении/. Эюд VIII». На титульном листе надпись чернилами «Доложено на заседании Ленинградского отделения математического института Академии Наук СССР 29 мая 1947 г.». На втором титульном листе эпиграф из В. Г. Белинского и указание «1942–1948 гг. (Элементы глоттометрии)». 186 страниц односторонней машинописи. Большое количество рукописных вставок на лицевой и оборотной сторонах. На с. 1 зачеркнуто упоминание Н. Я. Марра и цитата из него. Множество таблиц и расчетов. Судя по всему, материал нигде не публиковался. Наличие в заглавии

указания «Этюд VIII» свидетельствует о том, что были еще этюды, но следы их не известны. В работе рассматривается использование цепей Маркова для описания структуры текстов разных типов, подробно обсуждается структура стихотворного текста и ее соотношение со структурой спонтанной речи. По мнению Г. Я. Мартыненко, работа требует детального анализа профессионального специалиста по теории вероятности.

5. Разрозненные документы конца 1940–1950-х гг. В том числе:

- Две автобиографии (Чебанов 1949; б. г.). Первая — сугубо формальная, на двух страницах одного листа, вторая — развернутая с интересными деталями, но, видимо, без последней, четвертой, страницы.
- Материалы, связанные с защитой докторской диссертации — отзывы Паутова (с печатью) и Попова (черновик), повестка дня заседания Совета ВМА, на котором была защита, поздравительная телеграмма ЛОР-стационара.
- Выписка из приказа по Военно-медицинской академии с благодарностью.
- Справка рационализатора о модели микроцентрифуги для наблюдений под микроскопом.

6. Два экземпляра статьи по материалам докторской диссертации (Чебанов 1957).

7. Разрозненные документы периода работы в больнице Октябрьской железной дороги (программы научных мероприятий, письма пациентов).

8. Разрозненные документы периода работы в Витебске:

- Приказы о приеме на работу и величине зарплаты.
- Документы, связанные с получением звания профессора, в т. ч. заключение ... на предмет присвоения ... ученого звания профессора ... в Витебском государственном медицинском институте. Б. г. (после 1960), три страницы (текст не имеет окончания).
- Благодарственная грамота общества «Знание».
- Фотографии с сотрудниками ЛОР-кафедры.
- Статья А. Кругляк «Руки хирурга» о С. Г. Чебанове, опубликованная 16 мая 1962 г. в газете «Витебский рабочий» № 97 (11507) — машинопись, четыре страницы.
- Статья С. Г. Чебанова «Основные биологические проблемы межпланетных

путешествий» Машинопись, восемь страниц, написанная между 1 сентября 1962 г. и 20 июня 1963 г. Текст характеризует широту мышления автора.

- Почтовый конверт формата А4 из редакции журнала «The Cancer Bulletin» (Хьюстон), адресованное С. Г. Чебанову в Витебский медицинский институт (что привлекает внимание в связи с тем, что Хьюстон является центром космической медицины США; однако надо иметь в виду и то, что Сергей Григорьевич занимался в это время злокачественными заболеваниями уха).
9. Документы последнего ленинградского периода жизни (1964–1965 гг.):
- Поздравления командования Военно-медицинской академии.
 - Черновик некролога (Памяти..., б. г.).
 - Некролог (Памяти... 1966). В нем в качестве даты смерти указано 3.12.1965 (а не 2.12).
10. Трудовая книжка С. Г. Чебанова.

11. Фотографии:

- С. Г. Чебанов на занятиях со слушателями ВМА;
- ЛОР-клиника ВМА: профессора, преподаватели и слушатели;
- С. Г. Чебанов с сотрудниками ЛОР-клиники Витебского медицинского института, 1963 г.;
- фотография С. Г. Чебанова — военврача 1-го ранга с его автографом на обороте, заверенном подписью помощника начальника отдела кадров ВМА и круглой печатью.

12. Chebanow S. G. On Conformity of Language Structures within the Indo-European Family to Poisson's Law // Comptes Rendus (Doklady) De L'Académie des Sciences de L'URSS, 1947 vol. LV, № 2, 99–102 (отдельный оттиск).

Перечисленные документы, несмотря на их малочисленность, представляют несомненный интерес как для уточнения биографических подробностей, связанных с С. Г. Чебановым, так и для понимания его научного наследия. В связи с этим необходимо обратить внимание на материалы 3, 4 и статью «Основные биологические проблемы межпланетных путешествий».

Из перечисленных документов особый интерес представляют две тетради с выписками (п. 2), которые дают представление о спектре интересов Сергея Григорьевича, и работа «Опыт теоретического обоснования простых ритмических порядков /в первом приближении/. Этюд VIII», которая вообще неизвестна специалистам.

Возвращаясь же к распределению Чебанова — Фукса, теперь можно сказать следующее.

Прежде всего, следует обратить внимание на наличие английского варианта известной статьи С. Г. Чебанова (см. п. 12). Эта публикация нигде не упоминалась в связи с деятельностью С. Г. Чебанова, хотя обращение к ней было бы очень важно для того, чтобы эта работа была известна за границей. Это, возможно, связано с тем, что 16 июля 1947 г. вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о прекращении с июля 1947 г. издания академической периодики на иностранных языках, в связи с чем в описаниях ДАН не указывается наличие иноязычных версий за весь 1947 г.

Далее, конечно же, надо иметь в виду, что в настоящее время работы С. Г. Чебанова представляют чисто исторический интерес (Чебанов 2011). Это касается как математической (см. подробный анализ Grzybek 2006), так и лингвистической стороны дела. Последняя связана с тем, что и отоларинголог С. Г. Чебанов, и физик В. Фукс (Fucks 1955) отталкивались, по-видимому, от артикуляционно-акустических характеристик слова, но при этом оперировали в расчетах графическими словами, что является нонсенсом с лингвистической точки зрения. Поэтому интересно посмотреть обсуждаемое распределение на фонетических словах.

Такая возможность представилась в связи с тем, что Д. С. Кузнецовой в ходе выполнения выпускной квалификационной работы была получена запись спонтанной речи с разбивкой на фонетические слова (Кузнецова 2011). Была изучена запись часа спонтанного разговора нескольких студентов и выпускников вузов Санкт-Петербурга. При этом были получены следующие результаты (табл. 1, рис. 8).

Полученное распределение фонетических слов контрастно отличается от того, что известно для распределения русского письменного текста — мода в этом случае равна не двум (в данном случае один — это спонтанная разговорная речь с большим количеством служебных слов), а четырем, а заметное количество свойственно намного более многосложным конструкциям (вплоть до 12 слогов). При этом распределение графических слов характерно для русского письменного текста. Различия распределения графических и фонетических слов по числу слогов для одного и того же текста весьма наглядны.

При этом полученное распределение ни графических, ни фонетических слов не соответствуют ни пуассоновскому, ни биномиальному распределению (что для графических слов известно — см. Кромер 2001; Пиотровский и др. 1977; Ю. К. Крылов, личн. сообщ.) (рис. 9–12).

При этом степень отклонения от этих распределений для фонетических слов оказывается больше, чем для графических. Последнее обстоятельство подтверждает ранее высказанное предположение (Бландинская и др. 2009), что обычно обсуждаемый материал по статистике длины слова в графической записи скорее можно интерпретировать в связи с морфологическим строем языка. Изучение же распределения фонетических слов открывает возможность получения действительно фонетически интерпретируемых данных.

Табл. 1. Распределение фонетических и графических слов по количеству слогов в спонтанной речи

Кол-во слогов в слове	Кол-во слов	
	Фонетических	Графических
1	286	2511
2	305	1963
3	430	1158
4	486	646
5	406	245
6	292	105
7	230	27
8	186	5
9	125	
10	84	
11	43	
12	40	
13	19	
14	16	
15	8	
16	4	
17	4	
18	2	
Общее:	2966	6660

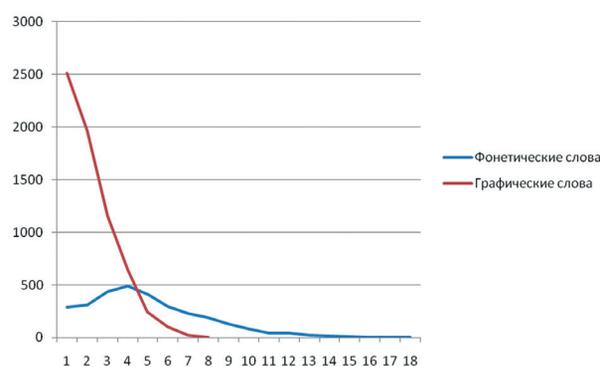

Рис. 8. Распределение графических и фонетических слов по числу слогов в спонтанной речи.

По оси абсцисс — количество слогов в слове, по оси ординат — количество слов с данным числом слогов.

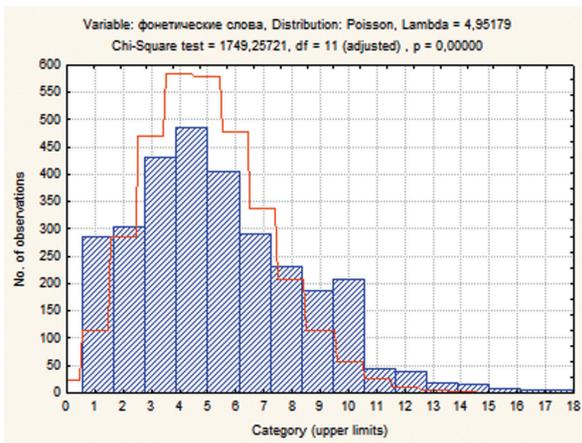

Рис. 9. Соответствие распределения длины фонетических слов распределению Пуассона: $\chi^2=1749,3$

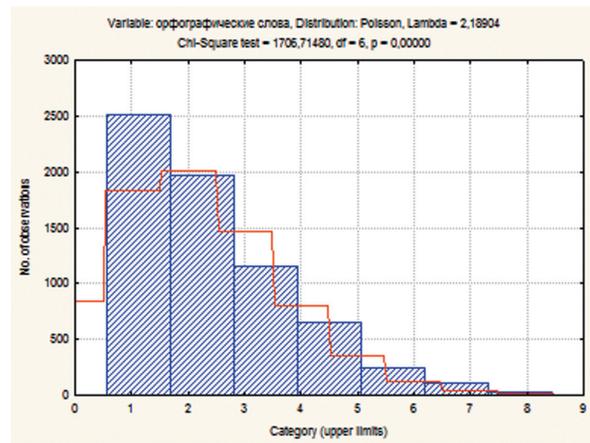

Рис. 11. Соответствие распределения длины графических слов распределению Пуассона: $\chi^2=1706,7$

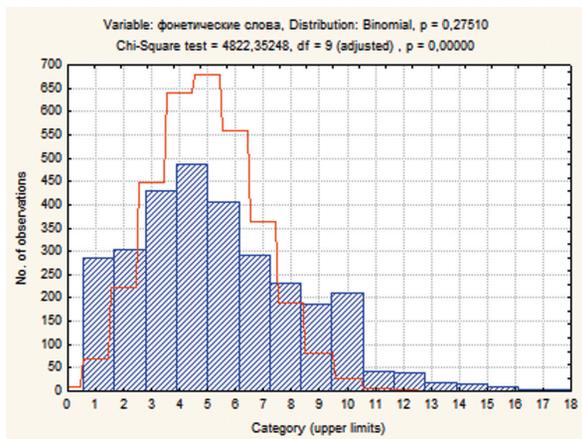

Рис. 10. Соответствие распределения длины фонетических слов биномиальному распределению: $\chi^2=4822,4$

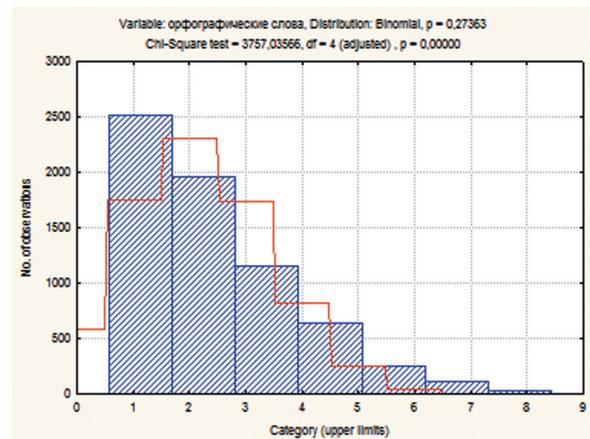

Рис. 12. Соответствие распределения длины графических слов биномиальному распределению: $\chi^2=3757,0$

Полученные результаты позволяют утверждать, что открывается еще одно принципиально новое направление изучения распределения Чебанова — Фукса.

В заключение авторы считают своим приятным долгом выразить признательность

В. С. Чебанову и И. В. Чебанову за предоставление материалов из их домашнего архива и В. Д. Чебанову как за проверку биографических данных, так и за помощь в описании архивных материалов С. Г. Чебанова.

Литература

- Бландинская, А. В., Козлова, М. В., Кондратский, К. А. и др. (2009) Ценологический аспект распределения слов по количеству слогов. *Технетика и ценология: от теории к практике. Ценологические исследования*. Вып. 35. М.: МОИП МГУ — Технетика, с. 205–213.
- Заключение ... на предмет присвоения ... ученого звания профессора в Витебском государственном медицинском институте... (Б. г.) *Личный архив С. Г. Чебанова*, 3 л. (машинопись).
- Кокочашвили, Т. Г., Цицосани, Т. П., Беришвили, Г. Ш. (1986) Результаты сравнения эмпирических законов распределений частей речи в грузинских и английских научно-технических текстах с пятью теоретическими законами распределений. В кн.: *Квантитативные аспекты системной организации текста*. Тбилиси: ТГУ, с. 70–78.

- Кроммер, В. В. (2001) Математическая модель длины слова на основе распределения Чебанова-Фукса с равномерным распределением параметра. В кн.: *Информатика и проблемы телекоммуникаций: Международная научно-техническая конференция (СибГУТИ), 26–27 апреля 2001 г.* Новосибирск: Изд-во СибГУТИ, с. 74–75.
- Крутков Юрий Александрович (29.05.1890 — 12.09.1952). РАН. Физический институт им. П. Н. Лебедева. Отдел теоретической физики им. И. Е. Тамма. Персоналии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tamm.lpi.ru/about1/person/krutkov.html> (дата обращения 19.06.2019).
- Крылов, Ю. К. (1982) Об одной парадигме лингвостатистических распределений. В кн.: *Ученые записки ТГУ.* Вып. 628. Тарту: Тартуский гос. университет, с. 80–103.
- Крылов, Ю. К. (1996) Вероятностно-статистические модели синергетизма. В кн.: Б. И. Кудрин (ред., сост.). *Математическое описание ценозов и закономерностей технетики. Философия и становление технетики.* Абакан: Центр системных исследований, с. 110–142. (Ценологические исследования. Вып. 1–2).
- Кузнецова, Д. С. (2011) *Фоносемантика речевых девиаций. Выпускная квалификационная работа.* СПб., 96 с.
- Памяти профессора Сергея Григорьевича Чебанова (Б. г.) *Личный архив С. Г. Чебанова*, 3 л. (машинопись).
- Памяти профессора Сергея Григорьевича Чебанова (1966) *Вестник оториноларингологии*, № 6, с. 116.
- Пиотровский, Р. Г., Бектаев, К. Б., Пиотровская, А. А. (1977) *Математическая лингвистика.* М.: Высшая школа, 383 с.
- Трубников, Б. А., Трубникова, О. Б. (2012) Открытие «антигауссовой» квантовой статистики меняет картину мира. В кн.: *Специфика ценологических представлений разных школ. Общая и прикладная ценология. Материалы XVI конференции по философии технетики и семинара по ценологии (Москва, 11 ноября 2011 г.).* М.: Технетика, с. 138–154. (Ценологические исследования. Вып. 46).
- Френкель, В. Я. (1970) Юрий Александрович Крутков. *Успехи физических наук*, т. 102, № 12, с. 639–654. DOI: 10.3367/UFNr.0102.197012e.0639
- Чебанов, С. В. (2011) Об обстоятельствах контакта А. Н. Колмогорова и С. Г. Чебанова. В кн.: Б. И. Кудрин (ред.). *Ценологическое моделирование: теоретические основания и практические результаты. Материалы XV конференции по философии техники и технетике и семинара по ценологии (Москва, 19 ноября 2010 г.).* М.: Технетика, с. 105–109. (Ценологические исследования. Вып. 47).
- Чебанов, С. В., Кузнецова, Д. С. (2012) С. Г. Чебанов и его архив. В кн.: *Структурная и прикладная лингвистика.* Вып. 9. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, с. 332–341.
- Чебанов, С. Г. (1947) О подчинении речевых укладов «индоевропейской» группы закону Пуассона. *Доклады Академии наук СССР*, т. 55, № 2, с. 103–106.
- Чебанов, С. Г. (1949) Автобиография. *Личный архив С. Г. Чебанова*. 2 л. (машинопись).
- Чебанов, С. Г. (Б. г.) Автобиография. *Личный архив С. Г. Чебанова*. 2 л. (машинопись).
- Чебанов, С. Г. (1957) О значении гидродинамических теорий для физиологии полукружных каналов ушного лабиринта. В кн.: *Труды Военно-медицинской ордена Ленина академии им. С. М. Кирова.* Т. 77. Л.: Б. и., с. 155–196.
- Юрий Александрович Крутков. *Кафедра статистической физики.* [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.phys.spbu.ru/History/krutkov.html> (дата обращения 19.06.2019).
- Best, K.-H., Čebanov, S. V. (2001) Biographische Notiz: Sergej Grigor'evič Čebanov (1897–1966). In: K.-H. Best (Hg.). *Häufigkeitsverteilungen in Texten.* Göttingen: Peust & Gutschmidt, S. 281–283.
- Fucks, W. (1955) Theorie der Wortbildung. *Mathematisch-Physikalische Semesterberichte*, Bd. 4, S. 195–212.
- Grzybek, P. (2006) History and methodology of word length studies. The state of the art. In: P. Grzybek (ed.). *Contributions to the science of text and language. Word length studies and related issues.* Dordrecht: Springer, S. 15–90. (Text, Speech and Language Technology, vol. 31). DOI: 10.1007/978-1-4020-4068-9_2
- Zipf, G. K. (1935) *The psychobiology of language. An introduction to dynamic philology.* Boston: Houghton-Mifflin, 336 p.

References

- Best, K.-H., Čebanov, S. V. (2001) Biographische Notiz: Sergej Grigor'evič Čebanov (1897–1966). In: K.-H. Best (Hg.). *Häufigkeitsverteilungen in Texten.* Göttingen: Peust & Gutschmidt, S. 281–283. (In German)
- Blandinskaya, A. V., Kozlova, M. V., Kondratskij, K. A. et al. (2009) Tsenologičeskij aspekt raspredeleniya slov po kolichestvu slogov [The cenological aspect of word distribution by the quantity of syllables]. In: *Tekhnika i tsenologija: ot teorii k praktike. Tsenologičeskie issledovaniya [Technology and cenology: From theory to practice. Cenological studies]*. Iss. 35. Moscow: Moscow Society of Naturalists of Lomonosov Moscow State University Publ. — Tekhnika Publ., pp. 205–213. (In Russian)
- Chebanov, S. V. (2011) Ob obstoyatel'stvah kontakta A. N. Kolmogorova i S. G. Chebanova [On the background of A. N. Kholmogorov and S. G. Chebanov's contact]. In: *Tsenologičeskoe modelirovanie: teoreticheskie osnovaniya i praktičeskie rezul'taty. Materialy XV konferentsii po filosofii tekhniki i tekhnike i seminaru po tsenologii (Moskva, 19 noyabrya 2010 g.) [Cenological Modelling: Theoretical Foundations and Practical Implications.*

- Proceedings of the XV Conference on Technology Philosophy and Technetics and the Seminar on Cenology (Moscow, November 19, 2010)*. Moscow: Tekhnika Publ., pp. 105–109. (Tsenologicheskie issledovaniya [Cenological Studies]. Iss. 47). (In Russian)
- Chebanov, S. V., Kuznecova, D. S. (2012) S. G. Chebanov i ego arkhiv [S. G. Chebanov and his archive]. In: *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika [Structural and applied linguistics]*. Iss. 9. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 332–341. (In Russian)
- Chebanov, S. G. (1947) O podchinenii rechevykh ukladov “indoevropskoj” gruppy zakonu Puassona [On the compliance of the articulatory gestures of the “Indo-European” group with the Poisson distribution]. *Doklady Akademii nauk SSSR — Proceedings of The Academy of Science of the Soviet Union*, vol. 55, iss. 2, pp. 103–106. (In Russian)
- Chebanov, S. G. (1949) Avtobiografiya [Autobiography]. *Lichnyj arkhiv S. G. Chebanova [S. G. Chebanov's personal archive]*. 2 p. (Typescript). (In Russian)
- Chebanov, S. G. (S. a.) Avtobiografiya [Autobiography]. *Lichnyj arkhiv S. G. Chebanova [S. G. Chebanov's personal archive]*. 2 p. (Typescript). (In Russian)
- Chebanov, S. G. (1957) O znachenii gidrodinamicheskikh teorij dlya fiziologii polukruzhnykh kanalov ushnogo labirinta [On the significance of hydrodynamic theories for the physiology of the semicircular canals of the inner ear]. In: *Trudy voenno-meditsinskoj ordena Lenina akademii im. S. M. Kirova [Proceedings of the S. M. Kirov Military Medical Academy]*. Vol. 77. Leningrad: s. n., pp. 155–196. (In Russian)
- Frenkel', V. Ya. (1971) Yurii Aleksandrovich Krutkov. *Soviet Physics-Uspexi*, vol. 13, pp. 816–825. DOI: 10.1070/PU1971v013n06ABEH004283 (In Russian)
- Fucks, W. (1955) Theorie der Wortbildung. *Mathematisch-Physikalische Semesterberichte*, Bd. 4, S. 195–212. (In German)
- Grzybek, P. (2006) History and methodology of word length studies. The state of the art. In: P. Grzybek (ed.). *Contributions to the science of text and language. Word length studies and related issues*. Dordrecht: Springer, S. 15–90. (Text, Speech and Language Technology, vol. 31). DOI: 10.1007/978-1-4020-4068-9_2 (In English)
- Kokochashvili, T. G., Tsilosani, T. P., Berishvili, G. Sh. (1986) Rezul'taty sravneniya empiricheskikh zakonov raspredelenij chastej rechi v gruzinskikh i anglijskikh nauchno-tekhnicheskikh tekstakh s pyat'yu teoreticheskimi zakonami raspredelenij [The results of the comparing the empirical laws of the part of speech distribution in Georgian and English technical scientific texts with five theoretical distribution laws]. In: *Kvantitativnye aspekty sistemoj organizatsii teksta [Quantitative aspects of the systematic text organization]*. Tbilisi: Tbilisi State University Publ., pp. 70–78. (In Russian)
- Kromer, V. V. (2001) Matematicheskaya model' dliny slova na osnove raspredeleniya Chebanova-Fuksa s ravnomernym raspredeleniem parametra [A mathematical model of a word length based on Chebanov-Fuks distribution with an equiprobability probable distribution of a parameter]. In: *Informatika i problemy telekommunikatsij: Mezhdunarodnaya nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya (SibGUTI), 26–27 aprelya 2001 g. [Information Science and the Issues of Telecommunication. International Science and Technology Conference (Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences), April 26–27, 2001]*. Novosibirsk: Siberian State University of Telecommunication and Information Sciences Publ., pp. 74–75. (In Russian)
- Krutkov Yuri Aleksandrovich (29.05.1890 — 12.09.1952). RAN. *Fizicheskij institut im. P. N. Lebedeva. Otdelenie teoreticheskij fiziki im. I. E. Tamma. Personalii [P. N. Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences. The I. E. Tamm Theoretical Physics Department. Personalities]*. [Online]. Available at: <http://www.tamm.lpi.ru/about1/person/krutkov.html> (accessed 19.06.2019). (In Russian)
- Krylov, Yu. K. (1982) Ob odnoj paradigme lingvostatisticheskikh raspredelenij [On one paradigm of linguo-statistical distributions]. In: *Uchenye zapiski TGU [Proceedings of Tartu State University]*. Iss. 628. Tartu: Tartu State University Publ., pp. 80–103. (In Russian)
- Krylov, Yu. K. (1996) Veroyatnostno-statisticheskie modeli sinergetizma [Statistical probability models of synergism]. In: B. I. Kudrin (ed., comp.). *Matematicheskoe opisaniye tsenozov i zakonomernostej tekhniki. Filosofiya i stanovlenie tekhniki [Mathematical description of cenoses and the consistent patterns of technology. Philosophy and the formation of technetic]*. Abakan: Tsentri sistemnykh issledovanij Publ., pp. 110–142. (Tsenologicheskie issledovaniya [Cenological Studies]. Iss. 1–2) (In Russian)
- Kuznecova, D. S. (2011) *Fonosemantika rechevykh devitsij [Phonosemantics of speech deviations]*. Graduation thesis. Saint Petersburg, 96 p. (In Russian)
- Pamyati professora Sergeya Grigor'evicha Chebanova [In memoriam of professor Sergej Grigoryevich Chebanov] (S. a.) *Lichnyj arkhiv S. G. Chebanova [S. G. Chebanov's personal archive]*, 3 p. (Typescript). (In Russian)
- Pamyati professora Sergeya Grigor'evicha Chebanova [In memoriam of professor Sergej Grigoryevich Chebanov] (1966) *Vestnik otorinolaringologii — Bulletin of Otorhinolaryngology*, no. 6, p. 116. (In Russian)
- Piotrovskij, R. G., Bektaev, K. B., Piotrovskaya, A. A. (1977) *Matematicheskaya lingvistika [Mathematical linguistics]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 383 p. (In Russian)
- Trubnikov, B. A., Trubnikova, O. B. (2012) Otkrytie “antigaussovoj” kvantovoj statistiki menyaet kartinu mira [The discovery of the “anti-Gaussian” quantum statistics changes the picture of the world]. In: *Spetsifika tsenologicheskikh predstavlenij raznykh shkol. Obshchaya i prikladnaya tsenologiya. Materialy XVI konferentsii*

po filosofii tekhnologii i seminara po tsenologii (Moskva, 11 noyabrya 2011 g.) Tsenologicheskie issledovaniya [The Characteristic Features of the Cenological Concepts Belonging to Different Schools. General and Applied Cenology. Proceedings of the XVI Conference on Technology Philosophy and Technetics and the Seminar on Cenology (Moscow, November 11, 2011)]. Moscow: Tekhnika Publ., pp. 138–154. (Tsenologicheskie issledovaniya [Cenological Studies]. Iss. 46). (In Russian)

Yurij Aleksandrovich Krutkov. *Kafedra statisticheskoy fiziki [The department of statistical physics]*. [Online]. Available at: <http://stat.phys.spbu.ru/History/krutkov.html>

(accessed 19.06.2019). (In Russian)

Zipf, G. K. (1935) *The psychobiology of language. An introduction to dynamic philology*. Boston: Houghton-Mifflin, 336 p. (In English)

Zaklyuchenie ... na predmet prisvoeniya ... uchenogo zvaniya professora v Vitebskom gosudarstvennom meditsinskom institute [The statement... in support of the conferment... of professorial academic title in Vitebsk State Medical Institute] (S. a.) Lichnyj arkhiv S. G. Chebanova [S. G. Chebanov's personal archive], 3 p. (Typescript). (In Russian)